

ISSN 2664-5157 (print)
ISSN 2708-7360 (online)

Turkic Studies Journal

№3
Vol. 3
2021

Nur-Sultan

ISSN (print)2664-5157
ISSN (online)2708-7360

Turkic Studies Journal
2021, Volume 3, Number 3

2019 жылдан бастап шығады
Founded in 2019
Издается с 2019 года

Жылына 4 рет шығады
Published 4 times a year
Выходит 4 раза в год

Нұр-Сұлтан, 2021
Nur-Sultan, 2021
Нур-Султан, 2021

Бас редакторы: **Ерлан Сыдықов**, *т.ғ.д., проф., ҚР ҰҒА академигі,*
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)
Бас редактордың орынбасары **Шақимашрип Ибраев**, *ф.ғ.д., проф.,*
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)
Бас редактордың орынбасары **Ирина Невская**, *доктор, проф.,*
Гете университеті (Франкфурт, Германия)

Редакция алқасы

Абдылдажан Акматалиев	ф.ғ.д., Ш.Т. Айтматов атындағы Тіл және әдебиет институты (Бішкек, Қырғызстан)
Ғайбулла Бабаяров	т.ғ.д., Өзбекстан ғылым академиясы Ұлттық археология орталығы (Ташкент, Өзбекстан)
Ұлданай Бахтикереева	ф.ғ.д., проф., Ресей халықтар достастығы университеті (Мәскеу, Ресей Федерациясы)
Гюрер Гульсевин	доктор, проф., Эгей университеті (Измир, Түркия)
Анна Дыбо	ф.ғ.д., проф., Ресей ғылым академиясының Тіл білімі институты (Мәскеу, Ресей Федерациясы)
Мырзатай Жолдасбеков	ф.ғ.д., проф., Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)
Дания Загидуллина	ф.ғ.д., проф., Татарстан Республикасы ғылым академиясы (Казан, Ресей Федерациясы)
Зимони Иштван	доктор, проф., Сегед университеті (Сегед, Венгрия)
Болат Көмеков	т.ғ.д., проф., Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)
Игорь Кызласов	т.ғ.д., проф., Ресей ғылым академиясы Археология институты (Мәскеу, Ресей Федерациясы)
Дихан Қамзабекұлы	ф.ғ.д., проф., Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)
Сейіт Қасқабасов	ф.ғ.д., проф., М. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институты (Алматы, Қазақстан)
Чимиза Ламажаа	филол.ғ.д., Туваның жаңа зерттеулері (Мәскеу, Ресей Федерациясы)
Ласло Мараш	PhD, проф., Амстердам университеті (Амстердам, Нидерланды)
Мария Иванич	доктор, проф., Сегед университеті (Сегед, Венгрия)
Карл Рейхл	доктор, проф., Бонн университеті (Германия)
Зайнолла Самашев	т.ғ.д., А.Марғұлан атындағы археология институты (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)
Қаржаубай Сартқожа	ф.ғ.д., Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)
Айрат Ситдиқов	т.ғ.д., проф., Казан федералды университеті (Казан, Ресей Федерациясы)
Фирдаус Хисамитдинова	ф.ғ.д., проф., Тарих, тіл және әдебиет институты (Уфа, Ресей Федерациясы)
Нурилла Шаймердинова	ф.ғ.д., проф., жауапты хатшы, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)
Амантай Шәріп	ф.ғ.д., проф., жауапты хатшы, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)
Альфия Юсупова	ф.ғ.д., проф., Казан федералды университеті (Казан, Ресей Федерациясы)

Редакцияның мекенжайы: 010008, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ., Сәтбаев к-сі, 2

Тел.: +7(7172) 709-500 (ішкі 31-434)

E-mail: turkicjournal@gmail.com, web-site: tsj.enu.kz

Turkic Studies Journal

Меншіктенуші: «Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті» коммерциялық емес акционерлік қоғам. Қазақстан Республикасы Ақпарат және қоғамдық даму министрлігінде тіркелген. 24.02.2021 ж. №KZ27VPY00032814 – тіркеу куәлігі (алғашқы тіркеу нөмірі және күні 28.03.2019, 17636-Ж). Мерзімділігі: жылына 4 рет.

Типографияның мекенжайы: 010008, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ., Қажымұқан к-сі, 13/1, тел.: +7(7172) 709-500 (ішкі 31-434)

Editor-in-Chief: **Yerlan Sydykov**, *Doctor of Historical Sciences, Prof., Academician of NAS RK, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan)*
Deputy Editor-in-Chief: **Shakimashrip Ibrayev**, *Doctor of Philology, Prof., L.N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan)*
Deputy Editor-in-Chief: **Irina Nevskaya**, *Dr., Prof., Goethe University (Frankfurt, Germany)*

Editorial board

Abdyldajan Akmatallyev	Doctor of Philology, Ch.T.Aitmatov Institute of Language and Literature (Bishkek, Kyrgyzstan)
Gaybulla Babayarov	Doctor of Historical Sciences, Uzbekistan National Center for Archeology of the Academy of Sciences (Tashkent, Uzbekistan)
Uldanai Bakhtikireeva	Doctor of Philology, Prof., Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation)
Gurer Gulsevin	Dr., Prof., Ege University (Izmir, Turkey)
Anna Dybo	Doctor of Philology, Prof., Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
Myrzatay Zholdasbekov	Doctor of Philology, Prof., L.N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan)
Daniya Zagidullina	Doctor of Philology, Prof., Tatarstan Academy of Science (Kazan, Russian Federation)
Zimonyi Istvan	Dr., Prof., University of Szeged (Szeged, Hungary)
Bolat Kumekov	Doctor of Historical Sciences, Prof., L.N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan)
Igor Kyzlasov	Doctor of Historical Sciences, Prof., Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
Dikhan Kamzabekuly	Doctor of Philology, Prof., L.N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan)
Seit Kaskabasov	Doctor of Philology, Prof., M. Auezov Institute of Literature and Arts (Almaty, Kazakhstan)
Chimiza Lamazhaa	Doctor of Philosophy, New Research of Tuva (Moscow, Russian Federation)
Laszlo Maracz	PhD, Prof., University of Amsterdam (Amsterdam, Netherlands)
Maria Ivanics	Dr., Prof., University of Szeged (Szeged, Hungary)
Karl Reichl	Dr., Prof., University of Bonn (Bonn, Germany)
Zainulla Samashev	Doctor of Historical Sciences, A. Margulan Institute of Archaeology (Nur-Sultan, Kazakhstan)
Karzhaubay Sartkozha	Doctor of Philology, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan)
Ayrat Sitdikov	Doctor of Historical Sciences, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)
Firdaus Hisamitdinova	Doctor of Philology, Prof., Institute of History, Language and Literature (Ufa, Russian Federation)
Nurila Shaimerdinova	Doctor of Philology, Prof., Executive Secretary, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan)
Amantay Sharip	Doctor of Philology, Prof., Executive Secretary, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan)
Alfiya Yusupova	Doctor of Philology, Prof., Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Editorial address: Satpayev str. 2, Nur-Sultan, Kazakhstan, 010008

Tel.: +7(7172) 709-500 (ext. 31-434).

E-mail: turkicjournal@gmail.com, web-site: tsj.enu.kz

Turkic Studies Journal

Owner: Non-profit joint-stock company «L.N.Gumilyov Eurasian National University». Registered by Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan. Registration number № KZ27VPY00032814 from 24.02.2021 (date and number of the initial registration 28.03.2019, 17636-Ж). Periodicity: 4 times a year

Address of printing house: 13/1 Kazhymukan str., Nur-Sultan, Kazakhstan, 010008; tel.: +7(7172) 709-500 (ext. 31-434)

Главный редактор: **Ерлан Сыдыков**, *д.и.н., проф., академик НАН РК*,
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан)
Зам. главного редактора: **Шакимашрип Ибраев**, *д.ф.н., проф.*,
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан)
Зам. главного редактора: **Ирина Невская**, *доктор, проф.*, *Университет им. Гёте (Франкфурт, Германия)*

Редакционная коллегия

Абдылдажан Акматалиев	д.ф.н., Институт языка и литературы им. Ч.Т. Айтматова (Бишкек, Кыргызстан)
Гайбулла Бабаяров	д.ист.н., Национальный центр археологии Академии наук Узбекистана (Ташкент, Узбекистан)
Улданай Бахтикиреева	д.ф.н., проф., Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)
Гюрер Гюльсевин	доктор, проф., Эгейский университет (Измир, Турция)
Анна Дыбо	д.ф.н., проф., Институт языкознания Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)
Мырзатай Жолдасбеков	д.ф.н., проф., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан)
Дания Загидуллина	д.ф.н., проф., Академия наук Республики Татарстан (Казань, РФ)
Зимони Иштван	доктор, проф., Сегедский университет (Сегед, Венгрия)
Булат Кумеков	д.ист.н., проф., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан)
Игорь Кызласов	д.ист.н., проф., Институт археологии Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)
Дихан Камзабекулы	д.ф.н., проф., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан)
Сейт Каскабасов	д.ф.н., проф., Институт литературы и искусства (Алматы, Казахстан)
Чимиза Ламажаа	д.филос.н., Новые исследования Тувы (Москва, Российская Федерация)
Ласло Мараш	PhD, проф., Амстердамский университет (Амстердам, Нидерланды)
Мария Иванич	доктор, проф., Сегедский университет (Сегед, Венгрия)
Карл Рейхл	доктор, проф., Боннский университет (Бонн, Германия)
Зайнолла Самашев	д.ист.н., Институт археологии имени А. Маргулана (Нур-Султан, Казахстан)
Каржаубай Сарткожа	д.ф.н., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан)
Айрат Ситдиков	д.ист.н., Казанский федеральный университет (Казань, РФ)
Фирдаус Хисамитдинова	д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы (Уфа, РФ)
Нурила Шаймердинова	д.ф.н., проф., отв.секретарь, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан)
Амантай Шарип	д.ф.н., проф., отв.секретарь, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан)
Альфия Юсупова	д.ф.н., проф., Казанский федеральный университет (Казань, РФ)

Адрес редакции: 010008, Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Сатпаева, 2
Тел.: +7(7172) 709-500 (вн. 31-434)
E-mail: turkicjournal@gmail.com, web-site: tsj.enu.kz

Turkic Studies Journal

Собственник: Некоммерческое акционерное общество «Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева». Зарегистрирован Министерством информации и общественного развития Республики Казахстан. Регистрационное свидетельство № KZ27VPY00032814 от 24.02.2021 (дата и номер первичной регистрации 28.03.2019, 17636-Ж). Периодичность: 4 раза в год.
Адрес типографии: 010008, Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Кажымукана, 13/1, тел.: +7(7172)709-500, (вн. 31-434)

МАЗМҰНЫ/CONTENT/СОДЕРЖАНИЕ

Е.Н. Бекасова Казахские заимствования в оренбургских русских говорах.....	
Е.Н. Бекасова Орынбор орыс говорларына қазақ тілінен енген кірме сөздер.....	
E.N. Bekasova Kazakh borrowings in Orenburg Russian dialects.....	7
М.Э. Дубровина Особенности функционирования формы множественного числа -lar в тюркских языках с позиций этнолингвистики	
М.Э. Дубровина Түркі тілдеріндегі көптік -lar формасының этнолингвистикалық тұрғыдағы қызметінің ерекшеліктері.....	
M.E. Dubrovina Features of the functioning of the plural form -lar in the Turkic languages from the standpoint of ethnolinguistics.....	22
Sh. Ibraev The phenomenological transformation of Abay's poetry.....	
Ш. Ибраев Абай поэзиясының феноменологиялық түрленуі (трансформациясы) жайында	
Ш. Ибраев Феноменологическая трансформация поэзии Абая.....	28
Т. Қыдыр Әлішер Науаидің «Мухәкәмәтул-лугәтәйн» шығармасының түркітану саласындағы маңызы.....	
T. Qydyr The importance of Alisher Navoi's work «Muhakamatul-lugatayn» in the field of Turkic studies.....	
Т. Кыдыр Значимость «Мухокамат ул-лугатайн» Алишера Навои для тюркологии.....	37
Ж.А. Манкеева Қазақ тілінің түркілік сабақтастығы.....	
Zh.A. Mankeeva Continuity of the Kazakh language with the language of the runic inscriptions	
Ж.А. Манкеева Преемственность казахского языка с языком рунических памятников.....	47
Ш.В. Нафиков Гидроним Лабау, Ләмәз и подобные изоглоссы в урало-алтайских и других языках.....	
Ш.В. Нафиков Орал-Алтай және басқа тілдердегі Лабау, Ләмәз гидронимі мен соған ұқсас изоглосстар.....	
Sh.V. Nafikov The hydronyms of the Labau, Lämäd and similar isoglosses in the Ural-Altaic and other languages.....	55
Е.Р. Николаев О диалектных особенностях якутской традиционной игры «хайах хостоһор»	
Е.Р. Николаев Якуттардың дәстүрлі «хайах хостоһор» ойынының диалектілік ерекшеліктері туралы.....	
E.R. Nikolaev On dialectal peculiarities of the Yakut traditional game «hayakh khostohor»....	65
М. Соегов Два туркмена: отец и сын, удостоенные высоких чинов и наград России и Британии соответственно в 1881 и 1918 годах.....	
М. Соегов Екі түрікмен: 1881 және 1918 жылдары Ресей мен Ұлыбританияның жоғары шені мен марапатын алған әкесі мен баласы	

M. Soyegov Two Turkmens: the father and the son awarded high ranks and awards of Russia and Britain respectively in 1881 and 1918.....	74
---	----

СЫН-ПІКІРЛЕР/REVIEWS/РЕЦЕНЗИИ

A.K. Kaиржанов Рецензия на коллективную монографию.....	
A.K. Kaиржанов Ұжымдық монографияға сын-шолу.....	
A.K. Kaирzhanov Review of the collective monograph	82

Е.Н. Бекасова

*Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Российская Федерация
(E-mail: bekasova@mail.ru)*

Казахские заимствования в оренбургских русских говорах

Аннотация. Актуальность изучения говоров территорий позднего заселения обусловливается особенностями их формирования, функционирования и сохранения в условиях междиалектных и межъязыковых контактов. В связи с этим оренбургские русские говоры, складывающиеся в уникальной языковой ситуации взаимодействия разновременных переселенческих волн из губерний европейской части Российской империи с тюркскими и фино-угорскими народами на протяжении более 250 лет, остаются недостаточно исследованными. Однако опубликованные в 2005-2019 годах труды Бориса Александровича Моисеева на материале записей 50-70-х годов XX в. позволяют рассматривать различные аспекты изучения систем вторичных оренбургских русских говоров, среди которых особо выделяется проблема русско-казахских языковых контактов как наиболее значительных в лингвокультурном плане. Анализ казахских заимствований позволил определить тематические группы заимствованной лексики, выявить механизмы её вхождения и адаптации в оренбургских русских говорах, определить особенности соотношения с исконными соответствиями и раскрыть потенциальные возможности, реализованные в генетически чуждой диалектной системе. Среди наиболее значимых в количественном отношении групп заимствований выделяются термины верблюдоводства, а также обозначения масти, возраста и особенностей воспроизводства лошадей и коров, наименования которых вступали в корреляцию с исконными языковыми единицами. Заимствования в области питания не только хорошо сохранились на территории Оренбуржья, но и сыграли, как свидетельствуют записи диалектной речи, существенную роль в установлении русско-казахских отношений. Исследования широкого спектра казахских заимствований, включая эмоционально-оценочную сферу, убедительно показывают действенные положительные отношения оказавшихся в соседстве народов, что обусловило в ряде случаев возникновение семантических преобразований казахских заимствований и появление различных видов дериватов по законам приемлющего языка.

Ключевые слова: говоры территорий позднего заселения, оренбургские русские говоры, языковые контакты, заимствованная лексика, экстралингвистические факторы, казахские заимствования.

Введение

Реальная история народов отражается прежде всего в их языке. Именно он сохраняет «принятые каждой социальной и культурной формацией аксиомы, трактующие о добре и зле, о жизни и смерти, о прекрасном и безобразном, определяющие поведенческие структуры, нравственные и эстетические запреты и рекомендации» [1, с. 83]. Особенно ярко данные «прописи» обихода проявляются в условиях такого контактирования этносов, когда происходит «так называемый естественный ход вещей, при отсутствии сознательного вмешательства административных властей и других политических и общественных факторов, прибегающих к разным предохранительным и принудительным мерам» [2, с. 368]. Такое естественное междиалектное и межъязыковое контактирование возможно наблюдать в ситуации взаимодействия народов в области торговли, хозяйственной деятельности и быта,

требующей привыкания, принятия, а затем и перенятия «чужого», что естественным образом ведёт к освоению тех достижений, которые веками нарабатывались этническим сообществом в определенных природных условиях. В этих случаях особо значим диалектный материал, который в своей обиходно-бытовой традиции консервирует лексические явления, не свойственные литературному языку в силу его ориентации и статуса.

Наиболее показательны естественно складывающиеся отношения на территориях позднего заселения, когда оказавшиеся в соседстве народы, до этого разделенные географически и – нередко – в культурном, языковом и конфессиональном плане, вынуждены не только взаимодействовать, но и выстраивать позитивные отношения, в результате которых вырабатывается особая модель мировосприятия разнообразного, но одновременного «своего» местного сообщества. Безусловно, важным источником проникновения в многовековое продвижение этноса и его отношений с другими народами являются следы материальной культуры и сохранившиеся тексты – письменные или устные, но следует также признать значимость тех явлений, которые вошли в повседневный уклад жизни и сохранились у других народов. Ставшие необходимыми для окружающих этносов элементы чужой традиционной культуры проявляются, как правило, в языковых реалиях соседних народов. Следовательно, по востребованным заимствованиям и их функционированию в языке-реципиенте можно также определить фрагменты языковой картины мира взаимодействующих этносов и выявить уровень складывающихся отношений между ними и их ментальные особенности.

Материалы и методы исследования

В связи с этим проблема языкового взаимодействия, и прежде всего порождаемого естественными процессами контактирования народов на территориях позднего заселения, представляет особую актуальность в лингвистических исследованиях, поскольку позволяет определить специфику каждой из материальной и духовной традиционных культур, выявить особенности расширения диалектных систем в процессе интерференции и степень их проницаемости, установить значимость действия экстралингвистических факторов и направления изменения языковой ситуации. Это определяет использование для целей и задач настоящей статьи традиционных методов изучения диалектных систем (описательный, сравнительно-сопоставительный, лингвогенетический, методики ареальной лингвистики и др.) с учётом своеобразия вторичных говоров и значимости в их формировании действия экстралингвистических факторов.

Основной материал исследования – записи диалектной речи Оренбургской области 50-70-х годов XX в., а также языковые единицы, полученные в результате анкетирования и полевых исследований с к. XX в. и до настоящего времени; данные словарей В.И. Даля, Н.М. Малечи, Б.А. Моисеева – определили использование методов сплошной выборки языкового материала, описательно-аналитического, метода сравнения и сопоставления с использованием приёмов семантического анализа.

Степень изученности темы

Оренбургские русские говоры впервые были описаны В.И. Далем, который в течение 8 лет своего пребывания в Оренбуржье (1833-1841 гг.) имел возможность наблюдать за особенностями формирования и развития переселенческих говоров, на основании чего определил основные их характеристики, включая говор уральских казаков, и зафиксировал оренбургские слова, в том числе тюркского происхождения, в «Толковом словаре живого великорусского языка». Через полвека появилась статья Д.К. Зеленина с описанием особенностей формирования говора п. Благословенный [3], который зафиксировал наблюдения за сложившейся системой переселенческого говора, ещё не заглушённого экспансией русского литературного языка. В очередной раз прерванное изучение оренбургских русских говоров приобрело системный

характер в период сбора материала для составления Диалектологического атласа русского языка благодаря деятельности уже состоявшихся учёных-лингвистов – В.И. Лыткина, Н.А. Мещерского, Н. И. Зорина – и было продолжено их учениками – В.Г. Руделёвым и Б.А. Моисеевым (подробнее см.: [4]). К сожалению, подготовленные Б.А. Моисеевым в конце 70-х годов XX в. хрестоматия оренбургских говоров и «Оренбургский областной словарь» были опубликованы только в XXI в. [5; 6], при этом словарь, несмотря на доработки и дополнения автора вплоть до 2018 г. [7], в основном является итогом широко поставленной работы по сбору и изучению говоров в 1945 – 1965 гг.

С появлением публикаций Б.А. Моисеева, включая его топонимические труды [8; 9], активизировалось изучение оренбургского лингвистического ландшафта, о чём свидетельствуют материалы Моисеевских чтений (см.: [10; 11; 12; 13]), основанных в 2015 г. в честь 85-летия известного оренбургского краеведа, диалектолога и топонимиста Бориса Александровича Моисеева. Однако изучение языка в одной из самых интересных и динамичных в лингвистическом плане территорий далеко не исчерпано, более того, ещё в 2010 г. член-корреспондент С.А. Мызников указал на необходимость диалектной характеристики региона «с учётом полевых данных и сведений, представленных в диалектологических, этнографических и других источниках» [14, с. 193], а на Четвёртых Моисеевских чтениях (2018 г.) отметил необходимость лингвистических изысканий региона в области оренбургских русских диалектов [15].

Анализ

Территория Оренбургской области, несмотря на её раннее описание членом-корреспондентом П.И. Рычковым в историческом, а В.И. Далем в лингвистическом аспектах, до сих недостаточно исследована, особенно в плане междиалектного и межъязыкового взаимодействия. Одной из причин такого состояния является обширная территория формирования Оренбургской губернии, располагавшейся на современных территориях Оренбургской и Челябинской, части Курганской, Самарской, Пермской, Тюменской, Свердловской областей, Татарстана, Башкортостана, северного и западного Казахстана. Многочисленные волны переселенцев с территорий 20 европейских губерний Российской империи, а также возвращающихся на земли Оренбургской губернии с востока создавали многочисленные междиалектные и межъязыковые столкновения с разнообразными результатами [16; 17]. Так, Д.К. Зеленин наблюдая за речью, по словам оренбургских казаков, «переродков» [3, с. 234] п. Благословенный, за 80 лет до того населявшегося самарскими и оренбургскими казаками, мордвой, крестьянами из Харькова и Черкасс, доказывает, что сложившийся говор является «плодом победы» говора казаков [3, с. 235]. Б.А. Моисеев к примерам объединения населения и установления единого говора добавляет ситуации размежевания переселенцев в пределах одного населённого пункта и сохранения своей особой традиционной культуры и говора, например, в частях с. Гамалеевка, где изолировались основавшие село в 30-е годы XIX в. курские крестьяне (Куряки), крестьяне, пришедшие с Сибирской охранной линии (Сибиряки), и появившиеся позже крестьяне из Малороссии (Хохлы) [9, с. 86-87].

Языковая ситуация значительно осложнялась, когда в контакт со славянскими переселенцами вступали финно-угорские и тюркские народы. Судя по материалам Б.А. Моисеева, в оренбургских русских говорах среди заимствований фиксируются в основном тюркские заимствования [18], при этом их большая часть относится к контактам русского и казахского народов. Данное обстоятельство определяет цель данной статьи – исследование казахских заимствований в оренбургских русских говорах, что было обусловлено особенностями лингвокультурных взаимодействий на территории Оренбуржья. Следует уточнить, что в статье под казахскими заимствованиями подразумеваются те тюркизмы (не обязательно генетически восходящие к казахизмам), которые вошли в переселенческие говоры с территорий, где проходили тесные русско-казахские контакты, на что убедительно указывают информанты. Считаю необходимым

подчеркнуть, что подобный подход обусловлен прежде всего тем, что рассмотрение проблемы заимствований тюркского происхождения усложняется, как отмечает С.А. Мызников, «весьма значительным по объёму материалом, который предполагает его комплексное детальное изучение, с выявлением непосредственных источников тюркских данных» [19, с. 32-33]. Последнее представляет особую трудность, поскольку для целого ряда тюркизмов до сих пор нет однозначного решения по поводу их этимологии.

К сожалению, следует констатировать, что языкового материала для реконструкции казахско-русских контактов на протяжении более четверти тысячелетия недостаточно. С одной стороны, языковая база оренбургских русских и – особенно – казахских говоров известна частично, не исключая их лексическую составляющую. Однако наличие доступных для исследования лексических единиц, возникших в результате «взаимодействия двух и более языков вследствие особых географических, исторических и социальных условий, оказывающих влияние на структуру и словарный состав одного или многих из них» [20, с. 284], позволяет определить специфику тематических групп и в определённой степени осветить причины и механизмы вхождения казахских заимствований. С другой стороны, необходимо уточнить, что в большинстве записей казахи определяются как киргизы, что в принципе соответствует типичному для истории тюркских народов «переносу имени с одного народа на другой» [21, с. 167-168], а пометы, например, в словаре В.И. Даля *татар*, могут свидетельствовать о более широком тюркском происхождении слова и требуют корректировки.

Для славянских переселенцев европейской части Российской империи освоение огромного края требовало знакомства с опытом его использования ставших соседями тюркскими народами. Весьма показательно в этом плане распространённое повсеместно предание о *бишкунаке* – свойственной для Оренбуржья природной аномалии (заморозков весной после устоявшейся тёплой погоды), что было актуально для переселенцев-земледельцев (40) (здесь и далее в круглых скобках стр. указываются по [7]).

Однако тематические группы говоров дополнялись заимствованиями по-разному. В частности, заимствования наименований фауны представлены единично (*карашпай*, *битюк*, *карбыш* и др.), и, судя по нашим данным, обусловлены необходимыми уточнениями видов, подвидов, масти диких животных, их возрастных и поведенческих характеристик (подробнее см.: [18]), например, *карбыш / карбуш* упоминается как название «хомяка с белым горлом и без мешков за щеками» (146). Особо отметим слово *куян*, отмеченное у В.И. Даля как «*татар.*, *орнб.* – ушкан, заяц» [22, т. 2, с. 230]. Однако наша коллекция прозвищ оренбуржцев свидетельствует о том, что *куянами* называют нелюдимых мужчин, живущих одиноко или на краю населённого пункта со смешанным русско-казахским населением. Информанты обычно уточняют, что у них так принято называть матёрых зайцев-самцов, зайцев-отшельников. Современное прозвище определяет семантическую значимость казахского заимствования, необходимого для более точного названия предмета. В «Оренбургском областном словаре» также имеется соответствующее уточнение, причём, судя по иллюстративному материалу, лексема может использоваться в прозвищном аспекте в отношении к мужчинам, ср.: «1. Заяц, обычно в сочетаниях «куян слепой», «куян косой». *Эх ты, куян косой! Ты куян слепой, что ничего не видишь*» (210).

Более разнообразна группа наименования растений, которые сохраняются в русских диалектах в связи с особенностью флоры Южного Урала (*битюга* (39) – разновидность ковыля), в том числе имеющей хозяйственное значение. Чаще всего это обозначение растений, которые используются или на корм скоту (*джусан / жусан*, *бута*), или для отопления (*куга*, *кугаил*, *кура*), например: «*Сухой кугой печки топить можно*. «*Измельченный камыш и куга – отличный корм. Животные его хорошо поедают*». «*Каждое лето косим куру на топку*» (195).

Хозяйственные контакты определяют численность наиболее значимой группы заимствованных из казахских говоров лексических единиц, связанной с животноводством

как основной деятельностью казахов в период активных переселенческих процессов в Оренбуржье. Особо следует отметить терминологию верблюдоводства, которая в словаре Б.А. Моисеева сопровождается иллюстрациями, содержащими выработанный веками практический опыт скотоводов. Необходимо подчеркнуть, что в период, когда производились записи от информантов, в Оренбуржье ещё разводили верблюдов на частных подворьях, видимо, поэтому терминология верблюдоводства характеризуется высокой степенью сохранности и освоенности. При этом казахские по происхождению слова могут иметь переносные значения или вплестаться в исконный контекст: «*В этом доме Васька-цокыр живёт, одноглазый*» (473). «*У кусака кочка всегда набок*». «*Кусак – это рабочий верблюд; я держал одного кусака, всё ездил на нём*» (182, 205). «*Верблюжиха потеряла своего буту*». «*Бутак любит есть алабуту*». «*Если верблюжонок, то называют бутакан*» (52) и др. Возможны новые образования от заимствования по моделям русского языка, которые также могут приобретать переносные значения, например: бурить, буриться, разбуриться (<бура/буро – верблюд-производитель) – 1. О верблюде: находиться в возбуждённом состоянии в период случки. «*Верблюды бурятся весной. Как весна, они бурятся начинают*». «*Верблюд разбурился, теперь не поймает*». 2. Перен. О человеке: бушевать, разбушеваться, дебошрить. «*Зашёл к нему, а он так разбурился!*». «*Придёт пьяный и начинает бурить, семье покоя не даёт*». «*Не бури больно, как верблюд*» (51).

Несколько иные причины заимствований из казахского языка в области традиционного для переселенцев животноводства, которые характеризуют особенности масти, возраста животного, его отношение к воспроизводству: *беломурный* – бык, корова тёмной масти с белым пятном на морде (35); *кургаи* – ягнёнок в возрасте 5–6 месяцев (201), *тайлак* – верблюжонок в возрасте одного года (439); *коспак / куспак* – кастрированный верблюд (182), *дюнен* – мерин (104), *кушкар / кошкар* – племенной баран (209) и др. Наиболее интересны в плане заимствования наименования возраста лошадей и коров: *башмак, басмак, башмач* – бычок в возрасте одного года, кашарка, башмачина, башмачка – тёлка на втором году, *тайка, тайчина*, – тёлка в возрасте двух лет, *таёк* – теленок, жеребёнок двух лет, *кунан* – бык трёх лет, *дюнен* – бык в возрасте четырёх лет. Обращает внимание вариативность названий на одной территории и направленность некоторых названий исключительно на возрастную дифференциацию, без половых и видовых признаков, например: *тай* – телёнок и жеребёнок на втором году, *таёк* – бык и лошадь в возрасте трёх лет [23].

Предполагаем, что появление подобного рода заимствований вместо исконных эквивалентов типа *годушка, годовик, второгодница, второгодник, третьяк* и др. определяется торговыми и хозяйственными связями со степняками-кочевниками, обусловленными достижениями казахов в области пастбищного животноводства. По всей видимости, заимствования обозначали масть и возрастные особенности казахских пород, что позволяло изначально характеризовать местных животных и реализовать потребности говора в более тонкой семантической дифференциации. В какой-то степени в пользу данного предположения можно привести название особой породы казахских лошадей, отличавшихся большой выносливостью и небольших ростом, которых выращивали адайцы, кочевавшие, по воспоминаниям старожилов, с реки Эмбы и от Каспийского моря и враждовавшие с местным населением – и переселенцами и оренбургскими казахами. Адаевские лошади, или адайцы, судя записям 50-70-х годов XX в., весьма ценились: «*Раньше киргизы продавали адаевских лошадей*». «*Адайские лошади дикие, как звери, и бегают больно быстро*». «*Старков обещал за это подарить купцу скакуна-адайца, выигравшего приз на скачках*» (22). Аналогично закрепилось название местной породы овец – *курдюшная / курдючная* овца, или *курдюк*: «*Киргизские (казахские) овцы курдюками называются*». «*Киргизы больше курдюков разводят*». «*Все курдюшных овец завели*». «*Киргизы всё ординских курдюков продавали*» (202).

Надо также отметить, что нередко, судя по рассказам информантов, возрастные показатели животного закреплялись за другими физиологическими характеристиками животного, например: для указания времени отёла – «*Корова тайкой телится*» (439), особенностей

использования в сельскохозяйственных работах – *«На кунане не работают, он необученный, пока так бегают»* (200).

Разведение местных пород скота и использование соответствующих названий сопровождается другими заимствованиями, обусловленными опытом и достижениями казахского животноводства в условиях Оренбуржья: названиями болезней (*жибулак, карасан / карасаи*), кормов, особенностями выпаса и пр. Надо отметить, что опыт зимнего выпаса скота (*тебеневка, тебеневать* (ане *тебенить*), *затебеневать*), когда, как указывал В.И. Даль, «наперед пускают коней, которые разбивают снег, за ними крупный, а там мелкий рогатый скот» [22, т. 2, с. 235], был достаточно распространён на территории Оренбуржья и Сибири. Аналогичные территории представлены в «Словаре русских народных говоров» (*тебенить, тебеневать, тебенёвочный, тебенёвщик* [24, с. 332-334])

Словарь Б.А. Моисеева свидетельствует о том, что такая практика пришла к переселенцам от казахов и башкир: *«Раньше у киргизов весь скот был на тебенёвках; у них такой порядок: сначала пасут по снегу верблюдов и лошадей, они разомнут и разобьют снег, доставая корм; за ними идёт рогатый скот, а уже после овцы пасутся». «Зимой пища башкирца по большей части бедна... Точно тем же невгодам подвергается во время зимы скот, который (кроме мелкого и рабочих лошадей) обыкновенно оставляется в степи на тебенёвке»* (441). Однако, судя по материалам Б.А. Моисеева, западная часть Оренбуржья, которая особенно тщательно была им исследована, включая его кандидатскую диссертацию, характеризовалась тебенёвкой именно казахов. В частности, при организации казачьих форпостов на Бердяно-Куралинской линии «киргиз-кайсакам... разрешалось переходить эту линию со своими стадами, но только в зимнее время для тебенёвки (зимней пастбы скота)». Документ 1844 г. «Об отдаче земель Илецкого района под хлебопашество и пастбу скота по билетам» закрепил это право за кочующими по этим местам казахов [9, с. 212].

Иллюстративный материал «Оренбургского областного словаря» Б.А. Моисеева указывает на специфику тебенёвки переселенцев, которые отправляли тебеневать в основном лошадей (*«Мы только лошадей пускали в тебенёвку», «Только лошади тебенюют, а быки и коровы нет». «На тебенёвке лошадь ногами разбивает снег»*), поэтому использовались сочетания «тебенёвочная лошадь», реже – «тебенёвочная овца» (441). При этом информанты отмечали, что *«у нас сейчас тебенёвочных лошадей нет»*, однако в 70-е годы XX в. на областном уровне попытались восстановить традицию тебенёвки как прогрессивного способа сохранения поголовья в условиях нехватки кормов после засушливого лета.

Оренбургским русским говорам также были известны слова, связанные с обработкой овечьей и верблюжьей шерсти (*«Джибагу остригли с овец и продали». «Пальто сшила с джибагой, тепло в нём»* (94), *«Жабагой киргизы называют целое руно, снятое с овец или верблюдов при весенней стрижке»* (107)), использования овечьего навоза как лучшего материала для отапливания жилищ (*«У кого овцы есть, те кием топят, он как уголь горит»* (156)), качества аркана (*Казахи аркан плетут – это хорошая верёвка из волоса, ни за что не порвёшь* (26)) и под.

Другим, достаточно важным объектом контактирования народов является еда. В частности, Я.В. Мызникова в своих исследованиях говоров Симбирского Заволжья утверждает, что «в наибольшей степени тюркское и финно-угорское влияние на русские говоры» проявляется в «сферах хозяйственной деятельности, культуры питания», где «наблюдаются самые значительные результаты взаимодействия материальных культур» [25, с. 38]. По данным оренбургских русских говоров, наименования казахских блюд выступают, на наш взгляд, самым значимым показателем тесных контактов народов, поскольку такие заимствования предполагают выстраивание не только торговых и хозяйственных, но и личных связей, которые достаточно определённо прослеживаются в «Оренбургском областном словаре» Б.А. Моисеева.

Близкое знакомство переселенцев с казахской кухней позволяло закрыть некоторые «лакуны» их традиционного питания, касающиеся блюд из мяса (*бижбармак, куурдак, казы*

и др.) и молока (*курт, каймак, ремчук* и др.). Отнесение ряда блюд, распространённых среди проживающих на территории Оренбуржья тюркских народов, к казахским производится на основании анализируемого материала, например: «*Куурдак, т. е. жаренное в сале мясо, составляет одно из любимейших лакомств степняков-киргиз*» (194-195). «*Киргизы торговали кумызом*» (200). «*Киргизы пьют чай только с каймаком*» «*Киргизы каймак делают*» (140). «*Еремшык – другого рода киргизский сыр, сладкий, вываривается из овечьего или козьего парного молока*» (391). «*Курт – киргизский сыр, который готовится из кислого коровьего или овечьего молока (высушенный крут разводят в воде и утоляют им жажду и голод)*» (192). «*Придѣшь к киргизам, они наварят, нажарят бурсаков*» (51); К'ирү'ёзы (казахи) скат'ёну ст'ер'ач'уйахъл'и / када н'амнішкь пьйад'ат', а патім в'ач'ьръм ч'ай п'йот' памніуь / рьскатайут' т'асть тінкь, пар'ажут' клакам'и (клочками), свар'ут', рукам'и б'арот' и йед'ат' / а жішку ф ч'ашк'и нал'йот' и ч'ир'ис край п'йот' / к'ирү'ёс н'и хл'абайа, ліжък н'ет у н'аві / [5, с. 40].

Особо следует отметить сыры, которые готовили казахи (башкиры) из овечьего, козьего, кобыльего, – реже – коровьего молока. Высушенные и/или подкопчённые (*сарса, курт*), такие виды сыра полностью отвечали особенностям кочевой жизни казахов и оказались востребованными переселенцами в условиях непривычно жаркого лета.

Высокая оценка целого ряда казахских блюд и вхождение их в традиционное питание переселенцев возможно было лишь при условии достаточно близких контактов – дружеских отношений и взаимного гостеприимства: «*Раз пришли к ним, а они нас бижбармаком угостили*» (38), «*Чем только не угощали нас киргизы: варили бишбармак, «готовили кувардак*» (194). «*Здесь находится депутация от киргиз, которая хотела честовать его (русского священника) самым почётным киргизским угощением – кумызом и кургашиной*» (202). Весьма показательны в этом отношении записи информантов, которые свидетельствуют о том, что наименования еды настолько адаптировались в системе русских говоров, что появляются соответствующие глаголы, например: *бижбармачить* (38). При этом контекст использования глагола («*Куда пропал наш хозяин, а он ушёл к киргизам и там бижбармачит*»), на наш взгляд, гораздо шире указанного значения 'есть бижбармак' и предполагает особую атмосферу гостеприимства, с полным доверием и дружескими разговорами. Следует отметить, что в некоторых оренбургских семьях в качестве фирменного блюда для гостей подаётся бижбармак, а в некоторых районах имеется традиция собираться по выходным «на бижбармак». Отсюда и другое значение глагола – 'гулять, веселиться' («*Витька приглашает молодёжь бижбармачить, на день рождения*»).

Признания достижений местных этносов в области питания и широкое распространение заимствованных блюд среди переселенцев подтверждается многочисленными записями, например: «*Ремчуку наелись – вот так!*» (391), «*Мать густо намазывала каймаком блины* (140). «*Киргизцы (казахи) больше куртот питались, и русские его едят*» (192). «*Сарсу делают русские и киргизы, она сладкая, вкусная, её с чаем пьют*» (402); Нас, куз'м'ёнск'их, дражн'ёл'и так: съламатн'ик'и / съламат вар'ёл'и и зажул'ё д'ир'авн'у [5, с. 38]. При этом активное введение блюд определяло изменение ингредиентов, рецептуры и особенностей употребления, например: «*Бывало мать часто варила бижбармак, но мы ложками ели, а киргизы – руками: возьмут рукой лепёшечку и кусочек мяса, положат в рот, потом ладошкой черпают жижку и запивают*» (38). «*Куурдак – конина или баранина нарезывается мелкими кусочками и поджаривается в растопленном сале*» – «*У нас так готовят кувардак: картофель порежут, печёнки добавят и жарят с луком и салом*», «*В Линёвке кувардак – это крошенная варёная картошка с луком и жиром*» (194).

Следует отметить, что зафиксированные заимствования могут показывать разнообразие приготовления, например, блюда бурсаки (51), которое информантами отмечается как казахское на территории Илецкого и Соль-Илецкого районов, но имеет существенные различия в приготовлении («*Буурсак – сдобные поджаренные шарики или небольшие квадратики из теста*»). Судя по нашим сведениям, в настоящее время буурсаки являются особым свадебным угощением, рецепт которого хранится у женщин, которые обслуживают казахские свадьбы определённого

региона, а следовательно, бурсаки могут иметь не только тюркскую (казахскую, татарскую), но и территориальную «привязку» и выступать как своеобразный этнический регионализм.

Особый лексический пласт заимствований составляет тематическая группа, связанная с казахскими постройками, при этом материалы словаря Б.А. Моисеева позволяют проследить как эволюцию казахского жилища, так и приспособление переселенцами традиционных построек казахов к собственным нуждам. В связи с оседлым образом жизни некоторых казахов, когда *кушпели* (киргизы-кочевники) становились *джатаками* (оседлыми киргизами) и даже *егенчи* (киргизскими земледельцами) (подробнее см.: [9, с. 447-248]), вместо *джуламеек* – «войлочных кибиток с острым верхом, в которых жили обычно бедные казахи, или с верхом в виде купола» (94) появляются землянки, за которыми закрепляется прежнее название разбираемого жилища кочевника (155) – *кибитка* или *джуламейка*. Надо отметить, что в снаряжение оренбургских казаков также входили войлочные палатки, которые назывались *джуламейки* («Для подстилки вместо постелей заготовили войлоки, а чтобы было где укрыться от стужи – джуламейки, или круглые войлочные палатки» (95)). Особенности кибиток, в частности, вмазанные котлы (казаны) для кипячения воды / молока и мяса, активно заимствуют переселенцы. Считается, что первоначально такие приспособления появились у уральских казаков, которые на таком приспособлении готовили каймак (82). В газете «Оренбургский край» за 1894 год пишется о том, что «куры (зимовки) по берегам речек да кибитки» остались как «воспоминания старины». Однако «модернизированными» *джуламейками* пользовались «богатые русские люди, которые жили в них весь период полевых работ» (95), а *куры* начинают строить как сараи для овец или загоны для скота (сведения 1861 г.): «Русские тоже куру делают, она тёплая, там ягнятам хорошо». «На дворе у нас сараи разные, овечья кура». «Скот лишь на ночь от волков загоняется в куры (дворы)... Из камыша делают куры» (200).

Развитие и интенсивность языковых контактов обусловила фиксацию в оренбургских русских говорах казахских заимствований, связанных с реалиями жизненного пространства. Привлекательность заимствования, обусловленная близкими отношениями этносов, позволяла расширять семантику прагматически неэкономных говоров такими словами, как *бишара* (маленькие дети), *бельмешок* (грудной ребёнок), *джюз* (взбучка, потасовка), *бабай* (дедушка), *муйнак* (нахальный, бессовестный человек), *ульген* (смерть), *ульды* (умереть, сдохнуть (о животных), порваться (о вещах) и др.

Надо отметить, что казахские заимствования в определённой степени оказались востребованными и в эмоциональной сфере оренбургских русских говоров, видимо, потому, что они не только расширяли палитру выражения чувств, но и усиливали их благодаря своей «экзотичности», создавая эффект разнообразия и силы эмоций, оценки событий, явлений действительности и фактов, например: *ой-баяй* – восклицание (из казахск. яз.). «Идти нам ещё сколько! Ой-баяй! Целых двадцать километров» (296), *ой-налай* – восклицание, выражающее удивление и досаду. «Зачем ты дрался: всю рубашку изорвал, – ой-налай!» (296), *ой-пурмой* – восклицание, выражающее удовольствие. «Говорит: какие вкусные кокурки, объелся ими, – ой-пурмой!» (296), *бары-бир*, *бар-бир* – нареч. Безразлично, всё равно. «Пусть что хотят говорят, а мне бары-бир». «Дитёночек кричит, а ему бар-бир». «Пурга поднимется, а ему бар-бир, он в поле едет» (31), *будалма* – хватит, достаточно. «Хватит наливать щей в тарелку, будалма, больше не съем» (49), *шараган* – в сочетании «совсем шаршаган» – безнадежно заболеть; тяжёлое болезненное состояние без всякой надежды на выздоровление. «Я ходил к нему, он ведь совсем шаршаган. Моя старуха совсем шаршаган, недолго осталось жить» (493) и др.

Особо следует отметить лексику, которая свидетельствует об отношениях казахов и переселенцев. Как пишет Б.А. Моисеев, «многие русские люди свободно говорили на киргизском языке, и почти все местные киргизы без труда понимали русский язык. На базаре русские знакомились с киргизами, между ними устанавливались дружественные и приятельские отношения, они становились «тамырами» (друзьями, приятелями), ездили в гости, помогали

друг другу в разных делах, даже роднились. Недаром в то время в русских говорах по Илеку распространилось слово *тамырить* – «находиться в приятельских и дружественных отношениях с киргизами». В конце XIX века и позже тамырство между киргизами и русскими на Новоилецкой линии было обычным явлением» [9, с. 246]. В газете «Оренбургский край» за 1893 г. зафиксирован факт сокрытия знания казахского языка: «Начали киргизы нас расспрашивать: где косим, не слышали ли ночью выстрелов. Петрович на все вопросы одно отвечает «бельмей», а сам всё понимает, притворился, значит» (35), при этом в «Областном оренбургском словаре» отмечается, что «слово “бельмей” хорошо известно русским жителям и часто употребляется ими в разговоре с казахами» (35).

В оренбургских русских говорах сохранились слова, которые свидетельствуют о дружественных отношениях между казахами и русскими, например: *джюлдас* – товарищ, попутчик. «Русские жители знают это слово, но употребляют его лишь в беседе с казахами» (95), *жаксы* – хорошо, хороший (в разговоре с казахом). «Садись, кунак, выпьем чай, жаксы чай» (107), *кайда барасым* – это выражение употребляют русские при обращении к казахам и казахи, когда они обращаются к русским. «Эй, знаком (знакомый), кайда барасым?» (140), *кунак* – гость. «Пошёл к ним в кунаки»; *куначить* – гостить. «Когда придёт зима, едут к нему со всех сторон куначить» (200) и др. Особо отметим русское слово *отдарок* (то, что даётся в ответ на подарок), которое употребляется в контекстах, характеризующих отношения с казахами: «Если киргизину (казаху) что-нибудь подарил, то он обязательно даст отдарок: лошадь или верблюда» (304).

Полученные результаты

Заполнение казахскими (и – шире – тюркскими) заимствованиями соответствующих понятийных лакун, возникших в новых природных условиях, определяло то естественное лингвокультурное взаимодействие, которое было взаимопользным для каждого из этносов.

Освоение новых сфер хозяйственной деятельности, связанных с верблюдоводством, особенностями отгонного скотоводства, некоторыми специфическими болезнями скота, культурой местного питания, одежды, ремёсел и под., требовало новых лексических единиц, успешно внедрённых в систему говоров и нередко конкурирующих с наименованиями, которые могли быть в русских диалектах, но в недостаточной степени соответствовали потребностям более тонкой семантической дифференциации. Особо следует отметить заимствования, не имеющие прямой хозяйственной потребности и касающиеся человеческих отношений оказавшихся рядом народов, независимо от их желания быть соседями. Записи диалектной речи, сделанные в 50-70-х годов XX в., показывают всё многообразие становления и развития человеческих отношений столкнувшихся этносов, имеющих разную историю и язык, но при этом способных расширять соприкосновения по общечеловеческим критериям.

Многообразие заимствований определяла особенности их внедрения в русские говоры и их дальнейшее существование в другой генетической системе. М.А. Бурибаева отмечает, что с XI по XVIII вв. «тюркизмы и их дериваты в русском языке проходят стадию вариативности как показатель их успешной адаптации» [26, с. 103], что также подтверждается данными оренбургских говоров и наблюдается в естественных условиях, без давления литературных языков в XIX – начале XX вв., например: *бута* (Илекский район), *бутак* (Соль-Илецкий район, Илекский район), *бутакан* (Соль-Илецкий район) и под.

Как уже указывалось, обусловленная экстралингвистической реальностью востребованность заимствованного слова подтверждается не только его прагматической значимостью, но и реализацией потенциальных возможностей заимствования в словообразовании и семантике языка-реципиента.

Ряд заимствований начинает функционировать по законам принимающего языка, образуя производные по продуктивным моделям русского языка, в том числе характерным для русских

говоров (подробнее см.: [27, с. 16, 18]): *кушпель / кушпиль – кушпелец, кушпилинец, кушпельский; бижбармак – бижбармачить; кумыз – кумызник; кунак – куначить; калым – закальмить; тамыр – тамырство, тамырить; кургаи – кургаишек, кургашина; курдюк – курдюшный / курдючный; кабарга – кабаржина; кунан – кунанчик; каймак – каймачок; башмак – башмачок; бутак – бутачонок* и под.

В плане вхождения в лингвокультурное пространство особо показательны заимствования, переживающие семантические преобразования, начиная от возможностей семантической дифференциации уже названных реалий (*куян, челяк*), табуистических замен (*битюк – вошь, ульген – смерть, ульды – умереть*) до появления переносных и новых значений (*кибитка – перен.* верхняя часть головы, темя; *курдюк – перен.* задняя часть тела человека). Заимствования используются как готовый и потенциально многозначный материал для обогащения собственной лексической системы, ср.: *мазарки – 1.* Татарское или казахское кладбище. *2.* Стародавнее русское кладбище (новое кладбище называется *могилками*) (230); *терменьга –* ручная мельница. «Заимствование казахского «терменьга» было обусловлено тем, что это слово позволяло чётко разграничивать названия для мельницы (водяной и ветряной) и ручной мельницы» (445); *унчуга –* баня, которая топится по-чёрному. «Первоначальное «муншага» (в баню) в произношении русских жителей изменилось в «унчуга». Заимствованное «унчуга» было использовано в говоре для обозначения черной бани в отличие от белой» (459) и под.

В целом это подтверждает мнение И.А. Бодуэна де Куртенэ о смешении языков как «начале всякой жизни как физической, так и психической» [Бодуэн де Куртенэ 1963, с. 363]. При этом действия механизмов гетерогенной организации системы говора в совокупности с влиянием экстралингвистических факторов определяют не только функционирование, но и сохранность и реализацию потенциала заимствования в языке-реципиенте.

Вывод

Проанализированный материал, при всей его фрагментарности, показывает значительные последствия контактов с казахским народом в области языка и традиционной культуры, достаточно широко отразившихся в оренбургских русских говорах. Данные «Словаря Оренбургских говоров» и топонимических трудов Б.А. Моисеева убедительно показывают широту совместных интересов, которые позволяют в ряде случаев корректировать известные ранее сведения. В частности, есть основания не согласиться с мнением Д.К. Зеленина, ограничившего круг «собственно местных заимствований из киргизского языка ... почти исключительно названиями туземной флоры», «а более же древние заимствования из тюркских наречий свидетельствуют и о культурным влиянием в сфере домоустройства: построек (карда), топлива (кизьяк), посуды (челяк)» [3, с. 243].

Безусловно, необходимо обследование не только оренбургских русских, но и казахских говоров территорий всего Оренбуржья, которое позволит в какой-то степени восполнить недостающий материал по изучению междиалектного и межъязыкового контактирования [28]. Однако и сейчас можно констатировать, что тематические группы в оренбургских говорах разнообразны и их наполняемость достаточно существенна, что позволяет выявить качественную составляющую межэтнических связей и степень вхождения заимствований в соответствии с потребностями переселенцев и усвоением ими достижений казахов в области материальной культуры. В свою очередь общность природно-географических условий определяла естественное вхождение в жизнь другого этноса и требовала уважения к непривычному, но уже не чуждому образу жизни и языку, принятия их на основе мирообщительности, обусловленного лингвокультурным взаимодействием, что приводило к естественному и жизненно необходимому взаимообогащению традиционных культур и контактирующих языков.

Литература

1. Панченко А.М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. Работы разных лет. – СПб.: Издательство журнала “Звезда”, 2005. – 544 с.
2. Бодуэн де Куртэн И.А. О смешанном характере всех языков // Избранные труды по общему языкознанию. – Т. 1. – Москва: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 362–372.
3. Зеленин Д.К. О говоре оренбургских казаков // Русский филологический вестник. 1905. – Т. – LVI. – № 3–4. – С. 234–245.
4. Абубакирова Л.Ф. Диалектное изучение русского языка в Оренбургском крае. – Вестник ОГПУ, 2011. – № 4. – С. 17–24.
5. Моисеев Б.А. Оренбургская областная диалектологическая хрестоматия (учебное пособие по русской диалектологии). – Оренбург, Изд-во ОГПУ, 2005. – 132 с.
6. Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь. – Оренбург, Изд-во ОГПУ, 2010. – 192 с.
7. Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь [послесл. Е. Н. Бекасовой]. – Оренбург: ООО «Оренбургское книжное издательство имени Г.П. Донковцева», 2019. – 516 с.
8. Моисеев Б.А. Местные названия Оренбургской области. Историко-топонимические очерки. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2013. – 380 с.
9. Моисеев Б.А. Топонимические очерки Оренбуржья. Научно-популярное издание / послесловие Е.Н. Бекасовой. – Оренбург: «Изд-во «“Оренбургская книга”»», 2016. – 416 с.
10. Вестник Оренбургского государственного университета (электронный научный журнал). – 2015. – № 2-4 (<http://vestospu.ru>)
11. Четвёртые Моисеевские чтения: национальные и региональные особенности языка: в 2 частях. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 22-24 ноября 2018 г. / сост. и науч. ред. П.А. Якимов. – Ч. 1-2. – Оренбург: ООО «Изд-во “Оренбургская книга”», 2018.
12. Пятые Моисеевские чтения: историко-культурный и лингвистический ландшафт региона: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию Оренбургского государственного педагогического университета, 275-летию Оренбургской губернии и 285-летию образования Оренбургской комиссии [Электронный ресурс]. – Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 3-4 октября 2019 г. / сост. и науч. ред. П.А. Якимов. – Оренбург, ООО «Издательство “Оренбургская книга”», 2019. – 224 с.
13. Шестые Моисеевские чтения: Материалы Международной научной конференции студентов и преподавателей, посвящённой 95-летию со дня рождения кандидата филологических наук, доцента Бориса Александровича Моисеева [Электронный ресурс]. – Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 20-22 ноября 2020 г. / сост. и науч. ред. канд. пед. наук, доцент П. А. Якимов; авт. предислов. д-р филол. наук., доцент Е. Н. Бекасова. – Оренбург: Издательство “Оренбургская книга”, 2021. – 154 с.
14. Мызников С. А. Русские говоры Оренбуржья в полиэтничном окружении // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2010. – № 1 (58). – С. 187–195.
15. Бекасова Е.Н., Якимов П. А. Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Четвертые Моисеевские чтения» // Вопросы ономастики. – 2019. – Т. 16. – N 3. – С. 247–251.
16. Bekasova Elena N. Peculiarities Of Linguistic Worldview Transformation On The Territory Of Later Settling // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. WUT 2018 IX International Conference «Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects». – Vol. XXXIX. – 2018. – P. 548-553.
17. Бекасова Е.Н. Лингвистический ландшафт Оренбуржья: перспективы прошлого // Шестые Моисеевские чтения: Материалы Международной научной конференции студентов и преподавателей, посвящённой 95-летию со дня рождения кандидата филологических наук, доцента Бориса Александровича Моисеева [Электронный ресурс]. Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 20 – 22 ноября 2020 г. / сост. и науч. ред. канд. пед. наук, доцент П.А. Якимов; авт. предислов. д-р филол. наук., доцент Е. Н. Бекасова – Оренбург: Издательство “Оренбургская книга”, 2021. – С. 17-25.

18. Бекасова Е.Н. Об особенностях представления тюркских заимствований в оренбургских говорах // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XIV Всероссийской научной конференции (Уфа, 20-22 ноября 2014 г.). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. – С. 34-44.
19. Мызников С.А. О лексических особенностях говора яицких (уральских) казаков // Исследования по славянской диалектологии 19-20. Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов. – М.: Институт славяноведения, 2018. – С. 24-36. DOI: 10.31168/0412-1.1.3
20. Словарь социолингвистических терминов / сост. Э.Д. Сулейменова, Н.Ж. Шаймерденова, Ж.С. Смагулова, [и др.]. – Астана: Арман-ПВ, 2008. – 392 с.
21. Кызласов И.Л. Два этапа пратюркского культурогенеза // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология: материалы конференции. – Москва: Тезаурус, 2009. – С. 167-168.
22. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. (второе издание, 1880-1882 гг.). – Т. I-IV. – М.: Русский язык, 2000.
23. Бекасова Е.Н. О некоторых особенностях заимствований в оренбургских русских говорах // Актуальные проблемы диалектологии народов России: Материалы XVII Всероссийской научной конференции (Уфа, 1-2 июня 2017 г.). – Уфа: ИИЯЛ УНЦРАН, 2017. – С. 30-34.
24. Словарь русских народных говоров. – В. 43. – СПб.: Наука, 2010. – 349 с.
25. Мызникова Я.В. Специфика межэтнического взаимодействия в Симбирском Заволжье по данным русских говоров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2017. – № 1. – С. 38-48.
26. Бурибаева М.А. Тюркские слова в русском языке как результат языковых контактов // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 1 (22). – С. 99-105.
27. Баженова Т.Е. Предметно-обиходная лексика самарских говоров // Научный диалог. – 2017. – № 1. – С. 9—21.
28. Бекасова Е.Н. Особенности казахских заимствований в оренбургских русских говорах // Диалектология. Этнолингвистика. Мифология. Ономастика. Этимология: материалы международной научной конференции (Уфа, 1–4 ноября 2020 г.). – Т. 1. – Уфа: Башк. энцикл., 2020. – С. 170-173.

Reference

1. Panchenko A.M. Ya emigriroval v Drevnyuyu Rus. Rossiya: istoriya i kultura. Raboty raznyh let [I emigrated to Ancient Russ. Russia: history and culture. Work of different years]. Saint Petersburg, Izdatelstvo zhurnala “Zvezda”, 2005. 544 p. [in Russian].
2. Boduen de Kurtene I.A. O smeshannom haraktere vsekh yazykov [About the mixed nature of all languages]. In: Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu [Selected Works on General Linguistics]. Vol. 1. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1963. P. 362–372. [in Russian].
3. Zelenin D. K. O govore orenburgskikh kazakov [About the conversation of the Orenburg Cossacks]. In: Russkij filologicheskij vestnik [Russian philological bulletin]. 1905. Vol. LVI. № 3–4. P. 234–245. [in Russian].
4. Abubakirova L.F. Dialektnoe izuchenie russkogo yazyka v Orenburgskom krae [Dialect study of the Russian language in the Orenburg Territory]. In: Vestnik OGPU. 2011, № 4. P. 17–24. [in Russian].
5. Moiseev B. A. Orenburgskaya oblastnaya dialektologicheskaya hrestomatiya (uchebnoe posobie po russkoj dialektologii) [Orenburg regional dialectological textbook (textbook on Russian dialectology)]. Orenburg, Izd-vo OGPU, 2005. 132 p. [in Russian].
6. Moiseev B.A. Orenburgskij oblastnoj slovar [Orenburg Regional Dictionary]. Orenburg, Izd-vo OGPU, 2010. 192 p. [in Russian].
7. Moiseev B.A. Orenburgskij oblastnoj slovar (poslesl. E. N. Bekasovoj) [Orenburg Regional Dictionary]. Orenburg, ООО «Orenburgskoe knizhnoe izdatelstvo imeni G.P. Donkovceva», 2019. 516 p. [in Russian].
8. Moiseev B.A. Mestnye nazvaniya Orenburgskoj oblasti. Istoriko-toponimicheskie ocherki [Local names of the Orenburg region. Historical and toponymic essays]. Orenburg, Izd-vo OGPU, 2013. 380 p. [in Russian].
9. Moiseev B.A. Toponimicheskie ocherki Orenburzhya. [Toponymic essays of the Orenburg region]. Nauchno-populyarnoe izdanie [Popular science edition]. Posleslovie E.N. Bekasovoj [afterword by E.N. Bekasova]. Orenburg, Izd-vo “Orenburgskaya kniga”, 2016. 416 p. [in Russian].

10. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Orenburg State University]. (2015) (elektronnyj nauchnyj zhurnal), № 2-4 (<http://vestospu.ru>). [in Russian].

11. Chetyortye Moiseevskie chteniya: nacionalnye i regionalnye osobennosti yazyka: v 2 chastyah [Fourth Mosaic readings: national and regional features of the language: in 2 parts]. Materialy Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoj konferencii [Materials of the All-Russian (with international participation) scientific conference]. Orenburg, Orenburgskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 22-24 noyabrya 2018 g. Sost. i nauch. red. P.A. Yakimov. Ch. 1-2 [Orenburg, Orenburg State Pedagogical University, November 22-24, 2018 / comp. and scientific ed. P.A. Yakimov. – V. 1-2.]. Orenburg, OOO Izd-vo “Orenburgskaya kniga”, 2018. [in Russian].

12. Pyatye Moiseevskie chteniya: istoriko-kulturnyj i lingvisticheskij landshaft regiona [Fifth Mosaic readings: historical, cultural and linguistic landscape of the region]. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 100-letiyu Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 275-letiyu Orenburgskoj gubernii i 285-letiyu obrazovaniya Orenburgskoj komissii [Elektronnyj resurs]. – Orenburg, Orenburgskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 3 – 4 oktyabrya 2019 g. Sost. i nauch. red. P. A. Yakimov [Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the Orenburg State Pedagogical University, the 275th anniversary of the Orenburg province and the 285th anniversary of the formation of the Orenburg Commission [Electronic resource]. - Orenburg, Orenburg State Pedagogical University, October 3 - 4, 2019 / comp. and scientific ed. P. A. Yakimov.]. Orenburg, OOO Izdatelstvo “Orenburgskaya kniga”, 2019. 224 p. [in Russian].

13. Shestye Moiseevskie chteniya: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii studentov i prepodavatelej, posvyashchyonnoj 95-letiyu so dnya rozhdeniya kandidata filologicheskikh nauk, docenta Borisa Aleksandrovicha Moiseeva [Sixth Moiseev Readings: Materials of the International Scientific Conference of Students and Teachers dedicated to the 95th Anniversary of the Birth of Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Boris Alek-Sandrovich Moiseev] [Elektronnyj resurs]. – Orenburg, Orenburgskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 20 – 22 noyabrya 2020 g. Sost. i nauch. red. kand. ped. nauk, docent P. A. Yakimov; avt. predislov. d-r filol. nauk., docent E. N. Bekasova [Orenburg, Orenburg State Pedagogical University, November 20 - 22, 2020 / comp. and scientific. ed. cand. ped. sciences, Associate Professor P. A. Yakimov; ed. foreword. d.phil.s., Associate Professor E. N. Bekasova]. Orenburg, Izdatelstvo “Orenburgskaya kniga”, 2021. 154 p. [in Russian].

14. Myznikov S.A. Russkie govory Orenburzhya v polietnichnom okruzenii [Russian dialects of the Orenburg region in a multi-ethnic environment]. In: Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda, 2010. № 1 (58). P. 187–195. [in Russian].

15. Bekasova E.N., Yakimov P. A. Vserossijskaya (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnaya konferenciya «Chetvertye Moiseevskie chteniya» [All-Russian (with international participation) scientific conference «Fourth Mosaic Readings»]. Voprosy onomastiki [Onomastics issues]. 2019. Vol. 16. № 3. P. 247–251. [in Russian].

16. Bekasova Elena N. Peculiarities of Linguistic Worldview Transformation on the Territory of Later Settling. In: The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. WUT 2018 IX International Conference «Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects». Vol. XXXIX. WUT 2018. P. 548-553.

17. Bekasova E.N. Lingvisticheskij landshaft Orenburzhya: perspektivy proshlogo [Linguistic landscape of the Orenburg region: perspectives of the past]. Shestye Moiseevskie chteniya: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii studentov i prepodavatelej, posvyashchyonnoj 95-letiyu so dnya rozhdeniya kandidata filologicheskikh nauk, docenta Borisa Aleksandrovicha Moiseeva [Elektronnyj resurs]. Orenburg, Orenburgskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 20 – 22 noyabrya 2020 g. Sost. i nauch. red. kand. ped. nauk, docent P. A. Yakimov; avt. predislov. d-r filol. nauk., docent E. N. Bekasova [Sixth Moiseev Readings: Materials of the International Scientific Conference of Students and Teachers dedicated to the 95th Anniversary of the Birth of Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Boris Alek-Sandrovich Moiseev] [Electronic resource]. – Orenburg, Orenburg State Pedagogical University, November 20 - 22, 2020 / comp. and scientific. ed. cand. ped. sciences, Associate Professor P. A. Yakimov; ed. foreword. Dr. philol. sciences., Associate Professor E. N. Bekasova.]. Orenburg, Izdatelstvo “Orenburgskaya kniga”, 2021. P. 17-25. [in Russian].

18. Bekasova E.N. Ob osobennostyah predstavleniya tyurkskih zaimstvovanij v orenburgskih govorah [About the features of the presentation of Turkic borrowings in Orenburg dialects]. Aktualnye problemy dialektologii yazykov narodov Rossii: Materialy XIV Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Ufa, 20-22 noyabrya

2014 г.) [Actual problems of dialectology of languages of the peoples of Russia: Materials of the XIV All-Russian Scientific Conference (Ufa, November 20-22, 2014)]. Ufa, IYAL UNC RAN, 2014. P. 34–44. [in Russian].

19. Myznikov S. A. O leksicheskikh osobennostyakh govora yaichikh (uralskikh) kazakov [About the lexical features of the dialect of the Yaitsky (Ural) Cossacks]. Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii 19–20. Slavyanskije dialekty v sovremennoj yazykovoj situacii. Dialektnyj slovar kak sposob issledovaniya slavyanskikh dialektov [Studies in Slavic dialectology 19–20. Slavic dialects in the modern language situation. Dialect dictionary as a way to study Slavic dialects]. Moscow, Institut slavyanovedeniya, 2018. P. 24-36. DOI: 10.31168/0412-1.1.3. [in Russian].

20. Slovar sociolingvистических терминов [Dictionary of sociolinguistic terms]. Sost. E.D. Sulejmenova, N.Z. Shajmerdenova, Z.S. Smagulova, [i dr.]. Astana, Arman-PV, 2008. 392 p. [in Kazakh].

21. Kyzlasov I.L. Dva etapa pratyurkского kulturogeneza [Two stages of Pratyürk cultural genesis]. In: Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie. Altaistika. Tyurkologiya: materialy konferencii [Comparative historical linguistics. Altaistics. Turkology: materials of the conference]. Moscow, Tezaurus, 2009. P. 167–168. [in Russian].

22. Dal V.I. Tolkovyj slovar zhivogo velikoruskogo yazyka [Interpretive dictionary of the living Great Russian language]. V 4-h t. (vtoroe izdanie, 1880–1882 gg.) [In 4 volumes (second edition, 1880-1882)]. Vol. I-IV. Moscow, Russkij yazyk, 2000. [in Russian].

23. Bekasova E.N. O nekotoryh osobennostyakh zaimstvovaniy v orenburgskikh russkikh govoraх [About some features of borrowing in Orenburg Russian dialects]. In: Aktualnye problemy dialektologii narodov Rossii: Materialy XVII Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Ufa, 1-2 iyunya 2017 g.) [Actual problems of dialectology of the peoples of Russia: Materials of the XVII All-Russian Scientific Conference (Ufa, June 1-2, 2017)]. Ufa, IYAL UNCRAN, 2017. P. 30–34. [in Russian].

24. Slovar russkikh narodnyh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. V. 43. Saint-Petersburg, Nauka, 2010. 349 p.

25. Myznikova Ya.V. Specifika mezhetnicheskogo vzaimodejstviya v Simbirskom Zavolzhe po dannym russkikh govorov [Specifics of inter-ethnic interaction in the Simbirsk Volga region according to Russian dialects]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Saint Petersburg University Bulletin]. Yazyk i literature [Language and Literature]. 2017. № 1. P. 38-48. [in Russian].

26. Buribaeva M.A. Tyurkskie slova v russkom yazyke kak rezultat yazykovykh kontaktov [Turkic words in Russian because of language contacts]. In: Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvистического университета [Irkutsk State Linguistic University Bulletin]. 2013. №1 (22). P. 99-105. [in Russian].

27. Bazhenova T.E. Predmetno-obihodnaya leksika samarskikh govorov [Everyday vocabulary of Samara dialects]. In: Nauchnyj dialog [Scientific dialogue]. 2017. № 1. P. 9–21. [in Russian].

28. Bekasova E.N. Osobennosti kazahskikh zaimstvovaniy v orenburgskikh russkikh govoraх [Features of Kazakh borrowings in Orenburg Russian dialects]. In: Dialektologiya. Etnolingvистика. Mifologiya. Onomastika. Etimologiya: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Ufa, 1–4 noyabrya 2020 g.) [Dialectology. Ethnolinguistics. Mythology. Onomastics. Etymology: materials of an international scientific conference (Ufa, November 1-4, 2020)]. Vol. 1. Ufa, Bashk. encikl., 2020. P. 170-173. [in Russian].

Е.Н. Бекасова

*Орынбор мемлекеттік педагогикалық университеті, Орынбор, Ресей Федерациясы
(E-mail: bekasova@mail.ru)*

Орынбор орыс говорларына қазақ тілінен енген кірме сөздер

Аннотация. Кеш қоныстанған аумақтардың говорларын зерттеудің өзектілігі олардың диалектаралық және тіларалық байланыстар жағдайында қалыптасу, қызмет ету және сақталу ерекшеліктерімен анықталады. Осы ретте Ресей империясының еуропалық бөлігінің губернияларынан әртүрлі уақытта түйдек-түйдегімен қоныс аударған адамдардың түркі және фин-угор халықтарымен 250 жылдан астам уақыт бойы өзара араласуы нәтижесінде пайда болған ерекше лингвистикалық жағдайда қалыптасқан Орынбор орыс говорлары жеткілікті

дәрежеде зерттелмеген күйінде қалып отыр. Алайда, Борис Александрович Моисеевтің XX ғасырдың 50-70-жылдарындағы жазба материалдары негізінде 2005-2019 жылдары жарық көрген еңбектері екінші деңгейлі Орынбор орыс говорларының жүйелерін зерттеудің әр түрлі аспектілерін қарастыруға мүмкіндік береді. Олардың ішінде орыс-қазақ тілдік байланыстарының мәселесі лингвомәдени тұрғыдан айрықша көзге түседі. Қазақ тілінен енген сөздерді талдау кірме лексиканың тақырыптық топтарын, оның Орынбор орыс говорларына ену және бейімделу механизмдерін, түпнұсқасымен сәйкестігіне қатысты ерекшеліктерін анықтауға және тегі басқа диалектілік ортада іске асқан әлеуетті мүмкіндіктерін ашып көрсетуге жағдай туғызды. Кірме сөздердің сандық тұрғыдан ең елеулі топтарының қатарына түйешілік терминдері, сондай-ақ атаулары түпнұсқа тілдік бірліктермен байланысқа түскен – жылқы мен сиыр малдарының түр-түсі, жасы және көбею ерекшеліктерін білдіретін сөздер жатады. Ас-тағам саласындағы кірме сөздер Орынбор өңірінің аумағында жақсы сақталып қана қоймай, диалектілік сөйлеу жазбалары растап отырғандай сонымен қатар орыс-қазақ қарым-қатынастарын орнатуда маңызды міндет атқарған. Қазақ тілінен енген сөздердің кең спектрін, оның ішінде эмоционалды-бағалау саласын зерттеу көршілес халықтардың іс жүзінде оң қарым-қатынаста болғандығын айқын көрсетеді, бұл бірқатар жағдайда қазақ тілінен енген кірме сөздердің семантикалық жағынан түрленуіне және қабылдаушы тілдің заңдылықтарына сәйкес әртүрлі туынды сөздердің (дериваттардың) пайда болуына әкеліп соқты.

Кілт сөздер: кеш қоныстанған аумақтардың говорлары, Орынбор орыс диалектілері, тілдік байланыстар, кірме лексика, экстралингвистикалық факторлар, қазақ тілінен енген сөздер.

E.N. Bekasova

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

(E-mail: bekasova@mail.ru)

Kazakh borrowings in Orenburg Russian dialects

Abstract. The relevance of the study of dialects of territories of late settlement is determined by the peculiarities of their formation, functioning and preservation in the conditions of inter-dialect and inter-language contacts. In this regard, the Orenburg Russian dialects, which take shape in the unique linguistic situation of the interaction of different-time resettlement waves from the provinces of the European part of the Russian Empire with the Turkic and Fino-Ugric peoples for more than 250 years, remain insufficiently explored. However, the materials published in 2005-2019 based on the records of the 50-70s of the XX century allow us to consider various aspects of the study of resettlement dialect systems, among which the problem of Russian-Kazakh language contacts as the most significant in the linguistic and cultural plan stands out. The analysis of Kazakh borrowings made it possible to determine the thematic groups of borrowed vocabulary, identify the mechanisms for its entry and adaptation in Orenburg Russian dialects, determine the features of the relationship with native correspondences and reveal the potential opportunities realized in a genetically alien dialect system.

Keywords: dialects of late settlement territories, Orenburg Russian dialects, language contacts, borrowed vocabulary, extralinguistic factors, Kazakh borrowings.

Сведения об авторе:

Бекасова Елена Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, ул. Советская, д.19, Оренбург, Российская Федерация.

Автор туралы мәлімет:

Бекасова Елена Николаевна, филология ғылымдарының докторы, доцент, Орынбор мемлекеттік педагогикалық университетінің орыс тілі мен орыс тілін оқыту әдістемесі кафедрасының профессоры, Советская көшесі, 19 үй, Орынбор, Ресей Федерациясы.

Information about author:

Bekasova Elena Nikolaevna, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Teaching Methods of the Russian Language, Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya, str. 19, Orenburg, Russian Federation.

МРНТИ 16.21.41

DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2021-3-22-27>

М.Э. Дубровина

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
(E-mail: maggydu@rambler.ru)*

Особенности функционирования формы множественного числа -lar в тюркских языках с позиций этнолингвистики

Аннотация. В настоящей статье автор подвергает анализу тюркскую категорию числа. Автора долгое время привлекало особое функционирование аффикса множественности с показателем -lar в текстах различных тюркских языков, начиная с самых древних памятников, написанных рунической письменностью, заканчивая литературными произведениями современных турецких писателей. Это особое функционирование заключается и в специфической семантике форм множественного числа, и в том, насколько реже, по сравнению с западными языками, эти формы употребляются в письменной речи, не говоря уже об устной. Кроме того, в центр исследовательского внимания неоднократно попадала способность основы слова без указанного показателя выражать информацию о множестве предметов, т.е. в тех случаях, где по содержанию речь идет о множестве предметов, показатель множественности -lar не употребляется. Опираясь на лингвистические методы у автора статьи возникла гипотеза о том, что в тюркском языке категория числа как морфологическое средство могла отсутствовать вовсе, а информация о множестве предметов могла передаваться иными, не морфологическими способами. На новом этапе исследования, т.е. привлекая методы этнолингвистического анализа, автор стремится обнаружить связь нечастого употребления форм множественного числа и даже гипотетическое его отсутствие в языке более древнего периода с экстралингвистическими особенностями тюркского менталитета. Это становится возможным, если в основу научного взгляда положить такие факторы, формирующие менталитет, как географическое положение этноса, размеры племенных коллективов и степень сплоченности членов коллектива между собой.

Ключевые слова: этнолингвистика, лингвокультурологические исследования тюркских языков, категория множественности, категория числа в тюркских языках, грамматика тюркских языков, морфология имени существительного.

Введение

В последнее время все больше возрастает интерес ученых-лингвистов к различным аспектам лингвокультурологических исследований. Это обусловлено стремлением народов показать современному миру свою необычность, самобытность, непохожесть на другие

народы, в жестких условиях глобализации доказать миру значимость своей национальной культуры и языка и, естественно, сохранить свою идентичность, осознавая надвигающуюся угрозу ассимиляции и, тем самым, обезличивания. Все чаще сами представители различных национальностей приходят к осознанию того, что собственный язык, обычаи, традиционный уклад жизни, фольклор и национальные песни – это не атрибуты культуры, имеющей отношение лишь к прошлой, ушедшей жизни предков, а обязательные условия сегодняшнего процветания и успешности всего национального сообщества. Уже на реальном опыте люди видят, как с потерей национальной самобытности происходит потеря фундамента всей жизнедеятельности, которая влечет за собой и материальные потери в сфере уменьшения благосостояния и уверенности в будущем. Таким образом, изучение языка не как изолированной системы, а в качестве одной из составляющих компонентов жизни конкретного этноса представляется одним из перспективных направлений лингвистических научных изысканий.

Анализ

Этнолингвистические исследования в основном проводятся на лексическом материале языка. Тем не менее, морфологическая подсистема языка, как и его лексика, также может стать базой для обнаружения связи языка с особенностями жизнедеятельности, менталитета и мировосприятия определённого народа. Определённые этнические особенности находят свое отражение в специфике языковой системы. Эти особенности могут выступить в качестве внешнего запроса на возникновение той или иной языковой единицы или той или иной категории, как в сфере лексики, так и в сфере грамматики. Как часто, сравнивая языки, исследователи убеждаются в том, насколько по-разному может быть выражен один и тот же смысл. При этом различие проявляется не только в лексике, но и в морфологии. Нередко ученые задаются вопросом, почему одна и та же мыслительная категория в одном языке получает языковое, морфологическое выражение, а в другом языке – нет. В этом отношении интересной темой для этнолингвистического анализа может выступить категория числа в тюркских языках.

Употребление форм множественного числа в современном турецком языке всегда вызывает некоторые сложности у носителей иных, не тюркских языков. Сами говорящие на турецком языке отмечают, что когда иностранцы, в особенности русскоязычные люди, говорят по-турецки, то они употребляют формы множественного числа в разы чаще, чем это делали бы сами турки.

Категория количества представляет собой одну из основных мыслительных категорий [1, с. 263] и имеет свое проявление во всех языках мира. Поэтому, на наш взгляд, именно в этой теме можно попытаться найти параллели между языком и культурой данного народа и попытаться описать те особенности восприятия мира тюрками, которые легли в основу образования категории числа. На наш взгляд, именно употребление или неупотребление аффикса множественного числа в тюркских письменных и устных текстах может быть напрямую связано с внеязыковыми представлениями, с какими-то особенностями мировосприятия или с определенной практической деятельностью.

Но в этом отношении древние языки могут стать более показательными, чем языки современные, так как в структуре древних тюркских языков, по нашему мнению, в большей мере зафиксирован окружающий древние этнические группы исторический контекст, который и мог найти свое отражение в тех или иных языковых формах.

Форма множественного числа с показателем *-lar* фиксируется уже в первых, относящихся к VII-VIII вв. тюркских памятниках, написанных руническим письмом. Рассмотрим примеры употребления слов с аффиксом *-lar* в рунических текстах:

1. Ol sabyg asidip **bäglär** koryn janalyum... tidi. (Tk, 36). *‘Услышав такие слова: «беки давайте вернемся», – он сказал’*. Возможна и несколько иная интерпретация этого высказывания: *‘Услышав такие слова, все беки вместе сказали: «давайте вернемся»’*.

2. ... **bägläri** boduny tüzsiz üçün... (Ktb, 6). '... по причине неверности их **беков** и народа...'

3. ...ögim katun ulaju **öglärim äkälärim** keliñünim **kunçujlarym** ... küñ boltaçy ärti. (Ktb, 49). '... моя мать-катун, следующие [за ней] мои [сводные] **матери**, мои **старшие сестры**, мои невестки, мои **ханши-девицы** ... стали бы рабынями.'

Необходимо обратить внимание на то, что в текстах рунических памятников слова с аффиксом *-lar* употребляются крайне редко. Кроме того, аффикс *-lar* прежде всего сочетается со словами, обозначающими, во-первых, одушевленные предметы, т.е. людей; во-вторых, не простых людей, а тех, кто представляет собой важные с точки зрения носителя языка персоны: государственных деятелей и родственников.

Рассмотрим теперь те высказывания, в которых, на наш взгляд, речь также идет о множестве предметов, однако при этом соответствующий аффикс множественности не употреблен.

5. **Atyg(1) yka(2)** bajur ärtimiz. (Tk, 27). 'Мы привязали лошадей(1) к деревьям(2)'.
6. **Kejik(1) jiju, tabyşgan(2)** jiju olurur ärtimiz. (Tk, 7). 'Мы жили, поедая оленей(1), поедая зайцев(2)'.
7. ... türk bodun üläsikig anta **añyg kisi** ança boşgurur ärmis. (Ktm, 7). 'Тогда злые люди так наставляли часть тюркского народа'.

С большой долей вероятности можно предположить, что в большинстве современных тюркских языков в этих или аналогичных высказываниях у соответствующих слов аффикс множественности также не будет употреблен. Тем не менее, как видно из переводов на русский язык, носители европейских или славянских языков в таких случаях используют форму множественного числа.

Можно отметить такую закономерность, что чем древнее тюркский язык, тем реже в текстах можно встретить аффикс множественного числа. В связи с чем вполне обоснованным выглядит предположение Каре Грэнбека, согласно которому «самый древний тюркский язык» мог не обладать никакими формами множественности [2, с. 23]. Не раз ученые обращали внимание на то, что основа тюркского слова сама по себе либо не передает информации о числе вообще, либо способна выражать как единичность, так и множественность предметов: *kışi* 'человек', 'люди'. По мнению А. фон Габен, даже местоимение *bän* наряду со значением 'я' иногда может истолковываться как 'мы' [3, с. 147]. Таким образом, можно констатировать, что в тюркском языке могло не быть специального показателя для выражения множества предметов. Это не означало, что тюрки не различали количество предметов, однако ответ, бесспорно, следует искать за пределами языка. Отсутствие у древних тюрков потребности в грамматическом указании на количество предметов, на наш взгляд, лежит в укладе жизни древнего тюркского племени. Решающими здесь следует признать несколько факторов: размер древнего коллектива, степень спаянности членов коллектива между собой, вид хозяйственной деятельности и окружающий географический ландшафт.

Проведенный анализ культурной лексики тюркских языков дал возможность ученым реконструировать картину духовной и материальной жизни пратюрков, вследствие чего удалось установить то, что пратюркский этнос представлял собой народ скотоводов отгонного типа, с преобладающим значением коневодства, с двумя типами поселений – стационарными зимними и кочевыми летними [4, с. 470-471].

Лингвистический анализ полностью согласуется с данными, которые предлагают исторические и археологические исследования. В начале I тыс. до н.э. на большой территории Центральной Азии племена, в которые входили, и представители тюркских этносов создали культуру, основой хозяйственной деятельности которых было кочевое и полукочевое скотоводство, сочетавшееся с примитивным земледелием и охотой. Вот такое описание образа жизни родоплеменного общества ранних кочевников, населявших Центральную Азию с VII – VI вв. до н. э. находят в китайских источниках: «...переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к востоку... От ста до тысячи юрт составляют общину...» [5, с. 50].

Лингвистический анализ полностью согласуется с данными, которые предлагают исторические и археологические исследования. В начале I тыс. до н.э. на большой территории Центральной Азии племена, в которые входили, и представители тюркских этносов создали культуру, основой хозяйственной деятельности которых было кочевое и полукочевое скотоводство, сочетавшееся с примитивным земледелием и охотой. Вот такое описание образа жизни родоплеменного общества ранних кочевников, населявших Центральную Азию с VII – VI вв. до н. э. находят в китайских источниках: «...переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к востоку... От ста до тысячи юрт составляют общину...» [5, с. 50].

Лингвистический анализ полностью согласуется с данными, которые предлагают исторические и археологические исследования. В начале I тыс. до н.э. на большой территории Центральной Азии племена, в которые входили, и представители тюркских этносов создали культуру, основой хозяйственной деятельности которых было кочевое и полукочевое скотоводство, сочетавшееся с примитивным земледелием и охотой. Вот такое описание образа жизни родоплеменного общества ранних кочевников, населявших Центральную Азию с VII – VI вв. до н. э. находят в китайских источниках: «...переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к востоку... От ста до тысячи юрт составляют общину...» [5, с. 50].

Как видно из описаний китайского историка, размер древнего тюркского племени был относительно небольшим, племя могло насчитывать «от ста до тысячи юрт». Если предполагать, что тысяча юрт — это максимум, который достигался в период объединения разных племен в племенной союз (иль), которое могло происходить периодически, то в среднем самое небольшое племя состояло из 500 человек (по пять человек в семье в одной юрте). Сезонное кочевье предполагало, что в отдельные периоды времени племя разбивалось на мелкие группы, кочующие отдельно друг от друга. Таким образом, и в периоды объединения, и в периоды отхода на отдельные пастбища кочевое общество по своим размерам было относительно невелико, кроме того, в рамках такого племени естественно предполагать, что его члены были достаточно хорошо знакомы друг с другом и, тем самым, достаточно хорошо осведомлены о жизни друг друга. По мнению Г.П. Мельникова, [6] в условиях описанной жизни большая часть информации проходит на глазах всего коллектива или отдельных представителей семьи (родственников, близких людей), многое известно всем членам коллектива и вследствие этого не требует передачи с помощью вербальных каналов. Именно к такой информации, на наш взгляд, можно отнести информацию о количестве предметов.

Ученые предполагают, что зоной первичного расселения древних тюрков были территории Ордоса и Саяно-Алтайского региона [4, с. 435]. С ландшафтной точки зрения эти места представляют из себя по большей части пустынное плато, т.е. равнинную зону с ровной или волнистой слабо разделённой поверхностью, ограниченной отчётливыми уступами от соседних равнинных пространств, характеризующейся особой слабо выраженной флорой и специфической фауной. В таких условиях окружающая природа и ландшафт были словно на ладони, «на глазах» у коммуникантов. Говорящим людям было видно количество деревьев, гор, юрт, скота, т.е. всего того, что составляло основу повседневной жизни. При этом, можно предположить, говорящие чаще всего видели те предметы, о которых шла речь.

Выводы

Таким образом, в языке, обслуживающем коммуникативное общество, проживающее в описанных природных и хозяйственных условиях, не возникало потребности в возникновении специального грамматического средства – маркера количественной информации. Всю количественную информацию, т.е. информацию о единичности и множестве предметов, коммуниканты выводили из визуальных данных, фоновых знаний, а также полагаясь на естественную логику вещей. Тем не менее, при необходимости указать на конкретное количество предметов в языке образовались модели словосочетаний, в которых участвовали числительные. До сих пор во всех тюркских языках с числительными сочетаются существительные без аффикса множественного числа.

В более позднее время возникает форма множественного числа, однако факторами для ее возникновения могли служить иные причины, нежели, чем просто желание указать на множественность предметов.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
2. Grönbech K. Der türkische Sprachbau. – Kopenhagen: Levin und Munksgaard, 1936. – 182 s.
3. A. von Gabain. Alttürkische Grammatik. – Leipzig: Otto Harrassowitz, 1950. XVII. – 357 s.
4. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – Москва: Наука, 2006. – 908 с.
5. Кляшторный С.Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. – 320 с.
6. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. – Москва: Наука, 2003. – 395 с.

Reference

1. Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' [Philosophical encyclopedia]. Moscow, Soviet encyclopedia, 1983. 840 p. [in Russian].
2. Grönbech K. Der türkische Sprachbau. Kopenhagen, Levin und Munksgaard, 1936. 182 p.
3. A. von Gabain. Alttürkische Grammatik. Leipzig, Otto Harrassowitz, 1950. XVII. 357 p.
4. Sravnitel'no-istoricheskaiia grammatika tiurkskikh iazykov. Pratiurkskii iazyk-osnova. Kartina mira pratiurkskogo etnosa po dannym iazyka. [Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Proto-Turkic language-based. Picture of the world of the Proto-Turkic ethnos according to the language]. Moscow, Nauka, 2006. 908 p. [in Russian].
5. Kliashturnyi S.G., Sultanov T. I. Gosudarstva i narody Evraziiskikh stepei. Drevnost' i srednevekov'e. [States and peoples of the Eurasian steppes. Antiquity and the middle Ages]. Saint Petersburg, St. Petersburg Oriental studies, 2000. 320 p. [in Russian].
6. Melnikov G.P. Sistemnaia tipologiiia iazykov: Printsipy, metody, modeli [System typology of languages: Principles, methods, models]. Moscow, Nauka, 2003. 395 p. [in Russian].

М.Э. Дубровина

*Санкт-Петербург мемлекеттік университеті, Санкт-Петербург, Ресей Федерациясы
(E-mail: maggydu@rambler.ru)*

Түркі тілдеріндегі көптік *-lar* формасының этнолингвистикалық тұрғыдағы қызметінің ерекшеліктері

Аннотация. Мақалада автор түркі тілдеріндегі сан-мөлшер категориясын талдайды. Автор руна жазуындағы ең көне ескерткіштерден бастап қазіргі түрік жазушыларының әдеби шығармаларына дейінгі әртүрлі түркі тілдері мәтіндеріндегі *-lar* түріндегі көптік жалғауының айрықша қызметіне автор көп уақыттан бері қызығушылығын танытып келеді. Бұл ерекше функция көптік жалғау формаларының өзіндік семантикасынан да, батыс тілдерімен салыстырғанда бұл формалардың, ауызшаны айтпағанда, жазбаша сөзде қаншалықты сирек қолданылатындығынан да көрінеді. Сондай-ақ зерттеушілер сөз түбірінің айтылған қосымшасыз-ақ, яғни *-lar* көптік жалғауын пайдаланбаған жағдайларда да мазмұн тұрғысынан заттардың көптігін білдіре алатындығына талай рет назар аударды. Мақала авторы лингвистикалық әдістерге сүйене отырып, түркі түптілінде сан-мөлшер категориясы морфологиялық құрал ретінде мүлде болмауы мүмкін, ал заттардың көптігі туралы ақпарат басқа, морфологиялық емес тәсілдер арқылы берілуі ықтимал деген гипотезаны ұсынды. Зерттеудің жаңа кезеңінде этнолингвистикалық талдау әдістеріне сүйенген автор көптік жалғау формаларының сирек қолданылысы мен тіпті оның ескі замандағы тілде мүлде болмауы жөніндегі жорамалын түркі менталитетінің экстралингвистикалық ерекшеліктерімен байланыстыруға тырысады. Егер этностың географиялық жағдайы, тайпалық ұжымдардың ауқымы мен ұжым мүшелерінің өзара тығыз бірлігі сияқты менталитет қалыптастыратын факторларды ғылыми көзқарастың негізі етіп алса, онда мұны жүзеге асыруға болады.

Кілт сөздер: этнолингвистика, түркі тілдерін лингвомәдениеттанулық тұрғыдан зерттеу, көптік категориясы, түркі тілдеріндегі сан-мөлшер категориясы, түркі тілдерінің грамматикасы, зат есім морфологиясы.

M.E. Dubrovina

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

(E-mail: maggydu@rambler.ru)

Features of the functioning of the plural form *-lar* in the Turkic languages from the standpoint of ethnolinguistics

Abstract. In this article, the author analyzes the Turkic category of numbers. The author has long been attracted by the special functioning of the plurality affix with the indicator *-lar* in the texts of various Turkic languages, starting with the most ancient monuments written in runic script, ending with the literary works of modern Turkish writers. This special functioning lies in the specific semantics of plural forms, and in how less frequently, compared to Western languages, these forms are used in written speech, not to mention oral. In addition, the ability of the basis of the word to express information about a variety of subjects without the specified indicator has repeatedly fallen into the center of research attention, i.e. in cases where the content is about a variety of subjects, the multiplicity indicator *-lar* is not used. Based on linguistic methods, the author of the article hypothesized that in the Turkic proto-language the category of number as a morphological means could be absent at all, and information about a variety of objects could be transmitted in other, non-morphological ways. At a new stage of the study, it means using the methods of ethnolinguistic analysis, the author seeks to find a connection between the infrequent use of plural forms and even its hypothetical absence in the language of an older period with the extralinguistic features of the Turkic mentality. This becomes possible if the scientific view is based on such factors that form the mentality as the geographical location of an ethnic group, the size of tribal collectives and the degree of cohesion of the collective members among themselves.

Keywords: ethnolinguistics, linguistic and cultural studies of the Turkic languages, plurality category, number category in the Turkic languages, grammar of the Turkic languages, morphology of the noun.

Сведения об авторе:

Дубровина Маргарита Эмильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, 11, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Автор туралы мәлімет:

Дубровина Маргарита Эмильевна, филология ғылымдарының кандидаты, Санкт-Петербург мемлекеттік университетінің түркі филологиясы кафедрасының доценті, Университеттік жағалау, 11, Санкт-Петербург, Ресей Федерациясы.

Information about author:

Dubrovina Margarita Emilyevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Turkic Philology, St. Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 11, St. Petersburg, Russian Federation.

Sh. Ibraev

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

(E-mail: sh.ibraev1950@mail.ru)

The phenomenological transformation of Abay's poetry

Abstract. The article analyzes the phenomenological character of Abay's poems, cognitive and aesthetic representation of being (activity). The fact that the manifestation of human characteristics in the social environment is studied within the framework of an existential dichotomy (E. Fromm) is a characteristic feature of most of Abay's philosophical poems.

We see that the division of existential dichotomy summarizes the classification of the concepts «myself» and «other» in Abay's poems. The separation of the poet from his «I» is associated with his psychological state, incompatible with the social system.

The reasons for the contradiction between the individual and society are, at first, a phenomenon that takes place in consciousness. Abay's identification with the social environment was ambiguous. The psychological and phenomenological features of the discrepancy are clearly visible in Abay's poetry. The main motive of Abay's poems is the search for answers to the reasons for these contradictions.

At the same time, reflections on the meaning of life in terms of the dichotomy of life and death are accompanied by a search for the path of truth.

At the same time, sending thoughts to the essence of existence from the point of view of the dichotomy of life and death is combined with the search for the path of truth.

The formation of a transcendental phenomenological consciousness in Abay's poem «Time is like whisps of fog on the hills» is found in many of the poet's poems.

Keywords: phenomenology, existential dichotomy, dichotomy of life and death, “myself” and “other”, time and space, reference, reduction, identification, motif.

Introduction

When we pay attention to the poetic and intellectual personality of Abay, to the subtleties of the creative process, to the fact that we still cannot focus from the point of view of transcendental phenomenology, we first find that in the history of the formation of the subject of Abay studies, the concepts associated with them remain at the basis of the dominant and analyzed materialistic, atheistic, ideological platforms. It is particularly evident that materialistic philosophy does not care about the transcendental nature of consciousness, the phenomenological and reflexive nature of thinking, what pre-thinking phenomena (unconscious) consist of and their impact on consciousness. The emphasis on these was attributed to the flow of idealistic philosophy.

Methodology

Although the results of the approach to Abay's poetry with a limited platform are not valid now, a theoretical and methodological platform with a new justification has not yet been proposed.

The purpose of the article is to delve into the phenomenological aspects of Abay's poetry, to think about the mystery of the poet's existential dichotomy. The dichotomy of life and death occupies a special place in this issue [1, p. 59]. In Abay's poems, written after the age of forty, the meaning of life, the characteristics of Man and society, and the meaning of social relations are intertwined in the transcendental aspect with the irrefutable reality of life passing into death. The path to the knowledge of truth is permeated by the subconscious.

The results of the phenomenological study of Abay's works clearly contribute to the disclosure of the secret of this problem.

Analysis

The relationship between consciousness and being is first formed on an experimental empirical basis, and the information obtained from it begins to be regulated in time and space according to the development and principles of the mind. «When thinking about the world, the innate intuitive actions of the mind are necessary. They help us understand the transcendental principles of reality that are not limited to sensory data in our minds.» [2, p. 369]

At the same time, it should be noted that through life experience, many important concepts occur before transcendental consciousness. He focused on studying the power of the mind, its natural state and abilities. Following the concepts of I. Kant [3, p. 97], E. Husserl [4, p. 89-102], modern scientists and philosophers in this matter emphasized the role of ethics in human interaction with others.

Various phenomenological, transcendental, psychological aspects of the relationship between the «other» and the «myself», the influence of the «other» («others») on the «myself», mutual responsibility, contradictions between them, the influence on cognition, the basis of the formation of an attitude are studied as the subject of the problem.

According to E. Levinas, who considered the relationship between these two concepts in the phenomenological and existential (ontological) direction, the attitude to «other» indicates the limitations of the «myself» [5, p. 427].

If we look at the transcendental nature of Abay's poetry, we may not notice that his «Myself» in relation to «others» has risen to a completely new level, to a higher level of knowledge. Few people carefully understand responsibility to others like Abay.

The poet, who was trying hard, tormented, and did not find an adequate answer to his time, sought an ethical solution and connection not from the heights of communication, from the negativity that occurs in his society, but from the idea of perspective, from the truth that he wanted to see [6, p. 44]. Now let us look at the phenomenological formation of this.

Abay's thoughts about social relations and the ethical norms of his time split into two is an open-ended question. The peculiarity of consciousness is that in order to correct the gap between oneself and others, a person strives to harmonize their World (worldview) with others.

Since the desire leads to discomfort and dissatisfaction, it encourages a person to find a new path. The separation in the inner world is otherwise harmonious, the desire to seek the path of truth. Because through this person tries to identify himself, others, and society.

About such a double separation in human consciousness E. Fromm says: «this has come down to the dichotomies that I call existential, because they are dense in the very essence of a person: this is counteraction, which people can not destroy, but they can react in different ways, in the human world, in compliance with its character and culture» [1, p. 59].

It was as if he perceived the soul of Abay as a spiritual companion, as if he was looking at his own life, thinking about the meaning of his life, looking for a support for his mood when suffering from discomfort, and thus giving him a spiritual companion. The movement of the poet's inner world is not in the process of some humanism, some abstract ascent, but the main reason is related to the search for the need for a soul that is not in harmony with the environment, to find the way to the truth.

The main reason arises from the situation with respect to the ethical characteristics and state of Kazakh society, and we see that it is reflected in such fundamental issues as the meaning of life, the mission of a person in life. To this is added the fact that life experience and witnessing various injustices and wrongdoings in the power of the country constantly push and supplement the process of counting.

It is not difficult to see that as the problem matures, the most fundamental manifestation of the existential dichotomy is the emergence of the concepts of life and death. [1, p. 59]. The tragedy of Abay's personal life, the premature death of his children, his brother, the lack of results and expectations from his children, who studied and knit, created a dichotomy of life and death. For Abay, this issue can be called the main basis of his works, the main key of mood, which he wrote towards the end of his life.

The dichotomy of life and death is a theme that Abay sought answers to with all his being. Both religion, ethics, man and society are in this context, in the dimension between the emergence and departure of a person. "Why did you come to this life, what did you take away from the world, where is «me», Where Is «Mine»?". The answer to all this boiled together in the cauldron of life and death. The question has now moved to the question of eternal truth. At first, the experience developed from the realities of Kazakh life gradually moved from the village to the universal dimension, to the planetary dimension of time and space. Human self-consciousness and feeling have shifted to a philosophical pedestal [7, p. 305].

In this regard, looking through Abay's poem let us consider the concepts of religion, ethics, man, and society in unity in the aspect of the poet's dichotomy of life and death. The dichotomy of life and death in his other poems can to some extent be said to be a separate branch and distribution of thought in this poem.

*Kok tuman – aldyndagy keler zaman,
Umitti saule etip koz kop qadalğan.
Kop zhyldar kop kundi aidap kele zhatyr,
Sipat zhoq, suret te zhoq, kozim talğan.*

*Ol kunder – otken kunmen bari bir bas;
Keler, keter, artinda iz qaldyrmas.
Sonyng biri – arnauily tauynshak kun,
Argysyn bir-aq Alla bileri ras.*

In translation:

*Time is like wisps of fog on the hills¹.
You watch them and boredom your spirit fills.
You look at the chain of featureless days
And sense of fatigue their flow instills.
Days like as twins, days gloomy and grey,
Like birds, they arrive and they fly away.
Some one among them conceals your death,
Yet which will be last, only Allah can say.*

Time is a constant companion, the only witness of the future and the past. Its truth and existence – a true reality that lives in the human mind, which we spend every day with, the existence of Man, birth, departure, foresight of the future and the future – are all concepts that are understood through time. Person can consider biological state of existence and where they are by looking at time [8, p. 110]. This is the truth of human consciousness. It is a miracle that now when human consciousness and time intersect – time is real. The dimensions associated with the body limit the capacity of consciousness, the sense of time. Therefore, the future is a blue fog.

A person knows his time, feels the past and predicts the future. In this way, he becomes convinced that time does not stop even when he dies. It is indisputable that a person, through his thoughts, studies different times, abstract dimensions, and the relationship between time and space from different angles. However, it is still related to the state of consciousness when it is with the flesh. Now only Allah knows the truth of the separation of consciousness from the flesh. Time is a matter of truth.

*Akyl men zhan – men ozim, tan meniki,
«Meni» men «menikining» magynasy eki.
«Men» olmekke tagdyr joq auel bastan,
«Meniki» olse olsin, ogan beki.*

¹ Note: the translation of the poem into English is taken from the book: Abai Kunanbayev. Selected poems. Translated from the Russian by Dorian Rottenberg. First printing in 1970. Moscow, Progress Publishers. Printed in the USSR. S.146

*Shyraktar, yntalaryng menikinde»,
Tan qumaryn izdeisin kuni-tunde.
Adilettik, arlylyq, mahabbat pen,
Uy zholdasyng qabirden ari otkende.*

In translation:

*Your soul and your consciousness make up your I,
Flesh and blood are its envelope, doomed to die.
But the soul is immortal, and so, for its sake,
Bear all, let your conscience be ever awake,
By day and by night
The flesh seeks delight
But how trivial, how petty it is, how trite.
Love, conscience and truth – let them be your guide
Till the time when you merge with eternal night.*

When the body and the soul are separated, the measure of time remains with the soul. It is known from the very beginning that the «Myself» is immortal. However, how the «Myself» conforms with time, how it feels, its response cannot be expressed by the soul in the womb of the body.

The transcendental consciousness of Abay conveys this in such ways as «blue fog», «the eye is filled with hope», «there is no character, no image - time cannot be described by a measurable amount. Even for this reason, human enthusiasm cannot leave «mine» forever. The soul is forced to count on the flesh. In life, these two are connected.

But the problem is that every person feels the existence of eternal time: many days pass over the years.» «Daily life» ends person's life anyway. Therefore, life is one of the characteristics of consciousness that is combined with the flesh within this period, the term given for the test. Consciousness («myself») must not leave the body. If the consciousness is therefore conscious, then there is justice, love of conscience. A person's consciousness is given for this, he can give an account to himself. It has the ability to go with time, to establish itself.

Abay connected this character of consciousness with the ethics of his era, with human qualities, with the life that takes place:

*Malga sat, paydaga sat qylygyngdy;
Ylayda ylai oimen tunygyngdy
Sonda da omirden aldamsHY bola almassyng.
Ol bildirmey urlamaq qyzygyngdy.*

*Adam gapyl dunieler meniki.
Meniki dep jurgening bari onyki
Tang qalyp, mal da qalyp, zhan ketkende,
Soni, oila bolady ne seniki.*

In translation:

*For wealth with your soul you will have to pay.
From honours – from slander your heart will despair.
Life will not be deceived – it will break you one day
Like a thread grown thin with long wear and tear.*

*Man deems that this world of ours is his own,
But in fact it belongs to Allah alone.
All that men possess are their flesh and goods,
Yet they too will dissolve in the vast Unknown.*

The poet's reference to the accusation is based on the root of the problem. Orientation leads to substantive concepts on the other side of the meaning of the word [9, p. 46].

The problem was not only the lack of moral qualities, but also the lack of ethics built on trade. The deception of life, the deception of time – this is something that a person cannot do. Such an attempt is to deceive yourself, to become trapped in the end. All what a person cares about are that they are a temporary whim in a continuous time, and that they need to do many good, love many good.

*Mazlumga zhanyng ashyp, ishing kuisin,
Hareket qyl, paidasy kopke tisin
Kopting qamyn auelden tangiri oylagan.
Men suigendi suidi dep ieng suisin*

*Kopting barin kop deme, kop te bolek,
Kop it zhengip, kok itti kunde zhemek.
Gadalat pen markhamat – kop azygy;
Qaida korseng bolip baq sogan komek*

In translation:

*Let your heart feel for compassion for others' woe.
Work selflessly for your fellow-men, so
That for loving his children Almighty God
His blessings on you will also bestow.*

*All people are different, each has his worth.
Strong, together; are those who were weak since birth.
To everyone deal out mercy and truth.
Give aid to all men – 'tis your mission on earth.*

The characteristics and actions of an individual that are in harmony with time are determined by the essence of what they have done together with the society. Good and bad are criticized in relation to society. Allah, who created humanity with love, loves those who love many. However, it is better to distinguish that «many». The misguided, unruly crowd persuades the one. There is harmony only when the connection between the individual and society is based on this, the spirit of the uninitiated many – justice and mercy-intercession.

The field of this concept is very wide. On the one hand, the health of society, the basis of social relations, is based on just, benevolent, loving qualities, on the other hand, these characteristic features are a moral image that energizes the image of the individual. Man and society are one whole, and true harmony reigns between them.

The problem does not end there either. The characterization of both the individual and the society is a way to receive and respond to the love of the creator. The essence is to strive for one truth, to keep the soul clean, to grow into the next time of life.

It turns out that time, Man, society, religion, and ethics have found a key solution in a single projected image. Poetry has long offered an artistic aesthetic model by summarizing the solution of the sonar spiritual phenomenon into a compact phenomenological reduction [10, p. 82]. Thoughts and feelings seem to have evolved over time, allowing us to see human existence as a whole within the dichotomy of life and death.

The emotional impact and content of the poem is perceived as a series of summarized conclusions of life experience, which is described from the point of view of a person who has reached a certain age. Looking at the current time and future – the light hope of better life is not clear. The tired state of

consciousness is explained. The reader is also given the impression that a person who thinks about life has not reached the thought tube. It seems that this was also facilitated by the realities of the poet's era.

In this way, it can be seen that the last syllable of the poem is the limitless power of consciousness, the truth that lies on the other side of the poet's thought, which has not yet reached the bottom.

1. Gadelet (Arabic) – justice, truth.
2. Markhamat(Arabic) – kindness, grace.

*Arkinnin maqsaty oz kereginde,
Bile almadym pysygyn, zeregin de
Sayaz zhuzer saykaldar gapyl kalar:
Khaqiqat ta, din dagy terenindeo*

In translation:

*Who is bad, who is good, one cannot say for sure.
False spirits may often appear to be pure.
Only scoundrels praise themselves out aloud.
The richest in virtue in words are poor.*

Reaching the truth is an unstoppable process. The meaning of human life is living to reach life's truth. The knowledge of truth in relation to the purpose, intelligence, and human qualities of everyone (Man, Half Man) is also not at the same level. It is clear that the reality of life will bring its own natives to this.

The expression of the life and death of the dichotomy, which has become the main idea of Abay's, is linked to the time, spread in the context of the time, has a dominant meaning. This is a somewhat modified model can be seen from the idea, the structural system of such poems: «Kartaydyk, kaygi oyladyk, uyki sergek» (*Old Age Is Here – Sad Thoughts, Poor Sleep and All*), «Bir dauren kemdi kunge – bozbalalyk», «Okinishti kop emir ketken otip» (*It pains me now to realise that I have tinkered*), «Ne izdeisin, konilim, ne izdeisin?» (*My Soul, What Are You Seeking, Pray?*), «Kulimsirep aspan tur» «Al senein, senein» (M.Yu. Lermontov). «Olse oler tabigat, adam olmes» (*Maybe Nature Is Mortal, But Man Is Not*), «Rakhat, meni tastap koimadyng tynysh» (M.Yu. Lermontov), «Erekshe esten ketpes kyzyk kaida?», «Sum dunie tonap zhatyr, ising bar ma?», «Sagattyng shykyldagy emes ermek» (*The Thick of a Clock Is Not Something Slight*), «Balalyk oldi, bildin be» (*Childhood Flew Past*), «Korkytpa meni dauyldan» (I.A. Bunin), «Uyalamyn» degening konil ushin», «Zhurekte kop kazyna bar, bari zhaksi» (Ya. Polonskii), «Olsem ornim qara zher syz bolmay ma?» (*Is Not the Cold Damp Earth to enclose My Clay?*), «Zhuregim menin kyryk zhamau» (*When the heart of a Bard*), «Adam – bir boq kotergen boqtyng qaby», «Nurly aspanga tyrysyp oskensing sen», «Allanyng ozi de ras, sozi de ras». Looking at the meaning of human life in the context of time study – social, moral, ethical, religious ideas of these poems are reflected in the fact that they are realized in aspects. The essence of life in the middle of Abay's phenomenology, the consciousness of a person in relation to the time, to the social environment, the relationship between personality and society the problem of regulation is indisputable.

In this case, one of the most interesting questions is the poet's real reality

how it is represented from the outside and from what point of view it is distributed. In the meantime, it is obvious that he aims some political and ideological position, method, flow, order, for own benefits. According to Pierre Bourdieu, these are the requirements of the time, the authorities, and the customer [11, p. 167].

And we can't say that about Abay. For him, it is clear that he wrote poems to express the position, desire, thoughts and mood and to heal the soul. The problem here is real the transcendental subjective aspect of the poet's consciousness about the reception.

Conclusion

We noted above that the thoughts and feelings in Abay's poems, the received and generalized results of life experience, have a categorical character, are studied in the philosophical terms. If we

continue the question further, we can see that in the context of the accumulation and generalization of various concepts in the inter-subjective level is realized in any case in the dichotomy of life and death.

The main reason for this process lies in the result of the current of Abay's time, the characteristics of Man, the state of society, the ethical standards of communication, and the reasoning between the life and death.

The main direction is the direction of eternal life, one truth. For Abay, there is no greater value, everything is based on this and is derived from it.

Good-bad, right-wrong, friendship-hostility, love-hatred, the constant price of everything, the constant criticism of the concept of change, from time to time the character that passes through society and humanity without change is in contact with the same truth.

This is meaning of humanity, being a human, false world, and truth of death. This is how Abay's worldview and creativity are intertwined.

Әдебиет

1. Фромм Эрих Человек для себя (пер. с англ. А.Александровой). – Москва: Издательство АСТ, 2020. – 320 с.
2. Ривкин Дж., Райан М. Кіріспе. Білім ахуалы / басқалармен қарым-қатынас // Әдебиет теориясы: Антология. – Т.1. (Дж. Ривкин мен М.Райанның редакциясымен). – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2019. – 568 б.
3. Кант И. Принцип чистого разума с комментариями и объяснениями (сост., предисл., коммент. А.Арамян, пер. Н. Лосского, М.Левиной). – Москва: Издательство АСТ, 2020. – 224 с.
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая: Общее введение в чистую феноменологию (пер. с нем. А.В. Михайлова; вступ. ст. В.А. Куренного). – 3-е изд. – Москва: Академический проспект, 2019. – 489 с.
5. Левинас Э. Этика мен Келбет // Әдебиет теориясы: Антология. – Т.1. (Дж. Ривкин мен М. Райанның редакциясымен) – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2019. – 568 б.
6. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 416 с.
7. Рябов П. Экзистенциализм. Период становления. – Москва: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2020. – 464 с.
8. Беккер О. О Хрупкости прекрасного и авантюризма художника // Беккер О., Гайгер М., Дюфрен М., Ришер М. Феноменология и эстетика. – Москва: Группа Компаний «РИПОЛ классик»/«Панглосс», 2019. – 275 с.
9. Рикёр П. Живая метафора // Рикер П., Гадамер Х.-Г. Феноменология поэзии. – Москва: Группа Компаний «РИПОЛ классик»/«Панглосс», 2019. – 353 с.
10. Ямпольская А.В. Искусство феноменологии. – Москва: «РИПОЛ классик», 2020. – 342 с.
11. Турышева О.Н. Теория и методология зарубежного литературоведения. – 2-е изд., перераб. – Москва: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 176 с.

Reference

1. Fromm Erich. Chelovek dlya sebya (per. s ang. A.Aleksandrovoj) [A man for himself (translated from English by A.Alexandrova)]. Moscow, AST Publishing House, 2020. 320 p. [in Russian].
2. Rivkin J., Ryan M. Kirispe. Bilim ahualy. Basqalarmen qarym-qatynas [Introduction. The status of knowledge. Relationships with others]. In: Adebiet teoriyasy: Aktologiya. 1-tom. (Dzh. Rivkin men M.Rajannyn redakciyasymen) [Literary Theory: Actology. Volume 1 (Edited by J. Rivkin and M. Ryan)]. Almaty, Public Fund «National Translation Bureau», 2019. 568 p. [in Kazakh].
3. Kant I. Princip chistogo razuma s kommentariyami i ob»yasneniyami (sost., predisl., komment. A.Aramyan, per. N. Losskogo, M.Levinoj) [The principle of pure reasoning with comments and explanations (comp., pref., comm. A. Aramyan, trans. N. Losskii, M. Levina)]. Moscow, AST Publishing House, 2020. 224 p. [in Russian].
4. Husserl E. Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga pervaya: Obshchee vvedenie v chistuyu fenomenologiyu (per. s nem. A.V. Mihajlova; vstup. st. V.A. Kurenno). 3-e izd. [Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy. The first book: General introduction to

pure phenomenology (translated from German by A.V. Mikhailov; introduction by V.A. Kurennii). 3rd ed.]. Moscow, Academic Avenue, 2019. 489 p. [in Russian].

5. Levinas E. Etika men Kelbet [Ethics and Appearance]. In: Adebiet teoriyası: Antologiya. 1-t (Dzh. Rivkin men M. Rajannyn redakciyasymen) [Literary Theory: Anthology. Volume 1 (edited by J. Rivkin and M. Ryan)]. Almaty, Public Foundation «National Translation Bureau», 2019. 568 p. [in Kazakh].

6. Lotman Yu.M. Vnutri myslyashchih mirov [Inside the thinking worlds]. Saint-Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2015. 416 p. [in Russian].

7. Ryabov P. Ekzistencializm. Period stanovleniya [Existentialism. Period of formation]. Moscow, RIPOL Classic Company Group. Pangloss, 2020. 464 p. [in Russian].

8. Bekker O. O Hrupkosti prekrasnogo i avanturyizma hudozhnika [The fragility of a beautiful and adventurous artist]. In: Becker O., Gaiger M., Dufren M., Rischer M. Fenomenologiya i estetika [Phenomenology and aesthetics.]. Moscow, RIPOL Classic Company Group. Pangloss, 2019. 275 p. [in Russian].

9. Ricker P. Zhivaya metafora [Living metaphor]. In: Ricker P., Gadamer H.-G. Fenomenologiya poezii [Phenomenology of poetry]. Moscow, RIPOL Classic Company Group. Pangloss, 2019. 353 p. [in Russian].

10. Yampolskaya A.V. Iskusstvo fenomenologii [The art of phenomenology]. Moscow, “RIPOL classic”, 2020. 342 p. [in Russian].

11. Turyshva O.N. Teoriya m metodologiya zarubezhnogo literaturovedeniya. 2-e. izd., pererab [Theory and methodology of foreign literary criticism. 2nd ed.]. Moscow, FLINTA: Nauka, 2013. 176 p. [in Russian].

Ш. Ибраев

*Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан Республикасы
(E-mail: sh.ibraev1950@mail.ru)*

Абай поэзиясының феноменологиялық түрленуі (трансформациясы) жайында

Аннотация. Мақалада Абай өлеңдерінің феноменологиялық сипаты болмыстың танымдық және эстетикалық бейнеленуі шеңберінде талданады. Адам мінездемесінің әлеуметтік ортадағы көрінісі экзистенциалдық дихотомия (Э.Фромм) аясында зерделенетіні – Абайдың философиялық өлеңдерінің көбіне тән өзгешелік.

Абай өлеңдеріндегі «мен» және «олар» ұғымдарының жіктелуі экзистенциалдық дихотомия контекстінде жинақталатынын көреміз. Ақынның «менінен» ажырап, екіұдай күй кешуі – оның өз ішкі дүниесін байыптауымен, әлеуметтік жүйемен үйлеспейтін психологиялық жағдайымен байланысты.

Мақала авторының тұжырымдауынша, тұлға мен социум арасындағы қарама-қайшылықтың себептері – ең алдымен өзінің ой-әрекетін пайымдай алатын шығармашылық иесінің санасында орын алған құбылыс. Абайдың өзін әлеуметтік ортамен сәйкестендіруі қарсылықты жағдайда өткен. Абай поэзиясында сол екі арадағы сәйкессіздіктің феноменологиялық психология тұрғысынан қарағандағы өзгешеліктері барынша айқын көрінеді. Абай өлеңдерінің негізгі мотиві – осы қайшылықтардың себептеріне жауап іздеу. Бұл ретте тіршіліктің мәні туралы өмір және өлім дихотомиясы тұрғысынан философиялық ойлар қорытуы ақынның ақиқат жолындағы ізденісімен ұштасады.

Абайдың «Көк тұман – алдындағы келер заман» атты өлеңіндегі трансценденталды феноменологиялық сана-сезімнің түзілісі ақынның көптеген өлеңдерінде кездесетіні анықталады.

Кілт сөздер: феноменология, экзистенциалды дихотомия, өмір және өлім дихотомиясы, «мен» және «олар», уақыт және кеңістік, референция, редукция, сәйкестендіру, мотив.

Ш. Ибраев

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Нур-Султан, Республика Казахстан
(E-mail: sh.ibraev1950@mail.ru)*

Феноменологическая трансформация поэзии Абая

Аннотация. В статье анализируется феноменологическая природа стихотворений Абая в рамках познавательно-эстетического изображения действительности. Особенность многих философских стихотворений Абая состоит в том, что проявление человеческих качеств в социальной среде исследуется в контексте экзистенциальной дихотомии (Э. Фромм).

Мы видим, что классификация понятий «я» и «они» в стихотворениях Абая резюмируется в контексте экзистенциальной дихотомии. Раздвоение личности поэта связано с его саморефлексией, психологическим состоянием, невоспринимающей социальную действительность.

Автор статьи утверждает, что причины противоречия между индивидом и обществом – это, прежде всего, феномен рефлексии сознания творческого человека. Идентификация Абая с социальной средой была неоднозначной. В поэзии Абая достаточно ярко прослеживаются психологические и феноменологические особенности несоответствия. Главный мотив стихов Абая – поиск ответов на причины этих противоречий. В то же время философские размышления поэта о смысле жизни в терминах дихотомии жизни и смерти сопровождаются поиском пути истины.

Также автор статьи приходит к выводу, что утверждение трансцендентального феноменологического сознания в стихотворении Абая «Сизый туман – грядущие времена» встречается и во многих других стихотворениях поэта.

Ключевые слова: феноменология, экзистенциальная дихотомия, дихотомия жизни и смерти, «я» и «они», время и пространство, референция, редукция, идентификация, мотив.

Information about author:

Shakimashrip Ibraev, Doctor of Philology, Professor of Department of Turkology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, K. Satpayev str., 2, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan.

Автор туралы мәлімет:

Шакимаширип Ибраев, филология ғылымдарының докторы, түркітану кафедрасының профессоры, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қ. Сәтбаев көшесі, 2, Нұр-Сұлтан, Қазақстан Республикасы.

Сведения об авторе:

Шакимаширип Ибраев, доктор филологических наук, профессор кафедры тюркологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, ул. К.Сатпаева, 2, Нур-Султан, Республика Казахстан.

Т. Қыдыр

*М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институты, Алматы, Қазақстан Республикасы
(E-mail: qydyr.torali@gmail.com)*

Әлішер Науаидің «Мухәкәмәтул-луғәтәйн» шығармасының түркітану саласындағы маңызы

Аннотация. Әлішер Науаи шығармаларының түркі халықтары әдебиетінде алар орны ерекше. Жазған дүниелерінің көлемі жағынан бір емес, бірнеше ақынды орап түсетін шайыр заманында түркі халықтары арасында алғаш рет «Хамса» дәстүрін енгізгендігімен ерекшеленеді. Оның әдеби, тарихи, тілдік және тәзкірә-мемуарлық туындылары кейінгі ақындардың шығармашылығына қатты әсер еткен. Сондай шығармаларының бірі - «Мухәкәмәтул-луғәтәйн» («Екі тіл туралы пікір»). Екі тілдің грамматикалық ерекшелігі мен поэтикалық қуатын зерделеген Науаи осы туындысы арқылы түркі әдеби тілінің парсыдан ешбір кем түспейтіндігін ғылыми түрде негіздеген. Түркі тілінің бай сөздік қорын нақты мысалдармен ашып көрсеткен. Әсіресе, парсы тілінде кездеспейтін жүз етістікті атап, кейбіріне өлең жолдарымен мысал келтірген. Сол жәдігерде кездесетін көне атаулар мен жүз етістіктің басым бөлігі бүгінгі қазақ тілінде де кеңінен қолданылады. Автор осы мақаласы арқылы Науаидің «Мухәкәмәтул-луғәтәйн» шығармасының түркітану саласындағы маңызын саралап береді. Сондай-ақ, осы жәдігердің бүгінге дейін жеткен қолжазбалары туралы да қысқаша мәлімет ұсынып, сол нұсқалардың ерекшелігіне тоқталады. Бұл жәдігердің алғашқы басылымдары мен кейінгі кездерде зерттелуі туралы да автор өз ойларымен бөліскен. Зерттеу нысанына Фатих қолжазбасы алынып, кейбір түркі сөздерінің қолданылу ерекшелігі нақты мысалдармен берілген. Заманында екі тілде қатар қалам тербеген (зул-лисәнәйн) Науаидің бұл шығармасында көтерілген кейбір мәселелер қазір де өзектілігін жоғалтқан жоқ. Орта ғасырларда араб, парсы және түркі тілдері өзара бәсекеге түссе, бүгінгі жаһандану заманында ағылшын, орыс және қазақ тілдерінің қазақ қоғамындағы қолданылу аясы тағы көтеріліп отыр. Осының өзі-ақ Науаи шығармасын зерттеп-зерделеудің өзектілігін көрсетсе керек.

Кілт сөздер: Науаи, түркітану, қолжазба, вариант, тіл, поэтика.

Кіріспе

Исламның тарай бастаған алғашқы кезеңінде соңғы дінді жаңадан қабылдаған ажам (парсы, түркі) халықтарының әдебиеті бірден дами қоймағаны тарихтан белгілі. Сондықтан VIII-X ғғ. түркі және парсы халықтары әдебиетіне «Екі ғасыр үнсіздік» («Ду ғәрн-е сукут») деген атау қолданылады. X ғасырдан, анығы қарахандықтар билігі тұсында өмір сүрген Махмұт Қашқари, Жүсіп Баласағұн, Ахмет Йүгінеки, Ахмет Ясауи секілді ақындардың мұрасынан бастап, түркі сөз өнері қайта дами бастады. XIV-XV ғасырларда түркі жазба әдебиеті шарықтау шегіне жетті. Атаи, Дурбек, Лутфи, Науаи сияқты шайырлар араб, парсы тілдерін жетік білсе де, өз туындыларын ана тілдерінде, анығы түркі тілінде жазуға тырысты. Себебі сол заманда қолына қалам ұстаған жандардың басым бөлігі парсыша не арабша жазуға бейім еді. «Араб – ғылымның, ал парсы – поэзияның тілі» деген жазылмаған қағида қалам иелерінің санасында жатталып қалып еді. Әсіресе, Мәурәннәһір, Хорасан өлкесінде өмір сүрген ақындардың халі мүшкіл болатын. Осы жағын ескерген Әлішер Науаи «Мухәкәмәтул-луғәтәйн», яғни «Екі тіл туралы пікір» атты туындысын жазуға кіріскен. Заманында парсы және түркі тілдерінде қатар қалам тербеген шайыр өмірінің соңына таман түркі ұлысының болашақ тағдырына алаңдап, ана тілінің табиғаты туралы ғылыми-танымдық еңбегін жазып шыққан.

Науаидің бұл еңбегі кейінгі қалам иелерінің шығармашылығына қатты әсер етіп, парсыша жазатын түркі ақындары сирей бастады. Бір кездері Махмұт Қашқари өзінің «Диуани луғат әт-түрк» еңбегі арқылы түркі тілдерінің бай сөздік қоры туралы мол мағлұмат қалдырса, Әлішер Науаи өзінің «Мухәкәмәтул-луғәтәйн» шығармасында түркі әдеби тілінің поэтикалық қуатын нақты мысалдар арқылы, жан-жақты дәлелдеп берді.

Түркі әдеби тілін өз тұғырына қондырған Науаи мұрасы бүгінде жан-жақты зерттелу үстінде. Әсіресе, түрік, өзбек ғалымдары бұл салада оқ бойы озық келеді. Өкінішке қарай, әлем түркітанушыларының назарын аударған бұл жәдігер қазақ ғалымдары тарапынан арнайы қарастырылмаған. Сондықтан да Науаидің бұл шығармасын қазақ тілінің тарихи даму барысы аясында зерттеп-зерделеудің маңызы жоғары дер едік.

Әдістемесі

Мақаланы жазуда дереккөздерді жинау, сипаттау, қолжазбаларды сұрыптау, талдау, жүйелеу, тарихи-салыстырмалы, салғастыру тәсілі, аудару секілді классикалық, түйіндеу секілді бүгінгі ғылымға белгілі әдіс-тәсілдер кеңінен қолданылды.

Тақырыптың зерттелу дәрежесі

Әлішер Науаидің «Мухәкәмәтул-луғәтәйн» шығармасының жарық көріп келе жатқанына екі ғасырға жуықтаса да, бұл жәдігерді қайта жариялауға деген құлшыныс әсте толастаған емес. Ақын заманында құснихатшылардың қаламының күшімен ел арасына санаулы нұсқамен тараса, бертін келе алғашқы баспаханалар пайда болғаннан кейін бұл шығарма мыңдаған тиражбен жарық көре бастады. Алғаш рет 1841 жылы Париж қаласында М.Катремердің құрастыруымен жарияланса [1], 1862 жылы А.Вамбери мажар тіліне тәржімалап шығарды [2]. Ы.Гаспыралының 1882 жылы Бақшасарайда жариялаған еңбегі 1902 қайта жарық көрді. Түрік ғалымдары А.Жаудат пен М.Уәләд 1895 жылы Ыстамбұлда жеке кітап етіп жариялады. Ал 1917 жылы Қоқанда литографиялық нұсқада жарық көрді. Содан бері ақын мерейтойлары қарсаңында жеке кітап болып та, академиялық толық шығармаларының аясында да бірнеше рет басылды [3].

Түрік ғалымдары Нежиб Асим [4], Рефет Ышытман [5], Араһ Сирри Леуенд [6], Сема Барутчу Өзөндер [7] бұл жәдігерді зерттеп, өз пікірлерін білдірді.

Науаи шығармаларын зерттеп-зерделеуде өзбек ғалымдары көш ілгері келеді. Алғаш рет П.Шамсиев пен О.Усманов [8] тарапынан жарық көрген жәдігер бертін келе У.Санакулов [9], М.Хамидова [10], Қ.Эргашев [11], Қ.Содиқов [12] және Ю.Турсунов [13] секілді науаитанушылардың іргелі зерттеулеріне ұласты. Орта ғасырлардағы түркі әдеби тілінің ерекшелігі кеңінен талданған бұл жәдігер әлі де көптеген зерттеулерге негіз болары анық.

Талдау

«Мухәкәмәтул-луғәтәйн» жәдігерінің қолжазба нұсқалары. Әлішер Науаидің өмірінің соңына таман, анығы 1499 жылы жазылған «Мухәкәмәтул-луғәтәйн» («Екі тіл туралы пікір») атты шығармасы біздің заманымызға дейін бірнеше нұсқада жетті. Бүгінгі ғылыми зерттеулерге негіз болып отырған сол қолжазбалардың бірі – Түркиядағы Топкапы сарай-музейі Реуан кітапханасындағы 808-нөмірлі Науаи жинағында 774b-782b беттерінің арасында сақталған. Кәтібі Дәруіш Мұхаммед Тәкин. Бұл нұсқаның 1496 және 1497 жылдары аралығында көшірілгенін ескерсек, онда бұл қолжазба Әлішер Науаидің көзі тірісінде хатқа түскен деуге толық негіз бар. Ғылымда бұл қолжазба «Топкапы нұсқасы» деген атпен белгілі.

Түркиядағы тағы бір қолжазба Сүлеймания кітапханасының Фатих бөлімінде 4056 нөмірмен сақталғандықтан да, «Фатих нұсқасы» деп аталады. Науаи жинағының соңында орналасқан (774b-784a). Көшірушісі туралы мәлімет жоқ.

Кәтіп Али Хижранидің 1526-1527 жылдар аралығында Гератта жасаған көшірмесі бүгінде

Парижде сақталған. Ұлттық кітапхананың (Bibliothèque National) 316-317 нөмірлі Науаи жинағының 278а-286а беттерінің арасынан орын алған бұл қолжазбаны «Париж нұсқасы» деп атайды.

Венгрия Ғылым Академиясы (Magyar Tudományos Akadémia) Түрік бөлімінде 75 нөмірімен сақталған қолжазбаның қашан және кім тарапынан көшірілгені туралы нақты дерек жоқ. Бүгінде «Будапешт нұсқасы» деген атпен белгілі бұл қолжазбаны түркітанушы А.Вамбери Ыстамбұл қаласында Сзилаги Даниелден алып, кейіннен Мажар ғылым ордасына өткізген деген болжам бар.

Ғылымға белгілі төрт нұсқаны зерделеген ғалымдар Топкапы мен Париж нұсқаларының жазылу мәнерінің ұқастығын аңғарса, Фатих пен Будапешттегі қолжазбалардың көшірілу негізі бір екендігіне назар аударған [7, 7 б.].

Сондай-ақ, кейінгі жылдары бұл жәдігердің тағы бір қолжазбасы табылды. 1766-1767 жылдар аралығында көшірілген бұл нұсқа бүгінде Хайдарабаттағы Саларжан кітапханасында 18 нөмірмен сақталған. Мұхаммед Бабыр жинағының (59б-86а) арасынан табылған бұл қолжазба «Хайдарабат нұсқасы» деп аталады. Осы нұсқаны зерделеген ғалым Ю.Тұрсұнов қолжазбаның XVIII ғасырдың екінші жартысында Фатих нұсқасынан көшірілгендігін алға тартады [13, 10 б.].

Яғни, бүгінде ғылымға белгілі бес нұсқа екі қолжазбаның негізінде дүниеге келген: Топкапы және Фатих нұсқалары. Жазылу тарихы жағынан Науаи заманына баратын (Науаидің көзі тірісінде көшірілген) Топкапы нұсқасы ең ескі қолжазба болып есептелсе, ал кейіннен көшірілген Фатих қолжазбасы автор тарапынан біраз түзетілгендігімен ерекшеленеді. Осы екі нұсқаның ғылыми құндылығына назар аударған Қ.Содиқов: «Қолжазбалар арасындағы өзгешеліктер төмендегіше тұжырым жасауға итермелейді. Қолжазбаның екі түрлі варианты болған: Науаи шығарманы жазып біткен соң, оны кәтіпке тапсырған; кәтіп сол вариант негізінде мәтінді көшірген. Кейінірек автор мәтінді қайта қарап шыққан, оған кейбір түзетулер жасап, Науаидің өзі көзастынан өткізген. Осылайша «Мухәкәмәтул-луғатайн» автордың көзі тірісінде екі түрлі вариантпен тараған» [12, 24 б.], - деп жазады. Яғни, Науаи еңбекті жазып біткеннен кейін өз ісіне көңілі толмастан, шығарманы қайта қарап шығып, кейбір тұстарына түзетулер енгізген. Содан еңбектің біршама толық варианты дүниеге келген [13, 21 б.].

Будапешт және Хайдарабат қолжазбаларына негіз болған Фатих варианты – толық нұсқа болып есептеледі. Сондықтан да кейінгі кездегі зерттеулерде осы қолжазба басты нұсқа ретінде қарастырылып келеді. Біз де жәдігерді талдау барысында Фатих қолжазбасын негізге алдық.

«Мухәкәмәтул-луғатайн» жәдігерінің түркітанудағы орны.

Науаидің «Екі тіл туралы пікір» («Мухәкәмәтул-луғатайн») атты еңбегінің түркі әдеби тілінің даму тарихында алар орны ерекше. Заманында екі тілдің фонетикалық ерекшелігінен бастап, грамматикалық құрылымына дейін зерделеген ақын бұл шығармасын жазуына не себепкер болғанын:

«المتكلم» اسمي غه مظهر يتيم عذريغه تركي و سارت لغتي كفييتي و حقيقتي شرحيدا بو رساله ني جمع قيليبي بيتيم و انكا «محاكمة اللغتين» آت قويدوم، تا ترك ايلي تيلي فصاحت و دقتي و بلاغت و وسعتي كه، اولحضرت بو تيل و عبارت بيله نظم بساطي توزوب دورلار و مسيحا انفاسي و حضر زلالي دين اولوك تيركوزماك طريقي عالم اهلي غه كوركوزوب دورلار، ظاهر قيلديم و خياليم غه مونداق كيلوركيم، ترك اولوسي فصيح لاريغه اولوغ حق ثابت قيلديم كه، اوز الفاظ و عبارت لاري حقيقي و اوز تيل و لغت لاري كفييتي دين واقف بولديلار و فارسي كوي لارنينك عبارت و الفاظ بابيدا طعن قيلور سرزنشي دين قوتولدي لار. الار داغي رنج و مشقتيم مقابله سيدها، جون بو مخفي علم دين كه، ظاهر قيليبي مين، وقوف تاپسه لار، اميد اولكيم، بو فقيرني خير دعاسي بيله ياد قيلغايلار و روحوم ني انينك بيله شاد قيلغايلار.

«Әл-мутәкәллим» («المتكلم») атына қол жеткізуімнің алғысы ретінде түркі мен сарт тілінің ортасындағы ақиқат пен жағдайды түсіндіру үшін осы рисаланы жаздым, және оны «Мухәкәмәтул-луғатайн» («محاكمة اللغتين») деп атадым.

Сол хазіреттің осы тіл мен тіркестер арқылы жыр дастарқанын жайып, Исаның демі және Қызырдың суымен өлікті тірілту жолын әлем халқына көрсеткеніндей, (мен де – Т.Қ.) осымен түркі әдеби тілінің көркемдігі мен нәзіктігін, шешендігі мен кеңдігін көрсеттім. (Ендеше – Т.Қ.)

түркі халқының сөз ұсталарының алдында ұлы міндетті орындадым, сол арқылы олар өз сөздері мен тіркестерінің ақиқатынан, өз тіл мен лұғаттарының сапасынан хабардар болды, парсы тілдестердің тіркесімен айтылып келген кекесін мен өсектерден құтылды деп ойлаймын. Олар да осыншалықты машақатпен әрі бейнетпен шығарғаным – осы құпия ілімнен хабардар болып, мына пақырды жақсы дұғамен еске алып, рухымды сонымен қуанышқа кенелтеді деп үміттенемін», – деп ашып көрсетті.

Науаи осы шығармасы арқылы түркі әдеби тілінің бай сөздік қорын, поэтикалық қуатын нақты мысалдар аясында айғақтаған. Орта ғасырда жиі қолданылған түркілік атау-ұғымдар бұл жәдігерде кеңінен пайдаланылған. Мысалы, **ағайын-туыстық атаулар** – «аға» («اغا»), «іні» («ايني»), «ікечі» («ايكاجي»), «сіңіл» («سينكيل»), «абаға» («اباغه»), «тағайы» («طغايي»), «көкелташ» («كوكلتاش»), «әткә» («اتكه»), «енке» («اينكه»); **киіз үйге қатысты сөздер** – түңлік («تونكلوك»), үзүнк («اوزونك»), тұрлұқ («تورلوغ»), басрұғ («ياسروغ»), жығ («جيغ»), қанат («قنات»), көзенек («كوزنك»), уық («اوغ»), бағыш («باغيش»), босаға («بوسغه»), іркене («ايركنه»); **үйректің түрлері** – суна («سونه»), «боршын» («بورجين»), жөрке («جوركه»), ерке («ايركه»), сұқсұр («سوقسور»), алма баш («الما باش»), чақыр қанат («چاقير قنات»), темір қанат («تيمور قنات»), ала лұға («اله لوغه»), ала пәке («اله يكه»), бағчал («باغجال»); **құстың түрлері** – туғдақ («توغداق»), туғдары («توغداري»), чағрұқ («چاغروق»), қылқұйрық («قىل قويروغ»), құлапұрға («قوله پورغه»), жапалақ («يابالاغ»), құлад («قولاد»), леклек («لكلك»), жайлан («جیلان»), қаракұс («قراقوش»), телбекұс («تيلبه قوش»), чықжығ («چقجيغ»), чылға («چيلغه»), сұқмағ («سوقماغ»), душ («دوش»), арғадал («ارغдал»), қырашма («قىراشمه»), бұрмақ («بورماق»), секіртпе («سيكرتيمه»), сырт («سرت»), ұчма («اوچمه»), ічме («اچمه»), йылат («ايلات»), мақыралаң («ماقيرالان»), тоқай («توقاي»), күлкүлек («كولاك كول»), саң («سانك»), сайаң («сайанк»), чақыл («چاقيل»), саһи («саһи»), шортаң («шортанк»); **жылқының түрлері** – тобычак («توبوجاق»), арғымақ («أرغوماق»), жәкә («يکه»), жабу («يابو») және тату («تاتو»); **жылқы малының жастарына қатысты** – тай («تاي»), құнан («غونان»), дөнен («دونان»), толан («تولان»), чырға («چرغا»), ланға («لانغه»); **ат әбзелдері** – жібілгір («جبلگر»), хана («حنا»), тоқым («توقوم»), жазлығ («جارليغ»), ұланқом («اولنك قوم»), ұларчағ («اولارچاغ»), ғанжуға («غنچوغه»), жылбыр («چلبير»), құшқұн («قوشقون»), қантар («قانتار»), туфәк («توفك»), тоқа («توقه»), тазйана («تازيانه»), бұлдұрға («بولدورغه»), чүпчұрға («چوبچورغه»). Бұлардан басқа күнделікті ішіп-жейтін сусындар мен тамақтар, ұрыс майданында қолданатын қару-жарақтардың түрлері мен олардың түркілік атаулары туралы да бұл жәдігерде көп мағлұмат берілген.

Науаи келтірген бұл сөздердің көпшілігі бүгінгі түркі тілдерінде кеңінен қолданылатындығы белгілі. Соның ішінде ағайын-туыстық, киіз үй және жылқы малына қатысты кейбір атаулар қазақ тілінде сол қалпы қолданылады. Ал бүгінгі қолданыстан түсіп қалған кейбір атаулардың орта ғасырлық әдеби тілімізде жиі кездесетіндігі белгілі.

Әсіресе, аң-құстарға қатысты сөздердің парсышада кездесе бермейтіндігін Науаи осы еңбегінде ашып көрсетеді. Бір үйрекке қатысты бірнеше атау қолданылатынын жазады автор. Орта ғасырларда түркілер үйректің аталығын «сона» десе, «баршын» деп аналығын атаған. Ал парсылар үйректің бәрін бөліп-жармастан «морғәк» («مرغک») деп атайды.

Науаи түркілердің ағайын-туыстық қарым-қатынасқа берік екенін сондағы атау-ұғымдардың көптігімен байланыстырған. Түркілер үлкен бауырды «аға» деп атап, ал кіші бауырды «іні» деп атайтынына тоқталады. Парсылар аға-ініні бөліп отырмастан бәрін «брадәр» («برادر») деп атайды дейді автор. Расында да, парсылар «ағаны» – «брадәре бөзөрг» («برادر بزرگ»), яғни «үлкен бауыр» десе, кіші ініні «брадәре кучек» («برادر کوچک»), яғни «кіші бауыр» дейді. Яғни, аға мен ініні айтарда олар «үлкен» не «кіші» екендігін қоса айтады. Сондай-ақ, әпке мен қарындасқа қатысты да солай, олар бәрін «хахәр» («خواهر») деп, оның үлкен-кішісін бірге атайды.

Науаи осы еңбегінде түркі әдеби тілінде кездесетін жүз етістіктің парсы тілінде кездеспейтіндігін алға тартады. Сол етістіктер мынау:

قوارماق و قوروقشاماқ و اوشارماқ و جيجايماق و اونگدايماқ و چيکريماқ و دومسايماق و اومسانماق و اوسانماق و ايگرماқ و ايگار ماқ و اواخرانماق و تارقماق و الداماқ و ارغداماқ و ايشانماқ و ايگلانماқ و ايلانماق و ايگرانماқ و ايريكماқ و اوونماق و قيسناماқ و قيناماқ و قوزغالماқ و ساورولماق و چايقالماق و ديوداشماқ و قيمانماق و قيزغانماق و نيکاماқ و سيلانماق و تانلاماқ و قميرداماқ و سيريمک و سيرماماқ و کنارکاماқ و سيغريقماق و سغينماق و قيلنماق و يالينماق و مونگلانماق و اينداماқ و تيرگاماқ و تيوراماқ و قينغايماق و شغالداماқ و سينگراماқ و ياسقاماқ و ايسقارماق و کونگراماқ و سوخرانماق و سيباماқ و قارالاماқ و سورکانماқ و کويانماқ و اينگراماқ و توشالماқ و مونغايماق و تانچقاماқ و تانچق
 الماқ و کوروکساماқ و بوشورغانماق و بوخساماқ و کيرکينماқ و سکداماқ، بوسماق، بورماқ، تورماқ، تامشياماқ، قاهاماқ، سييقارماق، چيچارکاماқ، چورکانماқ، اورتانماқ، سيزغورماق، کورپاکلاشماқ، چوپروماق، جبرغاماқ، بيچيماق، قيزانماق، سينگورماқ، کونداالاتماқ، کومورماқ، يگيرماқ، کونگورداماқ، کينارکاماқ، کيزارماқ، دوپتولماق، چيداماق، توزماқ، قازغانماق، قيچيغلاماқ، چيميديلاماқ، کانگراماқ، ياداماқ، قاداماқ، چيقانماق، کوندورماқ، سونوروماق، سوقلاتماق

«Құуармақ, құрұқшамақ, үшермек, жыйжаймақ, өңдеймек, чікреймек, домсаймақ, ұмсанмақ, ұсанмақ, игірімек, игермек, охранмақ, тарықмақ, алдамақ, арғадамақ, ішенмек, ігленмек, айланмақ, ерікмек, іgrenмек, аунамақ, қыстамақ, қыйнамақ, қозғалмақ, саурулмақ, чайқалмақ, деудесімек, қымсанмақ, қызғанмақ, нікемек, сыйланмақ, танламақ, қымырдамақ, серпмек, сермемек, кенергемек, сығрықмақ, сығынмақ, қылынмақ, йалынмақ, мұңламақ, үндемек, тергемек, теуремек, қыңғаймақ, шағалдамақ, сіңремек, йасқамақ, ысқармақ, күңренмек, сұхранмақ, сыйпамақ, қараламақ, сүркенмек, күйменмек, ыңранмақ, төшелмек, мұңғаймақ, танчқамақ, танчқалмақ, көрүгсемек, бұшұрғанмақ, бұхсамақ, кіркінмек, сөгедемек, босмақ, бүрмек, түрмек, тамшымақ, қаһамақ, сыпқармақ, чічергемек, чүргенмек, өртенмек, сызғурмақ, көрпеклешмек, чүпрұтмақ, жырғамақ, бічімақ, қыңранмақ, сіңүрмек, күнделетмек, көмүрмек, йігірмек, күңүрдемек, кінергемек, кезермек, доптұлмақ, чыдамақ, төзмек, қазғанмақ, қычыгламақ, чымдыламақ, кеңсіремек, йадамақ, қадамақ, чықанмақ, көндүрмек, сөндүрмек, сұқлатмақ».

Науаи осы негізгі етістіктердің парсышада дәл мағынасында қолданылмайтындығына назар аударады және парсылар осы сөздерді жеткізуде араб кірме сөздеріне жүгінетіндігін немесе қолдан күрделі етістік жасайтындығын айтады. Кейбір сөздердің парсышада тіптен кездеспейтіндігін, сондықтан да ондай ұғымның оларда жоқтығына да назар аударады. Ал түркілердің сөздік қоры бай болғандықтан да, оларда бір сөздің бірнеше баламасы бар екендігін жазады. Синонимдес сөздердің көптеп кездесуі тіл байлығының көрсеткіші екенін, сондықтан да түркінің тілі өлең сөзге жақын екенін нақты мысалдар арқылы пысықтайды. Мысалы:

«Өлеңнің болмыс-бітімі ғашықтыққа келіп тіреледі. Ғашықтықта жыламақтан («йыгламақ») артық тұрақты һәм тәжірибелі жол жоқ. Және оның (жылаудың) түрлері бар. **Жыламсынбақ** («йыгласинмақ») мағынасы туралы түрік былай депті:

Заһид ғашықтығын айтайын десе,
 Жыламсырап көзіне жас келмейді.

Дертпен ақырын жәй жылауды **еңіремек** («айнграмақ») пен **сіңремек** («синграмақ») деп атайды. (Мағыналарында) айтарлықтай айырмашылық жоқ. Түркіше мына матлағ (ғазалдың алғашқы бәйіті – Т.Қ.) бар:

Қаласам дәуір адамдарынан ышқыңды жасырмақта,
 Түнде кейде еңіреп, кейде сіңреп шығатын әдетім бар.

Парсыда бұл мағына жоқ, шайыр қандай жол таппақ?

Жылауды әсірелеудің бірі – **сықтамақ** («سیقتماق»). Түрік осы түрді қолданып былай депті:

Ол ай күле-күле жақындатты мені,
Жылатты мені демейін, сықтатты мені.

Және бар дауысымен, айқайлап жылаудың да түрі бар, оны **өкірмек** («اوکورماк») дейді. Осы мағынада түркіше мына матлағ (ғазалдың алғашқы бәйіті – Т.Қ.) бар:

Ісім – тау үстінде жан-жаққа көз селін ағызу,
Айрылу азабынан сәт сайын бұлыттай өкіру, – деп,

әрбір сөзге жеке-жеке бәйіт арнап, өз ойын нақтылай түскен. Ондағысы түркі тілінің бай сөздік қорын ғылыми негіздеу болатын. Өз ойын одан әрі жалғастырған Науаи: «Парсы тілінде **өкірмек** («اوکورماк») деген сөз жоқ, (яғни) парсы тілді шайыр осындай керемет мазмұннан мақұрым деген сөз.

Және **жыламақтың** («بیغلاماق») **өкірмекпен** («اوکورماк») мағыналас **іншірмек** («اینچکیرماک») дегені де бар. Ол – жіңішке дауыспен жылау деген сөз. Ол түркі сөзінде өз тіркесімен орнын тапқан:

Замана залымдығынан тамағымды қырнап жылаймын,
Айналған заманадай **інічкіріп** жылаймын.

Сондай-ақ, жыламақ сөзіне **һай-һайды** («هاي-هاي») да қосып айтады, және мұнда олар (парсы тілділер – Т.Қ.) өздерін түркіше сөйлейтіндерге серік қылған. Бұл сөз де бүтіндей түркі тынысы. Пақырдың (яғни, Науаидың – Т.Қ.) мына мақтағы (ғазалдың соңғы бәйіті – Т.Қ.) өте мәшһүр:

Науаи, ол гүл үшін **һай-һай** жылама көп,

«Һай» дегеніңше не гүлдің бұтасы, не түйнегі, не гүл бар», – деп, **іншірмек** пен **һай-һай** жылауға да бір-бір бәйіттен мысал келтірген.

Бір ғана жылаудың **жыламсынмақ** («بیغلامسینماق»), **еніренмек** («اینграммак»), **сіңремек** («сінграммак»), **сықтамақ** («سیقتماق»), **жыламақ** («سیقتماق»), **өкірмек** («اوکورмак»), **іншірмек** («اینچкیرмак»), **һай-һай жыламақ** («ي-اه-ي-اه») деген түрлерінің барын айтып, өлең сөзбен мысалдар берген шайыр парсылардың олардың бәрін бір ғана атаумен жеткізетіндігіне тоқталады. Расында да, Науаи келтірген осы сөздердің бәрін парсы тілінде «герие кәрдән» («گریه کردن») деген бір-ақ атаумен береді.

Сонымен бірге ішімдік ішу деген сөздің де түркі әдеби тілінде **бұхсамақ** («بوخساماق»), **тамшымақ** («تامشیماق»), **сыпқармақ** («سیقارماق») деген түрлері кездесетінен Науаи нақты мысалдармен жеткізе білген.

Науаи **қызғанмақ** (қызғанмақ), **қымсынмақ** («قیمسانماق»), **безенмек** («بیزانماк») һәм **телмірмек** («تیلмормак») деген сөздердің де парсышада жеке-жеке сөз ретінде қолданылмайтындығын айтады. Әр сөзге жеке-жеке мысал келтірген ақын мұндай дәл сезімдерді парсышада сол қалпында жеткізу мүмкін еместігін айтады. Науаи өз ойын: «Парсыша сөйлейтін түркіден шыққан бектер мен мырзалар өз ойын қалай жеткізер екен?», «парсыша жазатын ақындар мұндай мағынаны жеткізуде дәрменсіз», «парсышада мұндай атау-ұғым жоқ», – деп түйіндеп отырады.

Түркілердің үй жануарларының әрқайсысын жек-жеке атап, олардың дауыс шығаруын **түйенің боздауы, аттың кісінеуі, есектің ақыруы, иттің ұлуы һәм сиырдың мөңіреуі** деп атайтынын, парсылар аттың кісінеуін ғана «шихә» деп атап, басқаларына нақты сөз қолданбайтындығына тоқталады. Ал жылқы малына қатысты атау-ұғымдардың бәрін де парсы тілдестер түркі тілімен айтқанды жөн көреді.

Сондай-ақ, қару-жарак, киім түрлері, қой мүшелері, тамақ түрлері, сусын-ішімдіктің бірнеше атауларын атап, олардың парсы тіліндегі баламасы жоқ екенін нақты мысалдармен берген.

Науаи осы шығармасында жүз етістікті былай қойғанда, сөз жасаушы жалғау-жұрнақтарға дейін тоқталған. Осыдан-ақ оның түркі әдеби тілін жан-жақты зерттегенін аңғару қиын емес. Ол: «Тағы бір (мынадай) қолдану да бар, яғни кейбір сөздердің соңына мансап немесе кәсіп пен өнерді білдіру үшін «чим» («ح») және «йай» («ي») қосымшасын жалғайды. Бұл да парсышада жоқ, қайта олар да түркіше айтады. Мансапқа қатысты былай: **құрчы** (قورچی), **сұчы** (سوجی), **хизаначы** (خزانه جی), **керек-йарақчы** (گیراک یاواقچی), **чәугәнчі** (جوگانجی), **найзачы** (جی نیزه), **шүкүрчі** (شکر جی), **йұртчы** (بورجی), **шиланчы** (تیلانجی) және **ахтачы** (اختجی) сияқты көп», – деп «шы» жұрнағын жалғау арқылы жаңа сөз жасауға болатынын алға тартады.

Сондай-ақ: «Тағы бір айту мен қолдану бар: біреуден бір істі күмәндану арқылы сол істі сол адамға телігендей болады. Бұл нақты емес, қайта күдіктенгендіктен болады, бірақ мұнда нәзіктік басым. Мысалы: **барғүдек** (بارغودیک), **йарғүдек** (يارغودیک), **келгүдек** (کیلغودیک), **білгүдек** (بیلغودیک), **айткүдек** (ایتغودیک), **қайткүдек** (قایتغودیک), **ұрғүдек** (اورغودیک), **сүргүдек** (سورغودیک). Бұл парсышада болмас», – деп, қазақ тілінде «барғандай, жарғандай, келгендей» деген секілді күдік-күмәнға құрылған сөздерді түркілер оңай жасай алатындығына назар аударған. Соның жалғасы ретінде Науаи:

«Кейбір сөздердің соңына бір «чим» («چیم») әрпін қосып, сол арқылы етістіктегі жылдамдықты көздейді. Мысалы: **теkkәч** (تیککاج), **айткач** (ایتکاج), **барғач** (بارغاج), йарғач (يارغاج), **тапқач** (تاپقاج) және **сатқач** (ساتقاج)», – деп, «тиген соң» деген сөзді жасау үшін негізгі етістікке «ч» әрпін жалғап та сөз жасауға болатындығын алға тартады.

«Сондай-ақ, бір түс немесе бір сипаттың негізін арттыру үшін алғашқы әрпіне бір «пе» («پ») немесе «мим» («میم») жалғап, сол нәрсенің артықшылығын білдіреді. «Пе» («پ») мысалы: **ап-ақ** (آپ-آق), **қап-қара** (قپ-قرا), **қып-қызыл** (قپ-قیزیل), **сап-сарығ** (ساپ-ساریغ), **йұм-йұмалақ** (یوپ-یومالاق), **йап-йашыл** (یپ-یاشیل), **ап-ачұғ** (آپ-اچوغ), **чүп-чүқыр** (چوپ-چوقور). «Мим» (میم) мен жасалатын мына түрі де бар, мысалы: **Кум-көк** (گم-کوک), **йам-йашыл** (یام-یاشیل), **бум-буз** (بوم-بوز)», – деп жазған Науаи түркі әдеби тілінде сөз жасаудың жеңілдігін нақты мысалдармен талдап көрсетеді.

Заманында «Зул-лисәнәйн» яғни екі тілде қатар қалам тербей алатын ақындардың қатарынан саналған ақын арабша жақсы біліп, парсыша һәм түркіше де өлеңдер жазғаны белгілі. Екі тілдің өзіндік ерекшелігін, поэтикалық қуатын жақсы білген. Сондықтан да оның қаламынан туған «Мухәкәмәтул-луғәтәйн» шығармасы жалаң ұрандарға емес, нақты ғылыми тұжырымға құрылған деуге толық негіз бар.

Нәтижелер

Әлішер Науаидің «Екі тіл туралы пікір» («Мухәкәмәтул-луғәтәйн») атты еңбегінде, тек қана түркі әдеби тілінің бай сөздік қоры сөз болмайды, сонымен бірге сөз өнерінің жасалу техникалары туралы да құнды мәліметтер келтіріледі. Сондай-ақ, бұл шығарма автордың өмірінің соңына таман жазылғандықтан да, жәдігердің соңғы жағында Науаи өзінің шығармашылығына шолу жасап, өз оқырмандарына есеп бергенін де аңғару қиын емес. Яғни, өз қаламынан туындаған шығармалардың дүниеге келуінде қандай оқиғаның немесе қандай шайырдың шығармасы жатқанын да ақын ашып көрсеткен. Және кейбір тәтәббуғ үлгісінде берілген бәйіттердің үлгісін ұсынып, сол жыр жолдарының кімге жауап ретінде жазылғанын да Науаи осы шығармасында атап өтеді.

Сондықтан да «Мухәкәмәтул-луғәтәйн» атты шығарманың құрылымын үшке бөліп қарастыруға болады: тілтану, әдебиеттану және тәзкірә-мемуарлық. Жәдігердің бастапқы һәм негізгі бөлігі түркі тілінің грамматикалық құрылымы мен фонетикалық ерекшелігіне арналса, екінші жартысында шайырлық шеберлік пен әдеби өрнектерге орын берілген. Соңына таман

өз шығармалары мен түркі және парсы шайырларының мұрасы туралы өз пікірін ортаға салған. Сол дәуірдегі тілдік ерекшелік пен әдеби кеңістігін кеңінен саралаған бұл жәдігердің өміршеңдігі де осында жатса керек.

Қорытынды

Жазған дүниелерінің көлемі жағынан заманының бір емес, бірнеше ақынды орап түсетін Әлішер Науаидің әдеби хәм тарихи мұрасын зерттеп-зерделеу әсте толастаған емес. Батыс ориенталистері мен түркітанушылары, сондай-ақ орыс шығыстанушылары да ақын шығармалары туралы өз пікірлерін білдірген. Әсіресе, оның XIV-XV ғасырлардағы түркі жазба тілі мен әдеби кеңістігі кеңінен талданған «Мухәкәмәтул-луғәтәйн» атты туындысы іргелі зерттеулерге негіз болған. Осы уақытқа дейін бұл жәдігер түпнұсқадан ағылшын, мажар, неміс, түрік, парсы тілдеріне тәржімаланып, ғылыми зерттеулерге жол ашты, ғылыми жұмыстар жазылды. Өкінішке қарай, әлем назарын аударған бұл туынды қазақ ғалымдары тарапынан әлі күнге қарастырылмай келеді. Науаи шығармасында көтерілген кейбір дүниелердің бүгінгі түркі ұлысында, соның ішінде қазақ қоғамында әлі қордаланып тұрғанын ескерсек, бұл жәдігерді түпнұсқадан тәржімалап, зерттеп-зерделеудің маңызы жоғары дер едік.

Әдебиет

1. Quatremer M. Chrestomaties Orientales, Extraits d'Ali-Schir. – Paris, 1841. – 235 p.
2. Vamberi A. Muhakemet-ül-lugetejn. Mir Ali-Sir (Nevaji) csagataj-törökjeböl // Nyetvtudomány Közlemenyek. 1 C. – 1862. – P. 112-130.
3. Мухаммад Х.Ә. «Мухокамат ул-луғатайн»нинг янги Эрон нашри // [Электрон.ресурс] – 2021. – URL: <https://ziyouz.uz/matbuot/hozirgi-davr-matbuoti/l-r-2011-2/> (қаралған уақыты: 4.05.2021)
4. Necip Asım. Muhakemet-ül-lugetejn. – İstanbul: İkdam Külliyatı, 1315. – 128 p.
5. Refet İşıman İ. Ali Şir Nevai. Muhakemet-ül-lugeteyn. – Ankara: TDK, 1941. – 132 p.
6. Sırrı Levend A. Ali Şir Nevai. IV cilt. Dıvanlar ile Hamse Dışındaki Eserler. – Ankara: TDK, 1968. – 256 p.
7. Sema Barutçu Özender F. Ali Şir Nevai. Muhakemetül-lugeteyn. – Ankara: Irmak matbaacılık, 1996. – 244-16 p.
8. Әлішер Навоий. Мухакамат ул-луғатайн. Nasrga tajjarlavcılar A.Usman, PçSamsıyev. – Toshkent: Uz SSR goslitizdat. 1940. – 125 p.
9. Санакулов У. Исследование языка памятника XV века «Мухокамат ул-луғатайн» Алишера Навои: автореф. дисс ...канд. филол. наук. – Ташкент, 1971. – 18 с.
10. Хамидова М. «Мухокамату-л-луғатайн» нинг танқидий матнини яратиш йулида // Адабий мерос. – 1958. – №2(33). – Б. 81-84.
11. Alisher Navoiy. Tola asarlar toplami. O'n jildlik. Muhokamat ul-lug'atayn. 10 jild. (Nashrga tayyorlavchi Q.Ergashev). – Toshkent: G'afur G'ulom nomidagi nashriyot-matbaa ijodiy uyi, 2012. – P. 506-533.
12. Алишер Навоий. Мухокамат-л-луғатайн. (Қ.Содиқов тахлили, табдили ва талқини остида). – Тошкент: Akademnashr, 2017. – 128 с.
13. Алишер Навоий. Мухокамат-л-луғатайн. Илмий-танқидий матн. (Тузувчи ва нашрга тайёрловчи Юсуф Турсунов). – Тошкент: Фан, 2021. – 160 с.

Reference

1. Quatremer M. Chrestomaties Orientales, Extraits d'Ali-Schir. Paris, 1841. 235 p.
2. Vamberi A. Muhakemet-ül-lugetejn. Mir Ali-Sir (Nevaji) csagataj-törökjeböl. In: Nyetvtudomány Közlemenyek. 1 C. 1862. P. 112-130.
3. Muhammad H.E. «Muhokamat ul-lugatayn»ning yangi Iron nashri. In: [Electronic resource] – 2021. – URL: <https://ziyouz.uz/matbuot/hozirgi-davr-matbuoti/l-r-2011-2/> (date of access: 4.05.2021) [in Uzbek].
4. Necip Asım. Muhakemet-ül-lugetejn. İstanbul, İkdam Külliyatı, 1315. 128 p. [in Turkish].
5. Refet İşıman İ. Ali Şir Nevai. Muhakemet-ül-lugeteyn. Ankara, TDK, 1941. 132 p. [in Turkish].
6. Sırrı Levend A. Ali Şir Nevai. IV cilt. Dıvanlar ile Hamse Dışındaki Eserler. Ankara, TDK, 1968. 256 p. [in Turkish].

7. Sema Barutçu Özender F. Ali Şir Nevayi. Muhakemetül-lig'ateyn. Ankara, Irmak matbaacılık, 1996. P. 244-16. [in Turkish].
8. Alisher Navoiy. Muhakamatl lug'atayn. Nasrga tajjarlavcilar A.Usman, PçSamsiyev. Taskent, Uz SSR goslitizdat. 1940. 125 p. [in Uzbek].
9. Sanakulov U. Issledovaniye yazika pamyatnika XV veka «Muhakamat ul -lug'atayn» Alishera Navoiy [Study of the language of the 15th century monument «Muhokamat ul-lughatayn» by Alisher Navoi]. Avtoref. Diss. ...kand. filol.nauk [abstract of the dissertation of the candidate of philological sciences]. Tashkent, 1971. [in Russian].
10. Hamidova M. «Muhokamat-l-lug'atayn» ning tanqidiy matnini yaratish yulida. In: Adabiy meros, №2(33). 1958. P. 81-84. [in Uzbek].
11. Alisher Navoiy. Tola asarlar toplami. O'n jildlik. Muhokamat ul-lug'atayn. 10 jild. (Nashrga tayyorlavchi Q.Ergashev). Tashkent, G'afur G'ulom nomidagi nashriyot-matbaa ijodiy uyi, 2012. P. 506-533. [in Uzbek].
12. Alisher Navoiy. Muhokamat-l-lug'atayn. (Q.Sodiqov tahlili, tabdili va talqini ostida). Tashkent, Akademnashr, 2017. 128 p. [in Uzbek].
13. Alisher Navoiy. Muhokamat-l-lug'atayn. Ilmiy-tanqidi matn. (Tuzuvchi va nashrga tayiorlovchi Yusuf Tursunov). Tashkent, Fan, 2021. 160 p. [in Uzbek].

T. Qydyr

*M.O. Auezov Institute of Literature and Arts, Almaty, Republic of Kazakhstan
(E-mail: qydyr.torali@gmail.com)*

The importance of Alisher Navoi's work «Muhakamatul-lugatayn» in the field of Turkic studies

Abstract. The works of Alisher Navoi take a special place in the literature of the Turkic peoples. The poet, who wrote a lot in his time, is distinguished by the fact that he first introduced the tradition of «Khamasa» among the Turkic peoples. His literary, historical, linguistic and memoir works had a great influence on the work of later poets. One of these works is «Muhakamatul-lugatayn» («Opinion on two languages»). Having studied the grammatical features and poetic power of both languages, Navoi scientifically substantiated in this work that the Turkic literary language is in no way inferior to Persian. Using specific examples, he revealed the rich vocabulary of the Turkic literary language. In particular, he mentioned one hundred verbs that are not found in Persian and gave some examples in verses. Most of the ancient terms found in this work are widely used in the modern Kazakh language. In this article, the author reveals the significance of Navoi's work «Mukhakamatul-lughatayn» in the field of Turkology. He also spoke briefly about the extant manuscripts of this work and focused on the specifics of these versions. The author also shared his thoughts on the first publications and subsequent studies of this work. The subject of the study is the Fatih manuscript, the specifics of the use of some Turkic words are given on specific examples. Some of the questions raised in this work of Navoi, written in the Middle Ages in parallel in two languages (zul-lisain), have not lost their relevance today. In the Middle Ages, Arabic, Persian and Turkic languages competed with each other, and in the era of globalization, the scope of application of English, Russian and Kazakh languages in Kazakh society is growing again. This indicates the relevance of studying the work of Navoi.

Keywords: Navoi, Turkology, manuscript, variant, language, poetics.

Т. Кыдыр

*Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, Алматы, Республика Казахстан
(E-mail: qydyr.torali@gmail.com)*

Значимость «Мухокамаат ул-лугатайн» Алишера Навои для тюркологии

Аннотация. Творчество Алишера Навои занимает особое место в историческом развитии литератур тюркских народов. Поэт, оставивший после себя богатое творческое наследие, был

реформатором и первым ввел традицию «Хамса» в тюркское поэтическое искусство. Его литературные и мемуарные произведения, а также исторические и лингвистические труды оказали большое влияние на творчество поэтов более поздних эпох. Памятник «Мухокамат ул-лугатайн» («Суждение о двух языках»), анализу которого посвящена данная статья, является одним из известных сочинений поэта-мыслителя Алишера Навои. Изучая и сравнивая языковые и поэтические особенности персидского и тюркских языков, Навои показывает, что тюркский литературный язык ничем не уступает персидскому языку; более того посредством конкретных иллюстраций из текста памятника поэт раскрывает словарное богатство тюркских языков. В частности, поэт анализирует сто тюркских глаголов, которые не встречаются в персидском языке, но которые весьма значимы для тюркского стихосложения. Надо отметить, что множество лексем, рассмотренных в памятнике, широко используется в современном казахском языке и в других тюркских языках.

Указывая на огромную важность памятника «Мухокамат ул-лугатайн» в области тюркологии, автор статьи рассматривает несколько вариантов рукописей памятника, дошедшие до настоящего времени и раскрывает их исторические, культурные и языковые особенности. В статье также дается подробная информация о первых публикациях указанного памятника и последовавших за ними научных исследованиях его. В статье лингвистический и стихотворный анализ памятника осуществлён на основе рукописи Фатиха, также проведена тематическая классификация лексем, раскрывающая картину мира тюркских народов в позднее средневековье. Многие вопросы, затронутые в «Мухокамат ул-лугатайн», не потеряли своей актуальности и сегодня. Например, если в эпоху средневековья в центральноазиатском регионе была конкуренция между арабским, персидским и тюркскими языками, то сейчас, в период глобализации, в современном Казахстане возрастает тенденция гармоничного употребления казахского, русского и английского языков, что придает особую значимость проблеме полиязычия в контексте исследования «Мухокамат ул-лугатайн».

Ключевые слова: Навои, тюркология, рукопись, вариант, язык, поэтика.

Автор туралы мәлімет:

Төрәлі Қыдыр, филология ғылымдарының кандидаты, Ежелгі дәуір әдебиеті және түркология бөлімінің меңгерушісі, М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институты, Құрманғазы көшесі, 29, Алматы, Қазақстан Республикасы.

Information about author:

Torali Qydyr, Candidate of Philological Sciences, Head of the Department of Ancient Literature and Turkic Studies, M.O. Auezov Institute of Literature and Art, Kurmangazy str., 29, Almaty, Republic of Kazakhstan.

Сведения об авторе:

Торали Кыдыр, кандидат филологических наук, заведующий отделом древней литературы и тюркологии, Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, ул. Курмангазы, 29, Алматы, Республика Казахстан.

Ж.А. Манкеева*А.Байтұрсынұлы атындағы Тіл білімі институты, Алматы, Қазақстан Республикасы
(E-mail: mankeeva1950@mail.ru)***Қазақ тілінің түркілік сабақтастығы**

Аннотация. Заманалар тоғысында, егемендікке қол жеткен бүгінгі таңда бүкіл тарихи-рухани тәжірибені қорытып, ел игілігіне қолдану – ұлттық сана мен таным көкжиегін кеңейтіп келе жатқан өрісті үрдіс. Осымен байланысты көне түркі ескерткіштерінің тілдік деректері – тіл арқылы сақталған ұлттық танымның көне дәуірдегі тілдік негіздері мен тарихи күре тамырларын зерттеу мен зерделеудің қайнар көзі. Соған орай көне тілдік деректер қазіргі қазақ тіліне дейін ұласқан даму барысының үзілмес желісі іспетті. Бағзы заманнан бастау алып, тасқа қашалған, түркі жұртының санасына сіңіп бүгінге жалғасқан көне сөздердің тарихи даму, өзгеру сырын ашып, зерттеу нәтижелері тіл тарихының ұлт тарихынан ұзақ екенін негіздеген, қазақ тілінің «жаңа» топқа жатпайтынын нақты дәйектеген түркітанушы ғалымдардың бірі, филология ғылымдарының докторы, профессор Ғ.Айдаровтың зерттеулеріндегі ғылыми тұжырымдарын қазіргі түркітану деңгейінен тану – аса өзекті. Профессор қазақ түркітануында көне түркі және көне ұйғыр тілдерінің гетерогенді лингвистикалық жүйесін, көне тілдердің графикалық, фонетикалық-фонологиялық, лексикалық, морфемиялық-туынды және грамматикалық деңгейлерін зерттеп, олардың ерекшеліктерін қазіргі түркі тілдерімен, оның ішінде қазақ тілімен алғашқылардың бірі болып байланыстыра зерттеді. Мақала түркі сөзінің құрылымдық онтологиясы (моносиллабикалық және түрік прото-түбірінің басқа модельдері) жан-жақты қарастырылып, осы мәселені зерттеуге Ғ.Айдаровтың баға жетпес үлес қосқаны баяндалады.

Сонымен қатар мақалада Ғ.Айдаровтың жолын жалғаған ғалымдардың ежелгі түркі тілдерін зерттеуде антропоцентристік әдісті белсенді түрде қолданғандығына назар аударылып, мұның өзі түркі әлемінің тарихи дамуын түсіну үшін зор маңыз атқаратын ежелгі түркі халықтарының әлемі мен менталитеті туралы білімнің жаңа өрістерін ашуға мүмкіндік беретіні дәйектеледі.

Кілт сөздер: көне түркі жазба ескерткіштерінің тілі, көне ұйғыр жазба ескерткіштерінің тілі, түркілік рух, тарихи-салыстырмалы зерттеу, антропоөзектік үдеріс, түркі әлемі, рухани жаңғыру.

Кіріспе

Қазіргі жаһандану заманында өзектелген антропоөзектік үдеріс әрбір жеке түркі тілінің тамырына тереңдеу бағытын жетілдіріп, интегративтік әдісті «тіл мен тарих», «тіл мен қоғам», «тіл мен сана», «тіл мен мәдениет» сияқты тұтастықтармен толықтыруда. Осымен байланысты «түркі әлемі», «түркілік рух» ұғымдарын дәйектеп тарататын жеке түркі тілдері фактілерінің көне түркі жазба ескерткіштердегі тарихи іздерін табу жұмыстары жаңа сапалық деңгейге көтерілуді қажет етеді. Осы мәселенің, мысалы, қазақ тіліне қатыстылығы қазіргі қазақ руханиятының «рухани жаңғыру» бағдарымен байланысты айқын көрініп, өзектелуде.

Осы орайда көне түркі жазбаларының мұрасын ежелгі заманнан бүгінге дейін ұласқан рухани-дүниаяу даму барысының желісі іспетті бүгінгі күнмен қалай сабақтасатынын айқындау аса маңызды.

Егер ең алғаш түркі дүниесін танытқан көне түркі ескерткіштері десек, бүгінде іштей қайта түлеп жатқан түркі халықтарының бірі қазақ халқының жаңа астанасының төрінде түркілердің тарихнамасы іспетті «Күлтегін» ескерткіштерінің тұғырлануы түркі рухының жаңғыруының жарқын үлгісі деуге әбден болады.

Соған сәйкес бағзы заманнан бастау алып, тасқа қашалған, түркі жұртының санасына сіңіп, бүгінге жалғасқан көне сөздердің тарихи даму, өзгеру сырын ашып, төл мәдениетпен сабақтас зерттеу нәтижелері тіл тарихының ұлт тарихынан ұзақ екенін негіздеген Ғ.Айдаров сынды ғалымдардың нақты зерттеу мұрасы қазақ тілінің «жаңа» топқа жатпайтынын дәлелдейді.

Бірнеше дәуірдің тарихы, мәдениеті мен психологиялық, қоғамдық-әлеуметтік, экономикалық т.б. даму көрінісі этнографиялық, археологиялық, мифологиялық т.б. зерттеулермен қатар ұрпақтан-ұрпаққа тіл арқылы сақталып жететіні қазіргі түркологияда дәлелденіп, осы ретте сенімді қағидаға айналып отыр.

Осымен байланысты көне түркі мұраларын жан-жақты зерттеп, танытудың басында тұрған көрнекті түркітанушы-ғалымдардың зерттеулеріне сүйене отырып, көне түркі жазбалардың қазақ тіліне қатысы мен сабақтастығын айқындауды мақсат еткен қазақ ғалымдарының еңбектеріне де жеткілікті мән беретін кез келді. Сайып келгенде, түркі тілдері өкілдерінің бірі ретіндегі қазіргі қазақ тіліндегі түркілік архетиптік үлгілерді реликтілік сипатта сақтап қалған мұрагер іспетті қазақ ғалымдарының ізденістеріндегі ерекше сезіну мен ішкі түйсік, қанға сіңген түркілік рух айқындалады. Біздің ойымызша, ғалымға қажет ғылыми-ақпараттық танымға жалғасқан тіл иесінің тілдік санасында құрылымдалған когнитивтік тетікпен байланысты болса керек.

Қазақ тіл білімі тарихында оның түркілік тамырын зерделеген ғалымдар аз емес (Ғ.Айдаров, А.Махмұтов, А.Есенғұлов, М.Томанов, А.Аманжолов, Ә.Құрышжанов т.б.). Ол топтың басында тұрған филология ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстанның еңбек сіңірген ғылым қайраткері, көрнекті түркітанушы ғалым Ғ.Айдаровтың 100 жылдық мерейтойына байланысты 18 маусым күні «Егемен Қазақстанда» жарияланған Түркі академиясының президенті Д.Қыдырәлінің «Түркологияға түрен салған тарланбоз» атты мақаласында қазақ тіл білімінде түркологиялық зерттеу үдерісінің қалыптасуындағы ғалым еңбектерінің мәніне былайша баға береді: «Отандық түркология тарихында соқтықпалы соқпақсыз заманда тыңға түрен салған, жасқанып, мұқалып қалмай, өз бетімен өрге ұмтылып, табанды ізденістерге барған. Орхон мұраларының қазақ тіліне қатысын зерделеп, *ізашар* еңбек жазған көрнекті ғалым...» [1].

Сол кезеңдегі ел басына түскен зұлмат зобалаңның барлық азабын тағдырдың тауқыметін тартқан жас бала балалар үйінде тәрбиеленіп, жетімдігіне қарамай, жетілем деп, білім алуға ұмтылып, маман болуды мақсат еткен құлшынысы, бұғанасы қатпаған бозбала жігіт соғыстың қан майданында от кешіп оралуы, жастайынан жетім қалып, ата-ана тәрбиесіне қанбаса да, құймақұлақ, санасы ояу, қанында елдік рух сақталған жас жігіттің «Мен әулеттің отын өшірмеуім керек» деген тұлғалық өресі – тегіндегі өршіл рух көрінісі.

Болмысындағы осы өршіл рух оны қиын да күрделі ғылым жолына түсірді. Әйтпесе еңбек жолын бастаған мұғалімдік мамандығы да асыл ағамыздың оң жамбасына келер еді. Бұл кісінің бойынан ғаламат педагогтік қабілет байқалатын. Соншалық қиыншылықтарды басынан кешсе де, жүрегі қатуланбаған, аса мейірбан, ашулануды білмейтін, кеңпейіл, қазақы мінез, ең бастысы, сөзсаптамы ерекше, әсіресе, ауызша әңгіменің шебері, кез келген адаммен сөзі жарасатын коммуникативтік тұлға болатын. Бірақ соған қарамастан, нағыз инемен құдық қазғандай еңбекті талап ететін, сол замандағы тіл ғылымының, шын мәніндегі тыңына түрен салып, Білге қағанның, Тоныкөктің, Күлтегіннің тілін зерттеді. Себебі бойын ғасырлар қойнауындағы ата-бабаларымыздың тылсым әлемінен тарап, қазақы танымға ұласқан түркілік рухы билеген жас Ғ.Айдаров болмысы оған ұсынылған «Орыс тілінен енген сөздердің қазақ тілінде игерілуі» деген оңтайлы тақырыпты місе тұтқызбай, түркілік тылсым әлемнің сырына үңілуге жетеледі.

Ғылымға адалдығы, болмыс-мінезі мен табандылығы, қажырлы ізденістерінің нәтижесінде «Тоныкөк ескерткіштерінің тілі және қазіргі кейбір түркі тілдеріне қатысы» тақырыбында 1959 жылы кандидаттық диссертация, «Көне түркі Орхон-Енисей және Талас ескерткіштерінің лексикасы» деген тақырыпта 1974 жылы докторлық диссертация қорғады.

Зерттеу әдістері

Түркітану тарихының қай заманында да арғы түркі тілін (протоязык) қалпына келтіру (реконструкция) және оның қазіргі түркі тілдеріндегі сабақтастығы туралы мәселе өзекті болды. Ал тектілікті бағдардың танымдықпен қатар ғылыми-әдістемелік, ұйымдастырушылық та ерекше мәні бар. Шын мәнінде, оның жеке түркі тілдерінің тарихын зерттеуде бастау көзі болуы тиіс екені табиғи заңдылық. Бірақ бұл мәселенің осы күнге дейін түпкілікті шешімі табылмағаны, нақты айтқанда, оның әлі де тілдік фактілерден жинақталған жеке тұжырымдардың сипатында екені белгілі.

Тіл білімінде *ретроспективтік әдіс* деп аталатын бұл зерттеу бағыты бүгінгі тіл ерекшеліктерін тарихи-салыстырмалы талдауға сүйене отырып, өткен дәуірлерге көне түркі кезеңдеріне бағдар жасайды. Бұл арада қазақ тілі тарихи грамматикасы мен «көне түркі жазба ескерткіштер тілі» пәнінің байланысы айқын көрінеді. Нақты айтқанда, тарихи грамматика өз қорытындыларында, өз зерттеулерінде көне ескерткіштер фактілеріне сүйенеді. Ә.Құрышжанов, М.Томановпен бірлесіп 1971 жылы жарық көрген «Көне түркі жазба ескерткіштерінің тілі» атты оқулық (кейін 1986 жылы Ғ.Айдаровтың жеке авторлығымен шыққан монография) еліміздің жоғары оқу орындарының филология факультеттерінде түркі тілдерінің тарихын оқытуда «көне түркі жазу ескерткіштері» деген курс негізінде ғылыми-әдіснамалық, көнетүркілік деректік негіз болды. Атап айтқанда, Орхон-Енисей немесе көне түркі жазбалары, ұйғыр жазуының нұсқалары т.б.

Дегенмен тілді зерттеудің қазіргі замандағы антропоөзектік парадигмасының бұл мәселенің зерттелу үрдісінің қарқынына ықпал етіп қана қоймай, зерттеу әдіснамасын кеңейтіп, кешенді сипатқа ие болғаны да шындық.

Демек, ежелгі дәуірлер мен тарихи кезеңдердегі қазақтың рухани-мәдени жүйесінің жаратылысы мен болмысын көнетүркілік тілдік деректер негізінде саралап тану – қазіргі тіл біліміндегі өркенді арна. Осы бағытта этностың, ұлттың мәдени-танымдық жүйесін зерттеу барысында теориялық-әдістемелік негіз ретінде антропоөзектік бағыт пен когнитивтік лингвистиканың «ғаламның тілдік бейнесі» теориясының қағидалары басшылыққа алынады. Түркі әлемінде ол «Күлтегін» ескерткішінде берілген: «Көкте Тәңірі, төменде қара жер пайда болған кезде екеуінің арасында адам пайда болды» [2, 276 б.].

Ғ.Айдаров сынды ізашар түркітанушылардың еңбектеріне сүйеніп, түркі дүниесінің қазақ тілімен сабақтастығын тарихи-салыстырмалы сипатта дәйектеуге болады: *altun: altun kumüş kerdäksiz kelürti* – «Олар алтын мен күмісті көп мөлшерде жеткізді» (Күлтегін ескерткіші); *eb // ev // ug // uv: basmil jagidip ebimru bardı* – «бізге жау болған басмылдар менің үйімді (тұрағымды шапты)» (Мойыншор ескерткішінен) т.б. [3, 171 б.]. Ғалымның бұл иллюстрациясы көне түркі тілінің жалпы қыпшақ тілдерімен және оның ішінде қазақ тілімен тарихи фонетикалық байланыстарының алуан түрлілігін көрсетеді.

Талдау

Шын мәнінде, бұл кезең қазақ тіл білімінде ғана емес, жалпы кеңестік кеңістіктегі, жалпы түркітанудағы да осы мәселенің зерттеу нысаны, мақсаты мен міндеттері, ғылыми-әдістемелік негізі нақты айқындала қоймаған соғыстан кейінгі қиын кезең болатын.

Сондықтан өмірінің мұраты, ғылыми-шығармашылық қызметінің темірқазығы іспетті осы мәселеден айнамай, тапжылмай зерттеуінің нәтижесінде он шақты монография, жоғары оқу орындарына арналған бірнеше оқулықтардың, 250-ден астам зерттеу мақалаларының жарық көруі – ғалымның ерен еңбегінің айғағы. Мысалы, профессор Ғ.Айдаров түркі мәдениетінің даму тарихында өзінің игілікті әсерін тигізген соғды жазуы негізінде қалыптасқан көне ұйғыр жазуындағы Ж.Баласағұнның әйгілі «Құтадғу білік» атты дидактикалық еңбегіне және басқа да ортақ түркілік мұралар жазылған жазба ескерткіштерінің тіліне ерекше назар аударады. Ғалым: «Тарихи деректерге қарағанда, соғдылар біздің заманымыздың алғашқы ғасырларында Орта

Азияда жасаған халықтар ішіндегі ең мәдениетті халықтардың бірі болып есептеледі. Соғды территорияларынан будда, манихей және христиан діндеріне байланысты көптеген әдеби мұралар, текстер табғаш, санскрит, сирия тілдері арқылы соғды тілдеріне аударыла бастайды. Осындай мәдени байланыстар Азия мен Шығыс Түркістанды мекен еткен халықтарға өзінің игілікті әсерін тигізді. Сөйтіп, ұйғырлардың жаңа алфавитінің жасалуына ерекше жағдайлар жасалды. Соғды жазуының негізінде ұйғыр жазуы пайда болды» деп түсіндіреді [3, 124 б.].

Көне ұйғыр жазуымен жазылған деректер барша түркі тілдеріне ортақ болғанымен, жеке ру-тайпалардың бір-бірінен территория, әкімшілік т.б. жақтарынан бөлінуіне қатысты ерекшеленетінін көне ұйғыр жазба нұсқаларының ұзақ жылдар бойы қалыптасқан өзіндік ерекшеліктері мен заңдылықтарын студенттерге игертуді мақсат етеді.

Әрине, бұл еңбектерге соңғы жарты ғасырдағы түркологияның жетістіктері тұрғысынан талап қою қисынсыз. Дегенмен сол замандағы ғылыми өзектілік, танымдық-ақпараттық деңгей тұрғысынан ғалым еңбегі лайықты бағасын алды деп айта алмаймыз. Кеңестік түркітанушы ғалымдардың қатарында да көбінесе аталмай, назардан тыс қалатын. Еуроцентристік кеудемсоқтық пиғылдағы зерттеушілер ғалымның еңбектерін өз деңгейіне сай объективті көрсетпеді. Ғалым зерттеулері өзінің туған елінде де қолдау таппай, докторлық диссертациясын 1974 жылы Бакуде әзербайжан тілінде сәтті қорғап шығады.

Шын мәнінде, профессор Ғ.Айдаровты көне түркі жазу сиқырына бойлатқан оның Орхон-Енисей және көне ұйғыр жазуларының белгі-таңбаларын толық игеріп оқып қана қоймай, түркі дүниесінің қазіргі мұрагерлері ретіндегі түркі тілдерінің көбін (қыпшақ тобын былай қойғанда, оғыз тобындағы түрікмен, әзербайжан т.б.) еркін меңгеруі [4].

Профессор Ғ.Айдаровтың көне түркі жазба ескерткіштері тілінің қазіргі қазақ тіліндегі тарихи іздерін дәйектеген монографиялары, оқулықтары мен мақалаларында түркітануда қалыптасқан тұжырымдар нақты тарихи-салыстырмалы деректер арқылы көрсетіледі. Мысалы, дыбыстық деңгейдегі дыбыстардың алмасуы, морфологиялық, синтаксистік, лексикалық деңгейлердің салыстырмалы жүйесі деректеледі [5;6;7; 8; 9].

Мысалы, профессор Ғ.Айдаров көне түркі ескерткіштерінің өзінде тек бірбуынды емес, екі, тіпті одан да көпбуынды сөздердің белсенді қолданылғанын көрсетсе, бұл сабақтастықты тарихи морфология маманы профессор М.Томанов былайша түсіндіреді: «Қазіргі қазақ тілінде екі топ параллельдер (әрине, тарихи) ұшырасады». Мысалы, *би* ~ *бек*, *сөз* ~ *сан* (*сөз сантау*), *тағ* ~ *тау*, *сау* ~ *сақ* (*сақаю*), *жай* ~ *жад* ~ *жаз* (*жайылу*, *жадырау*, *жазылу*) т.б. [10, 87 б.].

Дыбыстардың осындай тарихи ауысулары арқылы морфологиялық тұрғыдан өзгерген түбірлер қазіргі тілде дербес күйінде емес, тарихи туынды түбірлердің құрамында кездеседі. Мысалы: *бауызда* (*боғуз* ~ *тамақ*), *айрыл*, *ажыра* (*ай* ~ *ад* ~ *аж*); *жыла* (*иығы* ~ *иыгла*), *багла* (*бағ*) т.б. Байырғы түбірлердің тарихи іздерін сақтаған мұндай туынды түбірлерді, ең алдымен Ғ.Айдаров сынды ғалымдардың көнетүркілік ескерткіштер тілінің деректерін көрсеткен мұраларына сүйеніп, «өлі» түбірлерді жаңғырту, қазақ тілінің тарихи даму үрдісімен сабақтастыру ісі қазіргі заманға тән кейінгі кешенді зерттеулерде жалғасын табуда.

Соның нәтижесінде «жалпытүркілік тектілден (протоязык) өрбіп, өзара тоғысу, қайта ыдырау тәрізді тілдік үдерістерді бірнеше мәрте басынан өткізген, өзіндік ерекшеліктерімен, бітім-болмысымен сараланатын, сан ғасырлық дербес даму жолынан өтсе де, жалпытүркілік табиғатын сақтап келе жатқан, қазіргі түркі тілдерінің қалыптасу ерекшеліктерін, өзара туыстық деңгейін анықтауға арқау болып отырған құнды тілдік дерек VII-IX ғасырлардан жеткен көне түркі ескерткіштерінің тілі» деген тұжырым қазіргі тілде көбіне түбір болып саналатын, бірақ тарихи туынды екібуынды түбірлерге де тікелей қатысы екені айқындалып отыр [11, 60 б.].

Тілдің осындай даму сатыларынан өткенін ескере отырып, түбір теориясына динамикалық тұрғыдан зерттеу жасауға болатыны байқалады. Осындай көзқарасқа сәйкес, түбір онтологиялық деңгейдегі бірлік ретінде үнемі өзгерістерге ұшырап отырады, соның нәтижесінде белгілі бір хронологиялық деңгейдегі түбірдің жалғыз ғана моделінің ататілде қолданылу мүмкіндігін

жояды. Бұдан шығатын қорытынды: түркітануда анықталған түбір құрылымдарының (CV, VC, SVC және т.б.) әртүрлі хронологиялық деңгейі тек бір ғана модельге негізделмейді деген сөз.

Қазіргі түркітануда қалыптасқан тіл онтологиясының күрделілігі тілдік құрылымның аясында кейбір қайшылықтардың із қалдыруымен сипатталады. Мұндай белгілер бір буынды түбірлердің тарихи эволюциясына да қатысты. Орхон, Енисей, Талас ескерткіштері тіліндегі бір буынды түбір-негіздердің құрылымын бейнелейтін V CV, VC, SVC, CVCC, VCC модельдерінің қазіргі қазақ тіліндегі тұрақтылық сапасы мен өзгермелі сапасының деңгейі әр түрлі. Бұл модельдердің біразы тұлғалық-мағыналық белгілерін сол күйінде сақтаса, енді бірі тұлғасын сақтап, мағыналық өзгерістерге ұшыраған (мысалы, *тон, қатын* т.б.), ал кейбіреулері мағынасын өзгертпей, тұлғалық ауытқуларға ұшыраған. Мұндай құбылыстардың қалыптасуының лингвистикалық экстралингвистикалық жүйелі себептерін қазіргі тіл ғылымындағы заңдылықтың аясында анықтауға келмейді. Көне түркі ескерткіштерінде алғашқы моносиллабтардың CV моделінің бірнеше нұсқалары болғанымен, лингвоэволюциялық үдерісте ортақ идея мен дефинициялық белгілердің негізінде морфо-семантикалық тұлға қалыптасады [12]. Сондықтан V және CV модельді түбірлес моносиллабтарды бір ғана тұлғада жаңғырту (реконструкциялау) нәтиже бермейді, олардың архитұлғасы мен архисемасы кешенді сипатты бейнелейді. Ал, келесі тарихи даму кезеңінде моносиллабтардың VC, VCC, SVC, CVCC модельдерінде нақтылау үрдісі байқалып, Ғ.Айдаров атап көрсеткендей ескерткіштерде дисиллабтар (екібуынды) да кездеседі.

Ғалым мұрасын зерделеу нәтижесін бүгінгі қазақтану ілімінің кеңістігімен ұштастырсақ, кейінгі профессор М.Томанов, Р.Сыздық, Ш.Сарыбаев, Т.Жанұзақов т.б. көрнекті тіл тарихын зерттеушілердің еңбектерінде көрсетілген көне түркі ескерткіштер тілінің қазіргі қазақ тіліндегі тарихи іздерін мынадай көздердің деректері арқылы айғақтауға болады.

Біріншіден, бүгінгі тіл құрамындағы диалектілік айырмашылықтар көбіне тілдің көне дәуірінің біртұтас халық тілі қалыптасқанға дейінгі сипаты болып келеді. Мысалы, *аға ~ ақа, еге ~ ие* т.б.

Екіншіден, академик Р.Сыздық көрсеткен тарихи көздер мен жыраулар тіліндегі ауызша әдеби тілдің поэтикалық сипаты арқылы көптеген көне дәуірлерге тән тұлғалар, дыбыстық қолданыстар, көнерген сөздер сақталған.

Үшіншіден, ономастикалық жүйенің деректері де тарихи дәйек бола алады (жер-су, тайпа, ру, халық, кісі аттары т.б.). Мысалы, *Мойынты, Өлеңті, Бұлдырты, Шідерті* т.б. Олардың көбі тілдің даму барысында жоғалып кеткен сөз өзгерту модельдері бойынша жасалған боп келеді немесе ұмытылған мағынаны мәдениет өз бойында сақтауы мүмкін.

Қорытынды

Жалпы тіл – тек коммуникативті құрал емес, сонымен бірге адам болмысының, оның мәдениетінің көрінісі. Өйткені мәдениет таңба, белгіден тысқары, яғни тілден тысқары өмір сүре алмайды. Адамды түгелдей ерлік, таңбалық әлем қоршаған. Себебі адам болмысының өзі таңбалық, тілдік болмыс. Адам бір мезгілде таңбаны тудырушы да, оны талдаушы да. Тіл тек денотативті коммуникация құралы емес, сонымен бірге коннотативті (белгілі әлеуметтік-мәдени, идеологиялық мәні бар) құрал. Себебі тілде әр халықтың тарихы, оның өмірі, тіршілігі, шаруашылығы мен мәдениеті жатыр.

Осы орайда көне түркі ескерткіштері тілдік деректерінің таза тарихи лингвистикалық мәнін былай қойғанда, танымдық, рухани-мәдени маңызы қандай? Оны, біріншіден, тіл арқылы сақталған ұлттық танымның көне ескерткіштердегі тілдік деректері мен тарихи күретауларын зерделеген еңбектерден табамыз. Екіншіден, бұл мәселе қазіргі таңда кестелі де кешенді көнетүркілік мұраны кешеден бүгінге жеткізген, бүгіннен енді ертеңгі ұрпаққа жеткізетін тілдің құдіретті құжаттық (кумулятивтік) қызметіне ерекше мән бере зерттейтін жаңа бағыттағы антропоэзектік парадигмада қарастыруды қажет етеді. Бұл үрдістің қазақ тіл білімінде өріс ала бастағаны да шындық [13].

Олай болса, профессор Ғ.Айдаров сынды қазақ тіл біліміндегі түркітануға түрен салған, ізашар ғалымдардың Орхон-Енисей, Талас ескерткіштерінің тілін зерттеген ерен еңбегі бүгін түркі халықтарының тарихи сахнаға шығуы мен өзін танытуының өзгелерге осы танымды мойындатуының тарихи дәйегі іспетті қызмет атқарып, бүгінгі күнмен сабақтасады.

Осымен байланысты түркі халықтарының тарихи мұраларын шын мәнінде бағалай білу, олардың тарих, мәдениет және тіл тұрғысынан алғанда баға жетпес қазына екендігін көпшілікке, жас ұрпаққа жеткізуді сол заманның өзінде кезек күттірмейтін міндет деп санап, монографиялар мен оқулықтар жазған профессор Ғ.Айдаровтың өнегелі ісі қазіргі заманға жалғасып, таныла түсуде: «Жалаңаш халықты тонды, кедей халықты бай қылдым. Аз халықты көп қылдым, тату елге жақсылық қылдым» [14, 188 б.] деп сипатталған Күлтегіннің түркілік рухын қазақ жұртына жеткізем деп өмір кешкен ғұламаның еңбегі кейінгі ұрпақтарға асыл қазына, жарқын үлгі бола бермек.

Әдебиет

1. Қыдырәлі Д. Түркологияға түрен салған тарланбоз // Егемен Қазақстан. – 2021. - 18 маусым.
2. Айдаров Ғ., Құрышжанов Ә., Томанов М. Көне түркі жазба ескерткіштерінің тілі (оқу құрал). – Алматы: Мектеп, 1971. – 282 б.
3. Айдаров Ғ. Көне жазба ескерткіштерінің тілі. – Алматы: Мектеп, 1986. – 182 б.
4. Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII в. – Алма-Ата: Наука, 1971. – 380 с.
5. Айдаров Г. Язык орхонского памятника Бильге кагана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 94 с.
6. Айдаров Ғ. Күлтегін ескерткіші. – Алматы: Ана тілі, 1995. – 232 б.
7. Айдаров Ғ. Тоныкөк ескерткіштерінің тілі. – Алматы, 2000. – 120 б.
8. Айдаров Ғ. Орхон ескерткіштерінің тексі. – Алматы: Ғылым, 1990. – 219 б.
9. Айдаров Ғ. Лингво-географическое изучение лексики казахских говоров на территории Узбекистана // VII региональная конференция по диалектологии тюркских языков (15-17 мая 1973 г.). Маловские чтения (18 мая 1973 г.). Тезисы. – Алма-Ата, 1973. – С. 91-94.
10. Томанов М. Қазақ тілінің тарихи грамматикасы. – Алматы. Мектеп, 1988. – 263 б.
11. Манкеева Ж. Қазақ тіліндегі байырғы түбірлерді жаңғырту. – Алматы: «Мемлекеттік тілді дамыту орталығы» ЖШС, 2010. – 212 б.
12. Ескеева М. Көне түркі және қазіргі қыпшақ тілдерінің моносиллабтық негізі. – Алматы: Арыс, 2007. – 355 б.
13. Шаймердинова Н.Г. Репрезентация в языке древнетюркской картины мира. – Астана: Арман – ПВ, 2009. – 252 с.
14. Жолдасбеков М., Сартқожа Қ. Орхон ескерткіштерінің толық Атласы. – Астана: Күлтегін, 2005. – 360 б.

Reference

1. Qydyrali D. Turkologiyaga turen salgan tarlanboz [Talent paved the way for turkology]. In: Egemen Qazaqstan. 18 mausym 2021 zh. [in Kazakh].
2. Aidarov G., Quryshzhanov A., Tomanov M. Kone turki zhazba eskertkishterinin tili (oqu qural) [Language of ancient Turkic written monuments (textbook)]. Almaty, 1971. 282 p. [in Kazakh].
3. Aydarov G. Kone zhazba eskertkishterinin tili [The language of ancient written monuments]. Almaty, Mektep, 1986. 182 p. [in Kazakh].
4. Aydarov G. Yazyk orhonskih pamyatnikov drevnetyurkskoj pis'mennosti VIII v. [The language of the Orkhon monuments of the ancient Turkic writing of the VIII century]. Almaty. 379 p. [in Russian].
5. Aydarov G. Yazyk orhonskogo pamyatnika Bil'ge kagana [The language of the Orkhon monument of Bilge Kagan]. Alma-Ata, Nauka, 1966. 94 p. [in Russian].
6. Aydarov G. Kultegin eskertkishi [Kulteegin monument]. Almaty, Ana tili, 1995. 232 p. [in Kazakh].
7. Aydarov G. Tonykok eskertkishterinin tili [The language of Tonykok monuments]. Almaty, 2000. 120 p. [in Kazakh].

8. Aydarov G. Orhon eskertkisherinin tekisi [Text of Orkhon monuments]. Almaty, Gylym, 1990. 219 p. [in Kazakh].
9. Aidarov G. Lingvo-geograficheskoe izuchenie leksiki kazahskih govorov na territorii Uzbekistana [Linguo-geographical study of the vocabulary of Kazakh dialects on the territory of Uzbekistan]. In: VII regional'naya konferenciya po dialektologii tyurkskih yazykov (15-17 maya 1973g.). Malovskie chteniya (18 maya 1973). Tezisy [VII regional conference on dialectology of the Turkic languages (May 15-17, 1973). Malovskie readings (May 18, 1973). Abstracts.]. Alma-Ata, 1973. P. 91-94. [in Russian].
10. Tomanov M. Qazaq tilinin tarihi grammatikasy [Historical grammar of the Kazakh language]. Almaty: Mekren, 1988. 263 p. [in Kazakh].
11. Mankeeva Zh. Qazaq tilindegi bajyrgy tubirlerdi zhangyrtu [Reconstruction of the ancient roots of the Kazakh language]. Almaty, «Memlekettik tildi damytu ortalygy» JShS, 2010. 212 p. [in Kazakh].
12. Eskeeva M. Orhon-Enisej, Talas eskertkisherinin zhane qazirgi qypshaq tilderindegi monosillabtarynyn qurylymdyq erekshelikteri [Structural Features of Monosyllabic Inscriptions of Talas Monuments in Modern Kypchak Languages]. Almaty: Arys, 2007. [in Kazakh].
13. Shaimerdinova N.G. Reprezentaciya v yazyke drevnetyurkskoj kartiny mira [Representation in the language of the ancient Turkic worldview]. Astana, Arman-PV, 2009. 252 p. [in Russian].
14. Zholdasbekov M., Sartqozha Q. Orhon eskertkisherinin tolyq Atlasy [Complete Atlas of Orhon Monuments]. Astana, Kultegin, 2005. 360 p. [in Kazakh].

Zh.A. Mankeeva

*A. Baitursynuly Institute of Linguistics, Almaty, Kazakhstan
(E-mail: mankeeva1950@mail.ru)*

Continuity of the Kazakh language with the language of the runic inscriptions

Abstract. Today, when the Republic of Kazakhstan at the turn of the century gained independence, the generalization of all historical and spiritual knowledge and their use for the good of the country is necessary for the formation and development of national consciousness. In this context, the language of the runic inscriptions as a source reflects the mentality of the ancient world and the archetypes of the historical evolution of the linguistic units of the Turkic languages. Consequently, the ancient linguistic data reveal the continuity of their historical development, the successive connection of the system of ancient Turkic languages with the system of modern Turkic languages, incl. modern Kazakh language. The above is confirmed by the results of scientific research of G. Aydarov, Doctor of Philology, professor, runologist, who managed to penetrate into the secrets of ancient inscriptions carved on stones and establish diachronic connections of ancient Turkic languages with Kypchak Turkic languages, with the Kazakh language and thereby prove, that the Kazakh language does not belong to the so-called «new» group of languages and that the history of the language is older than the history of the nation.

Professor G. Aydarov is one of the first in Kazakh Turkic studies to investigate the heterogeneous linguistic system of the ancient Turkic and ancient Uighur languages, graphic, phonetic-phonological, lexical, morphemic-derivational and grammatical tiers of ancient languages, defining their features and successive ties with modern Turkic languages, including with the Kazakh language. As a confirmation, the author of the article considers the structural ontology of the Turkic word (monosyllabic and other models of the Turkic proto-root), in the study of which G. Aydarov made his invaluable contribution.

It should also be noted: the assertion of the author of the article that the followers of G. Aydarov, in the study of the ancient Turkic languages, actively use the anthropocentric approach, which makes it possible to reveal new knowledge about the world and mentality of the ancient Turkic peoples, which are so necessary for understanding the historical development of the Turkic world.

Keywords: the language of ancient Turkic written monuments, the language of ancient Uyghur written monuments, the Turkic spirit, historical and comparative research, anthropocentrism, the Turkic world, spiritual revival.

Ж.А. Манкеева

*Институт языкознания им. А.Байтурсынова, Алматы, Республика Казахстан
(E-mail: mankeeva1950@mail.ru)*

Преимственность казахского языка с языком рунических памятников

Аннотация. Сегодня, когда Республика Казахстан на рубеже веков обрела независимость, обобщение всех историко-духовных знаний и использование их во благо страны является необходимым и востребованным для становления и развития национального сознания. В данном контексте в языке рунических памятников, как в нарративном источнике, нашли отражение ментальность древнего мира и исторические архетипы языковых единиц тюркских языков. Следовательно, древние языковые факты раскрывают непрерывность их исторического развития, преемственную связь системы древних тюркских языков с системой современных тюркских языков, в т.ч. современного казахского языка. Подтверждением вышеизложенного являются результаты научных исследований Г. Айдарова, доктора филологических наук, профессора, рунолога, который сумел проникнуть в тайны древних надписей, высеченных на камнях, и установить диахронические связи древних тюркских языков с кыпчакскими тюркскими языками, с казахским языком и тем самым доказать, что казахский язык не принадлежит к так называемой «новой» группе языков и что история языка древнее истории нации.

Профессор Г. Айдаров один из первых в казахстанской тюркологии исследует гетерогенную языковую систему древнетюркского и древнеуйгурского языков, графические, фонетико-фонологические, лексические, морфемно-деривационные и грамматические ярусы древних языков, определяя их особенности и преемственные связи с современными тюркскими языками, в т.ч. с казахским языком. В качестве подтверждения автор статьи рассматривает структурную онтологию тюркского слова (моносиллабическую и другие модели тюркского протокорня), в изучении которой Г. Айдаров внес свой неоценимый вклад.

Следует также отметить: утверждение автора статьи, что последователи Г. Айдарова, в изучении древних тюркских языков активно используют антропоцентрический подход, что позволяет выявить новые знания о мире и ментальности древних тюркских народов, столь необходимых для познания исторического развития тюркского мира.

Ключевые слова: язык древнетюркских письменных памятников, язык древнеуйгурских письменных памятников, тюркский дух, историко-сравнительное исследование, антропоцентризм, тюркский мир, духовное возрождение.

Автор туралы мәлімет:

Манкеева Жамал Айтқалиқызы, филология ғылымдарының докторы, профессор, бас ғылыми қызметкер, ҚР БҒМ ҒК А.Байтұрсынұлы атындағы Тіл білімі институты, Құрманғазы көшесі, 29, Алматы, Қазақстан Республикасы.

Information about author:

Mankeeva Zhamal Aytkaliqyzy, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher, A. Baitursynuly Institute of Linguistics, Kurmangazy str., 29, Almaty, Republic of Kazakhstan.

Сведения об авторе:

Манкеева Жамал Айтқалиқызы, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт языкознания им. А.Байтұрсынова КН МОН РК, Алматы, ул. Курманғазы, 29, Алматы, Республика Казахстан.

Ш.В. Нафиков

*Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра
РАН, Уфа, Башкортостан, Российская Федерация
(E-mail: nafiqoff@mail.ru)*

**Гидроним Лабау, Лэмэз и подобные изоглоссы
в урало-алтайских и других языках**

Аннотация. Статья представляет собой исследование происхождения башкирских гидронимов с анлаутным *L-*, (*Лабау, Лёмэз*, и ряд др.). Основа и/или корневая морфема башкирских гидронимов наподобие Лэмэз, возможно, родственна таким названиям рек как *Лаба* (в Польше), *Эльба* (на востоке Германии), *Лама* (в Подмосковье), либо она может выступать в качестве параллели к элементу *-лей* в гидронимах в бассейне р. Волга. Гидронимические ряды с основой на *LVM* на правах изоглосс простираются на весьма обширные пространства в Евразии и за ее пределами. На фоне широких сопоставлений сходных гидронимов и апеллятивов из тюркских, алтайских и других евразийских языков предложены сближения со многими однокоренными названиями водных объектов из нескольких десятков языков и/или диалектов. В статье привлечен большой материал из диалектов и говоров башкирского языка. Предложен вывод о большой древности гидронимии, содержащей анлаутный *L-*, в основах фонеморфологического типа *LVC*. По данным известной книги «Словарь топонимов республики Башкортостан» на обозначенной территории отмечено свыше 14 гидронимов указанного в заголовке статьи типа.

Некоторые объяснения по поводу происхождения таких названий водных объектов следует отнести к разряду спорных или имеющих неоднозначное толкование (см. список использованной литературы в конце статьи).

Ключевые слова: гидронимы, тюркские языки, урало-алтайские языки, ностратика, евроазиатская макросемья, широкие ареалы, доисторическая древность

Введение

Цель статьи – предложить этимологию происхождения башкирских гидронимов с соответствующими изоглоссами, широко распространенными на территории Евразийского пространства. Материалом для фактического и теоретического рассмотрения явилась подборка примеров и толкований ученых-топонимистов, известных в нашей стране, с привлечением материалов из ряда зарубежных источников.

Методы исследования. В статье автор использовал метод географических плюс лингвистических ареалов с элементами сравнительно-исторического анализа. Кроме того, в работе использованы общенаучные методы систематизации, экстраполяции и обобщения научных данных.

Анализ

Гидронимический ряд башкирских названий водных объектов представлен такими гидронимами как: *Лабау, Лапа, Лапы, Лапашты, Лэмйән, Лэмэз, Лаяшты, Лаклы, Лукэйә, Лакынка, Ләгитле, Лазыя, Ләүйылга, Ломонтай* [1, с. 141–144]. Область распространения их: районы Башкортостана такие, как Иглинский, Белорецкий, Белокатайский, Гафурийский, Дуванский, Архангельский, Кигинский, Мечетлинский, Илишевский, Дюртюлинский, Салаватский, Уфимский. В обобщенном виде ареал гидронимов охватывает север, северо-

восток, центральную часть территории современного Башкортостана, а также северо-западную часть – Илишевский район, что на границе с Татарстаном.

Вероятное тюркское происхождение предложено специалистами для гидронимов *Лана*, *Лапы*, *Лапышты*: *Лэмэз*, *Лаклы*, *Ломонтай* [1, с. 141-143]. Не тюркская, а именно иранская этимология предлагается для гидронима *Лабау*, с оговоркой «возможно» [1, с. 141].

Гидронимы *Лэмйән*, *Лаяшты*, *Лукэйә*, *Лыканка*, *Ләгитле*, *Лазыя*, *Ләуыйлга* (в русской передаче *Леуза*), по данным цитированного словаря, не имеют сведений (предположений) о своем происхождении [1, с. 142-144]. Справедливости ради требуется оговориться – в весьма ценном источнике [2, с. 116] происхождение названия речки *Ләуыйлга* (Дуванский, Кигинский р-ны) толкуется как «возможно, от диал. *ләу* ‘топкое место’».

В башкирском языке, особенно в его диалектах и говорах, имеется немало лексем, весьма сходных с *ләу*.

Речь идет о таких словах как *лыж* (демск.) ‘мокрый’, *лыс*, *лыка* (юго-вост.), *лыжбыр* (айск.), *лыкы* (ай-миас.), *лына* (инз.) литр. *лысма* ‘мокрый’ [3, с. 24-31], *лыпыш* (айск.), *ләс* (икск, средн.), *ләскей* (дем.), *ләсмә* (инз.), *ләшә* (сал.) ‘болотистая местность’, *луша* (сур.) ‘снег на дереве’ [4, с. 187].

По данным «Диалектологического словаря башкирского языка», в говорах отмечены лексемы, по всей видимости, однокоренные с гидронимами, приведенными выше. Это такие диалектизмы как, *лапылдык* (сев.-зап.) ‘мокрый (о снеге)’, *лыбык* (арг.), ‘мокрый (о снеге)’, *лыпыткый* (арг.) ‘мокрый’, *ләпе* (сев.-зап., средн.), ‘мокрая глина’, *ләпек* ‘сев.-зап.’ 1. ‘топкое место’, 2. ‘грязь’, 3. ‘мокрая глина’, далее *летшек* (средн., айск.) ‘мокрый, влажный’, *лына* ‘очень мокрый’. Та же основа представлена в диалектизме *лайгы* (икск.) ‘снег, сошедший с горы’ [4, с. 195].

В литературе имеются довольно многочисленные материалы, где представлены лексемы со сходным ономофологическим обликом. Скажем, в монографии известного финно-угроведа Ф. Гордеева: «*Лаж* – приток реки Немды в Марийской АССР и в Кировской обл. Сопоставляем со следующим балтоязычными гидронимами: Лоша – приток Сожи, Десны; *Лоша* – р. в басс. Припяти; р. *Лашинка* – лев. Пр. р. Москвы, *Лашианка* – в басс. Немана (при апеллятиве лтв. *lawis*) ‘лосось’» [5, с. 119].

Гидронимия на LV отмечена в Евразии, в Западной Сибири, например, согласно исследованию топонимиста М. Розена [6, с. 36] на карте можно встретить сельк. *Лаке* гидроним района реки Кети, селькупского происхождения и *Лайга* – приток Чулыма. Последнее название интересно тем, что начало его имеет явное сходство с р. Большой Камышлей – левый приток р. Медведицы в Саратовской области РФ, то есть в зоне Поволжья. Известный ученый в области топонимии Э.М. Мурзаев отмечает: «*Лей*, *Лай*, *läj*, *lej* – река, овраг (морд). Широко распространенный термин в гидронимии Поволжья. Втягиваются в ряды тюркские топонимы: *Балыклей*, *Балыклейка* ... в русском употреблении нередко применяющиеся с топонимическими суф.-ка. В Оренбургской обл. отмечена р. Салолейка» [7, с. 134].

Апеллятивы на LV на материке Евразия характеризуются своим обширным ареалом. Действительно, велика вероятность того, что *лыва* ‘лужа; проталина от оттепели’ в русских народных говорах в Центральной Якутии [полевые записи автора] и ст. ирл. (< кельт.) *linn* ‘лужа’ в своем составе содержат один и тот же корень вида LV...

Гидронимический ряд башк. *Лабау-Лана-Лапы-Лапышты* имеет свое продолжение далеко за пределами даже исторического Башкортостана (т.е. примерно от Поволжья до Зап. Сибири (р. Тобол). Так, в Центральной Европе (в Чехии) известна река *Лаба*. На юге России (Краснодарский край) протекает *Лаба*. В Якутии отмечено озеро *Ляби*, *Ляби-Кюель* < якут. *ляби*, *лээби* ‘болотце, трясины’, также якут. *ляби* ‘болото, грязь, лужа’. Параллельными апеллятивами являются рус. диал. *лыва*, фин. *liiva* ‘тина, грязь’, маньч. *лэбэнги* ‘топь, трясины’ [8, с. 353; 9, с. 128]. Сходную основу содержит гидроним *Лобва* в Свердловской области [9, с. 134], как и гидроним *Лопань* в Харьковской области [8, с. 347]. В литературе упоминается также ряд апеллятивов со сходной внешней и внутренней формой (слова).

К последним относятся венг. *lap* ‘болото’; лупа ‘перекат’ (Архангельская обл.); *лыва* ‘лужа, болото, влажное место, лес на болоте, весенний разлив воды’ (Костромская область, местный русский диалектизм *лопань* ‘колодец на болоте’ [10, с. 142, 134].

Гидронимический ряд с башк. *Ләмәз*, *Ләмйән* и сходными с ними названиями может быть продолжен, имея в виду озеро *Лама* на Таймыре – река *Лемю* (республика Коми) – *Лямин*, река в Ханты-Мансийском автономном округе – река *Лымбелька* в Томской области – река *Ломница*, приток Днестра – *Ломница*, гидронимы в Чехии и в Сербии [9, с. 129-130; 8, с. 346].

Апеллятивы с основой *LVMV* также многочисленны. Примеры: литов. *лома* ‘яма, болото; пруд в лесу’, латыш. *lata* ‘то же’, латинск. *lata* ‘лужа, топь, болото’; эвенк., эвен. *лам* ‘море, океан’; *лама* ‘болото, луг’ (Архангельская обл.), карел. *lambi* ‘озерко, лужа’; груз. *лами* ‘ил’; коми *лым* ‘снег, снежный’, ср. мар. *лум*, фин. *lumä* ‘то же’; русский диалектизм *ломы* ‘пойма’, *лема* ‘трясина (Карелия)’ < карел. *леми* ‘влажный луг, болотистое место’ [8, с. 346, 335, 336, 352, 339].

Башкирская гидронимия на корень LV пратюрк. (*ыл-а*) включает также такие названия как *Лаяшты* на северо-западе Башкортостана – *Лүкэйэ* на севере республики – *Лыканка* (там же) – *Ләгитле* в центре региона – *Лазыя* на его северо-востоке [1, с. 142, 143].

Лимноним Лаг в Восточной Монголии [10, с. 134] можно рассматривать как возможная параллель к гидронимам Лүкэйэ, Лаканка и Ләгитле; далее гидроним Луза – река, правый приток Юга в Республике Коми, также в Кировской и Вологодской областях [10, с. 135] фонетически сходен с башкирским гидронимом Лазыя (см. выше). Апеллятив *лея* (из латышского языка также напоминает формант *лая-*, имеющийся в гидрониме Лаяшты (см. выше).

Как это нередко имеет место в этимологизации гидронимов, нельзя обойти молчанием и возможность неоднозначных или альтернативных объяснений. Так, фонетическое сходство как немаловажный фактор было выше упомянуто – сравните Лая-шты и уральский гидроним Лая (в Свердловской области). По мнению известного российского топонимиста А.К. Матвеева, мансийское лай- ‘малый’ и я- ‘река’, т.е. ‘Малая река’. Еще один случай представляет объяснение сходства формантов Лүк-эйэ, Лык-анка и Ләг-итле в свете сопоставления с гидронимом Ләга (Свердловская область). Кроме того, А.К. Матвеев отмечает «широко распространенное на Урале русского диалектного слова *ляга* в значении ‘низкое сырое место’» [11, с. 161].

Довольно разноречивые объяснения и этимологические решения по поводу происхождения большинства наименований водных объектов, обсуждаемых в настоящей статье могут найти свое удовлетворительное разъяснение в том случае, если исследователь будет пользоваться достижениями известной ныне в компаративистике теории об общности ностратических языков. Для начала приведем сопоставление известного специалиста в области ностратического языкознания А.Б. Долгопольского: и.-е. **leu-* ‘грязь’ ..финно-угорск. **liwa-* ‘речка, ил’ [12, с. 53-63].

Так, в значении ‘болото’ (лат. *palus*) в известной работе имеется следующий ряд соответствий [13, с. 22]:

алт.	урал	драв.	и.-е.	картв.
<i>lämu</i> болото, море	<i>lämpre</i> болото, озеро		<i>lehm</i> болото, лужа	<i>lam-</i> ил, сырость (грузин.)

Другой вид однокоренной ностратической лексемы, в значений ‘вода, литься’, а именно *L/a/j* ^ рассмотрен тем же ученым в [14, с. 32].

Используя данные (в том числе алтайских языков) тот же отечественный ученый-макрокомпаративист дал более развернутое сопоставление в форме алт. *Lämu* ‘болото, море’; монг. письм. *namug/namag* ‘болото’; нанайск. *namu* ‘море’, эвенкийск. *lämu* ‘ море’ [15, с. 304-355]. Ср. также ‘болото’; алт. *lämu* ‘море; болото’, урал. *Lämpre*, драв. *lam*^ ‘влажный’,

картв. *lam-* ‘то же (груз.)’ [15, с. 304-355]. Алтайская праформа (с оговоркой – «под вопросом») использована при сопоставлении **lāj-* (или **laj-*): маньчжурское *lanse*, эвенк. *nanna* ‘грязь’ [13, с. 267], сравни с ностратической реконструкцией *l/ä/j/ʌ* ‘вода, лить(ся)’ [14, с. 32].

Корневой формант LV+C известен также по данным “Древнетюркского словаря” (далее ДТС): апеллиатив *lešp* [тох. А] ‘слизь, мокрота’ [16, с. 333]. Общий корень замечен также при сопоставлении ПН **l/a/tv* ‘мокрый’, пропитывать [14].

В пользу ностратического толкования свидетельствуют также греч. *limne* ‘озеро, пруд’, тох. А *lyām*, тох. В *lyam* ‘озеро’ [17, с. 206], ср. башк., тат. лэм ‘тина’, орок. *лати* большая волна, негидал. *lam* ‘море’, а также нивхск. диал. *lol* ‘вода’ : *lul* ‘облако’.

Новейшие публикации по ностратике также содержат обсуждаемый здесь фактический материал. Достаточно сослаться на Долгопольского [18] **lahm* [ʌ] болото; водоем’, **lilV* ‘вода, море’, **lagur* ‘V’ водоем’ и под. В обширной работе А.Р. Бомхарда [19] **lah-* ‘литься, влажный’, **law-hV-* ‘вода, мыть’... Относительно сходства апеллиативов следует отметить то обстоятельство, что в ряде лексем из алтайских языков, resp. ностратических, отмечается сближение, что можно представить себе в таких случаях как праалтайское (далее ПА) **lâble* ‘мох’, **lâmo* ‘волна’, **liga* ‘плакать’ в сопоставлении с ностр. *l/ä/j/ʌ* ‘вода, лить(ся)’, либо с *liwa* ‘грязь, ил’ [14, с. 32]. Тот же корень, возможно, наблюдаем и в нивх. *lurh* ‘след’ (амурский диалект) с отыменным суффиксом, ср. **luva*, *lum*, фин. *lumi*, (коми) зыр. *lym* ‘снег’, чук. **lom* ‘то же’ [20, с. 386].

По известной концепции американского ученого Дж. Гринберга [21], нивхский (уст. гилацкий) относится к семейству евразийских (евроазиатских) языков.

В данном аспекте характерен тезис о хронологически более раннем предшественнике языков ностратической макросемьи, а именно относительно существования гипотетической сино-кавказской макросемьи. Гидронимы рассматриваемого в статье типа встречаются на (Северном) Кавказе, в частности, в Дагестане: реки Ахвлатлар, Келебтляр, где форманты ляр, ляр, тляр на аварском языке означают ‘река’ [9]. По-грузински апеллиатив *лиа* означает ‘грязь, глина’, ср. с цезк. *li* ‘вода’ [22] и авар. *lim* ‘вода’.

В ареале енисейских языков (субстратных по отношению к тюркским и иным на современной территории) также фигурируют такие гидронимы с общим корнем как Ла-ке в бассейне реки Кеть, Лайга, где *га* ‘река’ (из селькупского) – приток Чулыма. В этой связи важно мнение А.П. Дульзона о том, «что... имеется... ряд данных, что чулымские тюрки частью селькупского, частью же кетского происхождения» [23, с. 177, 179].

Корневой элемент LV имеется также в ряде слов изолированного (по традиционной терминологии) баскского языка. В качестве примера можно привести также глоссы, как *limurim elur* (< *e-l u-r) ‘снег’, ср. чеч. *lo* ‘то же’, ср. баск. диал. *liska* ‘топь’ [25, с. 271]. Тот же корень имеется в северно-атапаских языках: хупа *-luu*, *-le* ‘нырять, плыть под водой’, чипевьян *lat* ‘то же’ [25].

Важно отметить, что в сознании древнего, доисторического человека, в том числе и на гигантском пространстве разнообразных языков материка Евразии, нередко одним словом обозначались понятия: вода, река, озеро, море, океан [7, с. 117]. От себя добавим, к числу упомянутых понятий относятся также ‘слюна’, ‘болото’, ‘влажный’, ‘промокать, мочить’ и подобные. Очевидно, что объединяющий (гипер)семой в данном случае предстает концепт ‘жидкость’.

Гипотетическая макросемья аустрических, по крайней мере, в лице своей весьма древней аустроазиатской ветви тоже по фактам некоторых языков, входящих в эту ветвь, содержит апеллиативы с фонеморфологическим типом LV+C. Скажем, в большинстве тайских языков *loai* означает ‘слюна, вода’, в языке чжуан (на полуострове Индо-Китай) обозначается лексемой *lat* [26, с. 51]. Фонетическое явление – мена l~r широко представлено во множестве языков и хорошо известно из курсов по общей фонетике.

Изоглоссы, близкие к Лабау и подобным, есть возможность обнаружить и по аборигенным языкам индейцев на Американском континенте. Примеры: мискито *li*, *laya* ‘вода’, банкота *ria* ‘вода’, матагальпа *li* ‘вода’ (аборигенные языки из чибчанской семьи, Центральная и Южная

Америка); пуруха *la* ‘вода’ (семья индийских языков паэс, Южная Америка). Предполагаемая реконструированная форма апеллятива - **tia* ‘река’ [27, с. 176-177].

Сопоставление с башк. *лә-м* ‘тина’, аварским *li-m* ‘вода’, древнетюрк. *li-š* ‘слизь, мокрота’, башк. диал. *лы-па, лы-пы, лы-ж*, лит. *лыс-ма* *һыу*) т.е. ‘мокрый насквозь’ оставляет мало сомнений в поразительном сходстве слов, будь то по внешней, по внутренней форме.

Сопоставление апеллятивов на LV в формате крупных макросемей содержится в исследованиях нескольких ученых-компаративистов.

Праностр. **L/a/jV* ‘вода, лить’ (реконструкции В. Иллич-Свитица): сино-тиб. **lai* ‘лить, течь’ [28].

ПН **L/a/tV*: сев.к. **V-tV1* – (~**V-ltV* –) ‘просачиваться, пропитывать’ [28].

Н **Lahm/u* ‘болото’: СК **LwHemV* ‘влажный, жидкость’ [29, с. 127], ср. также *(сэ) *LVm* ‘промокать, мочить’ также ПН **Liwa* ‘грязь, ил’ [14]: сино-тиб. **Ləj* ‘грязь, слиз’ [28].

Прачук-камч. **LuxV* ‘дождь’, нивхск. *Lix* ‘то же’, сквомиш (аборигенный язык индейцев-сэлишей, запад Сев. Америки – авт.) *uig* ‘идти о снеге’ [30, с. 78].

Сквомиш *lám* ‘идти о дожде’: *ностр. *LaHm/u* ‘болото, ил, мокрый’, как в картв. **lām* ‘ил, влажность’...; сешелт. (один из сэлишских языков – авт.) *li-t* ‘спрыснуть’, ср. винтунск. (один из пенутианских языков на западном побережье Сев. Америки – авт.) *le:q* – ‘то же’, ср. nostr. **L/ä/j^* ‘вода, лить, течь’ [31, с. 9, 12].

Параллели под №№ I, II, IV содержат сравнения между ностратическими и сино-кавказскими языками, сопоставление под № III включает более сложное сравнение между теми же языками плюс австроазиатскими, в лице древних мон-кхмерских языков.

На вопрос поставленный в заголовке статьи, данные анализа научной литературы по башкироведению [1; 3; 4], дают богатый материал о тюркском происхождении гидронимов на LV.; иранское происхождение предполагается в отношении гидронима Лабау [1, с. 141].

Исходя из теории общности ностратических языков, тюркские, *resp.* алтайские, равно как и индоевропейские (в лице иранских языков) этимологии (версии происхождения) дают основание предполагать ностратическое обоснование и/или толкование.

Остающиеся без определенного объяснение гидронимы Лаяшты, Лүкэйэ, Леканка, Ләгитле, Лазыя, Ләмйән можно было бы характеризовать как «евроазиатские». Одним из оснований к этому служит присутствие аналогичных, либо внешне и, отчасти семантически сходных основ, корней как в Европе, так и в Азии.

Заимствуя термин Э. Мурзаева «немой горизонт» (в топонимических пластах) представляется возможным применить его к упомянутым выше шести названиям водных объектов Башкортостана. Ведя речь о стратиграфии, уместно использовать еще одно определение Э. Мурзаева – субстратные непознаваемые названия [7, с. 106].

Заключение

Приведенный в статье сравнительный материал позволяет сделать некоторые выводы:

а) можно предположить образование гидронимических рядов вследствие общего происхождения от еще более древнего и слабо дифференцированного, доисторического предка «языков ностратических, сино-кавказских, австроазиатских и америндских». Схожая гипотетическая сверхмакросемья получила в компаративистике XXI века название борейская, синоним – бореальная, от лит. *boreas* ‘северный’;

б) скептически мыслящая часть исследователей может выдвигать объяснение общих основ, корней в силу воздействия таких причин как (контактная) диффузия или фактор случайного совпадения. Дальнейшие более углубленные исследования, по всей вероятности, смогут внести необходимую ясность в толкование гидронимов, корни которых уходят в седую древность.

Приложение

Сопоставление основ или корней некоторых реконструированных гидронимов.

Башк. *лэм* ‘ил’: диал. *лыж*, *лыс*, *лыка*, *лыкы*, *лыпа*, *лысма*, ‘(насквозь) мокрый’, *лэшэ* ‘болотистая местность’, *лүшэ* ‘снег на дереве’, *лешек* ‘мокрый, влажный’, лапылдак ‘мокрый (о снеге)’, *лыныкай* ‘мокрый’, *ләпе* ‘глина’, *ләпек* ‘1. топкое место, 2. грязь, 3. глина’.

Ностр. *L/ä/jm* ‘вода, лить(ся)’ (алт. *lämu* ‘болото; море’), *laNm/u/* ‘болото’, *l/a/t/* ‘влажный, жидкость’ (алт. *lät’ä* ‘болото; море’), **lunge* ‘снег’, **lak[u]* ‘водоём’, **liwa* ‘грязь, ил’; ностр. **lah* ‘лить, мокрый’, прачук. -камч. **?luxV* ‘дождь’; сино-тиб. **lwmem* ‘мокрый, жидкость’, сино-тиб. **lbu* ‘вода, лить, течь’, лазск. **λ:alma* ‘жидкость’, баск. **lohi* ‘грязь’; мон-кмерск. *(ca) *lvn* ‘промокать, мочить’, сэлишск. **li* – ‘окропить’.

Список сокращений

диал. – диалектный, демск. – демский, юго-вост. – юго-восточный, айск. – айский, ай-миас. – айский-миасский, инз. – инзерский, сал. – сальютский, сур. – сурямский, икс. – икский, средн. – средний, дем. – демский, сев.-зап. – северо-западный, арг. – аргаяшский, р – река, басс. – бассейн, лтв. – литовский, литов., морд. – мордовский, суф. – суффикс, обл. – область, кельт – кельтский, зап. – западный, якут. – якутский, рус. – русский, фин. – финский, маньч. – манчжурский, венг. – венгерский, башк. – башкирский, латыш. – латышский, латинск. – латинский, эвенк. – эвенкийск. – эвенкийский, эвен. – эвенский, карел. – карельский, груз. – грузинский, ср. – сравни, мар. – марийский, карел. – карельский, см. – смотри, чув. – чувашский, удм. – удмуртский, нег. – негидальский, монг. – монгольский, и.-е. – индоевропейский, финно-угорск. – финно-угорский, алт. – алтайский, урал. – уральский, картв. – картвельский, нанайск. – нанайский, драв. – дравидский, тох. – тохарский, праностр. – праностратический, тат. – татарский, орок. – ороцкский, нивхск., нивх. – нивхский, нен. – ненецкий, под. – подобный, resp. – *respectivus* (лат.), ностр. – ностратический, зыр. – зырянский, чук. – чукотский, уст. – устарелый, дарг. – даргинский, цезск. – цезский, гунз. – гунзибский, авар. – аварский, чеч. – чеченский, баск. – баскский, гл. обр. – главным образом, древне-тюрк. – древне-тюркский, лит. – литературный, сино-тиб. – сино-тибетский, сев.к. – северно-кавказский, СК – сино-кавказский, мон-кхмерск. – мон-кхмерский, прачук.-камч. – прачукотско-камчадальский, авт. – автор, винтунск. – винтунский, сев. – северный, сэлишск. – сэлишский, лазск. – лазский

Литература

1. Словарь топонимов Республики Башкортостан. – Уфа: Китап. 2002. – 256 с.
2. Русско-башкирский словарь названий водных объектов Республики Башкортостан. – Уфа: Китап. 2005. – 116 с.
3. Ишбулатов Н.Х. Башкорт диалектологияһы. I. – Өфө: БДУ нәшриәте, 1979. – 88 б.
4. Ишбулатов Н.Х. Башкорт теле һәм уның диалектары. – Өфө: Китап, 2000. – 212 б.
5. Гордеев Ф.И. Историческое развитие лексики марийского языка. / Под ред. И.С. Галкина. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1985. – 144 с.
6. Розен М.Ф., Малолетко А.М. Географические термины западной Сибири. – Тюмень. 1970. – 101 с.
7. Мурзаев Э.М. География в названиях. – Москва: Наука, 1982. Изд. 2-ое. – 176 с.
8. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – Москва: Мысль, 1984. – 653 с.
9. Словарь географических названий СССР [Текст] / Под ред. М. Б. Волостновой; Глав. упр. геодезии и картографии при Совете Министров СССР. Центр. науч.-исслед. ин-т геодезии, аэросъемки и картографии. – Москва: Недра, 1968. – 272 с.
10. Мурзаев Э.М., Мурзаева В.Г. Словарь местных географических терминов. – Москва: Географгиз, 1959. – 304 с.
11. Матвеев А.К. Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь. Изд. 2-е, переработ. и дополн. – Свердловск: Сред. Урал. кн. изд-во, 1987. – 208 с.
12. Долгопольский А.Б. Гипотеза древнейшего родства языковых семей Северной Евразии с вероятностной точки зрения // Вопросы языкознания. – 1964. – № 2. – С. 53–63.

13. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Т. 1. Введение. Сравнительный словарь (б-Қ) / Под редакцией и с вступительной статьей В.А. Дыбо. – Москва: Наука, 1971. – 412 с.
14. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Т. 2. Сравнительный словарь. Указатели / Под ред. В.А. Дыбо. – Москва: Наука, 1976. – 156 с.
15. Иллич-Свитыч В.М. Соответствия смычных в ностратических языках // Этимология. – Москва, 1968. – С. 304-355.
16. Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев и др. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – 676 с.
17. Blažek V. Lexica nostratica. Addenda et Corrigenda II. Archiv Orientalni 58/3. – 1990. P. 205–218.
18. Dolgopolsky A.A. Nostratic dictionary. – Cambridge, 2008.
19. An introductory grammar of the Pāli language / prepared by Allan R. Bomhard. – Charleston, S.C.: Charleston Buddhist Fellowship, 2012. 131 p.
20. Bouda K. Verwandtschaftsverhältnisse des Gilyakischen // Anthropos. D.10. – 1960.
21. Greenberg Joseph H. Indo-European and its closest relatives: The Eurasiatic language family. – I: Grammar Stanford UP, 2000. – 344 p.
22. Кавказские языки. / Ред. М. Е. Алексеев, Г. А. Климов, С.А. Старостин, Я.Г. Тестелец. – Москва: Academia, 2001. – 480 с.
23. Дульзон А.П. О древней центрально-азиатской языковой общности. – Тр. Томс. унив, 1968. – Т. 197. – С. 177-191.
24. John D. Bengtson. IarI and Iormun-; Arya- and Aryaman- : A Study in Indo-European Comparative Mythology. Comparative Mythology 2.1. – 2016. P. 33–67.
25. Blažek Vaclav, John D. Bengtson. Lexica Dene-Caucasica. Central Asiatic Journal 39.1 11–50. – 1995. (Additions and corrections in CAJ 39. 2. 161–164).
26. Яхонтов С. В защиту аустро-тайской гипотезы // Ностратические языки и ностратическое языкознание. Тезисы докладов. – Москва, 1972. – С. 50–51.
27. Greenberg J.H., Ruhlen M. Amerind etymological dictionary. – Stanford SUP, 2007.
28. Starostin S.A. Nostratic and Sino-Caucasian // Лингвистические реконструкция и древняя история востока. Ч. IV. – Москва:, 1989. – С. 115–130.
29. Пейрос И.И. О соотношении археологии и лингвистики при изучении производящего хозяйства / И.И. Пейрос // Вестник древней истории. – 1989. – № 1. – С. 126-128.
30. Nicolaev S., Mudrak O. Gilyak and Chukchi-Kamchatkan as Almosan-Keresiouan languages: lexical Evidence Bochum. – 1989. – P. 67-89.
31. Shevoroshkin V. Methods in Interphyletic Comparisons. Ural-Altische Jahrbücher 61. – 1989. P. 1-26.
32. Диалектологический словарь башкирского языка. – Уфа: Китап, 2002. – 430 с.
33. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики / АН СССР. Ин-т географии. – Москва: Мысль, 1974. – 382 с.
34. Хисамитдинова Ф.Г., Сиразитдинов З.А., Шакуров Р.З. и др. Словарь водных объектов Республики Башкортостан. – Уфа: Китап, 2005. – 256 с.
35. Starostin S., Dybo A., Mudrak O. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. – Leiden: Brill, 2003. – 2096 p.
36. Shevoroshkin V. Nostratic and Sino-Caucasion // From Neanderthal to Easter Island. A tribute to, and a celebration of, the work of W. Wilfried Schumacher. Presented on his 60-th Birthday. Edited by N. Kirk and P. Sidwell. – Canberra, 1999.

Reference

1. Slovar' toponimov Respubliki Bashkortostan [Dictionary of toponyms of the Republic of Bashkortostan]. Ufa, Kitap, 2002. 256 p. [in Russian].
2. Russko-bashkirskiy slovar' nazvaniy vodnykh ob»yektov Respubliki Bashkortostan [Russian-Bashkir dictionary of names of water bodies of the Republic of Bashkortostan]. Ufa, Kitap, 2005. 116 p. [in Russian].
3. Ishbulatov N. Kh. Bashkort dialektologijahy. [Bashkir dialectology] I. Ufa, BDU nashriate, 1979. 88 p. [in Bashkir].
4. Ishbulatov N. Kh. Bashkort tele ham unyn dialektary. [Bashkir language and its dialects]. Ufa, Kitap, 2000. 212 p. [in Bashkir].
5. Gordeev F.I. Istoricheskoe razvitie leksiki marijskogo jazyka. [Historical development of the vocabulary of the Mari language. Historical development of the vocabulary of the Mari language]. Pod red. I.S. Galkina [Edited by I.S. Galkin]. Joshkar-Ola, Marijskoe kn. izd-vo, 1985. 144 p. [in Russian].

6. Rozen M.F., Maloletko A.M. Geograficheskie terminy zapadnoj Sibiri. [Geographical terms of Western Siberia]. Tjumen, 1970. 101 p. [in Russian].
7. Murzajev E.M. Geografija v nazvanijax [Geography in titles]. Moscow, Nauka, 1982. Second ed. 176 p. [in Russian].
8. Murzaev E.M. Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov [Dictionary of folk geographic terms]. Moscow, Mysl, 1984. 653 p. [in Russian].
9. Slovar' geograficheskikh nazvanij SSSR [Dictionary of geographical names of the USSR]. Pod red. M.B. Volostnoj; Glav. upr. geodezii i kartografii pri Sovete Ministrov SSSR. Centr. nauch.-issled. in-t geodezii, ajerosemki i kartografii [Edited by M.B. Volostnova; General Manager of Geodesy and Cartography under the Council of Ministers of the USSR. Central Research Institute of Geodesy, Aerial Survey and Cartography.]. Moscow, Nedra, 1968. 272 p. [in Russian].
10. Murzaev E.M., Murzaeva V.G. Slovar' mestnykh geograficheskikh terminov [Dictionary of local geographic terms]. Moscow, Geografiz, 1959. 304 p. [in Russian].
11. Matveev A.K. Geograficheskie nazvanija Urala: Kratkij toponimicheskij slovar'. [Geographical names of the Urals: A Brief Toponymic Dictionary] Izd. 2-e, pererabot. i dopoln. Sverdlovsk: Sred. Ural. kn. izd-vo [Publ. 2nd, recycl. and suppl. - Sverdlovsk: Mid-Ural Book Publishing House]. 1987. 208 p. [in Russian].
12. Dolgopolskij A.B. Gipoteza drevnejšego rodstva jazykovykh semej Severnoj Evrazii s verojatnostnoj tochki zrenija [Hypothesis of the most ancient kinship of language families in Northern Eurasia from a probabilistic point of view]. In: Voprosy jazykoznanija [Questions of linguistics]. 1964, № 2. P. 53–63. [in Russian].
13. Illich-Svitych V.M. Opyt sravnenija nostraticheskikh jazykov. T. 1. Vvedenie. Sravnitel'nyj slovar' (b–k) [An experience of comparing Nostratic languages. T. 1. Introduction. Comparative Dictionary]. Pod redakcijej i s vstupitel'noj stat'ej V.A. Dybo [Edited and with an introductory article by V.A. Dybo]. Moscow: Nauka, 1971. 412 p. [in Russian].
14. Illich-Svitych V.M. Opyt sravnenija nostraticheskikh jazykov. T. 2. Sravnitel'nyj slovar'. Ukazateli [An experience of comparing Nostratic languages. T. 2. Comparative Dictionary]. Pod red. V.A. Dybo [Edited by V.A. Dybo]. Moscow: Nauka, 1976. 156 p. [in Russian].
15. Illich-Svitych V.M. Sootvetstvija smychnyh v nostraticheskikh jazykah [Correspondences of stopping in Nostratic languages]. In: Jetimologija [Etymology]. Moscow, 1968. P. 304–355. [in Russian].
16. Drevnetjurkskij slovar' [Ancient Turkic dictionary]. red. V.M. Nadeljaev i dr [Edited by V.M. Nadelyaev and others]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie, 1969. 676 p. [in Russian].
17. Blažek V. Lexica nostratica Addenda et Corrigenda II Archiv Orientalni 58/3. 1990. P. 205–218.
18. Dolgopolsky A. A Nostratic dictionary. Cambridge, 2008.
19. An introductory grammar of the Pāli language. Prepared by Allan R. Bomhard. Charleston, S.C.: Charleston Buddhist Fellowship, 2012. 131 p.
20. Bouda K. Verwandtschaftsverhältnisse des Gilyakischen. In: Anthropos. D.10. 1960.
21. Greenberg Joseph H. Indo-European and its closest relatives: The Eurasiatic language family. I: Grammar Stanford UP, 2000. 344 p.
22. Kavkazskie jazyki. [Caucasian languages]. Red. M. E. Alekseev, G. A. Klimov, S. A. Starostin, Ja. G. Testelec. Moscow, Academia, 2001. 480 p. [in Russian].
23. Dulzon A.P. O drevnej central'no-aziatskoj jazykovoju obshhnosti [About the ancient Central Asian linguistic community]. Tr. Toms. U, 1968. Vol. 197. P. 177–191. [in Russian].
24. John D. Bengtson. Iar and Iormun-; Arya- and Aryaman- : A Study in Indo-European Comparative Mythology.. Comparative Mythology 2.1. 2016. P. 33–67.
25. Blažek Vaclav, John D. Bengtson. Lexica Dene-Caucasica. Central Asiatic Journal 39.1 11–50. 1995. (Additions and corrections in CAJ 39. 2. 161–164).
26. Jahontov S. V zashhitu austro-tajskoj gipotezy [In defense of the Austro-Thai hypothesis]. In: Nostraticheskije jazyki i nostraticheskoe jazykoznanie. Tezisy dokladov [Nostratic languages and Nostratic linguistics. Abstracts of reports]. Moscow, 1972. P. 50–51. [in Russian].
27. Greenberg J.H., Ruhlen M. Amerind etymological dictionary. Stanford SUP, 2007.
28. Starostin S.A. Nostratic and Sino-Caucasian. In: Lingvisticheskie rekonstrukcija I drevnjaja istorija vostoka. [Linguistic reconstruction and ancient history of the East] Part. IV. Moscow, 1989. P. 115–130.
29. Peyros I.I. O sootnesenii arkeologii i lingvistiki pri izuchenii proizvodnyashchego khozyaystva [On the correlation of archeology and linguistics in the study of the production economy]. In: Vestnik drevnej istorii [Bulletin of Ancient History]. 1989, No. 1. P. 126–128. [in Russian].

30. Nicolaev S., Mudrak O. Gilyak and Chukchi-Kamchatkan as Almosan-Keresiouan languages lexical Evidence. Bochum, 1989. P. 67-89.
31. Shevoroshkin V. Methods in Interphyletic Comparisons. Ural-Altische Jahrbücher 61. 1989. P. 1–26.
32. Dialektologicheskij slovar' bashkirskogo jazyka. [Dialectological dictionary of the Bashkir language]. Ufa, Kitap, 2002. 430 p. [in Russian].
33. Murzaev E.M. Ocherki toponimiki [Essays on toponymy]. In: AN SSSR In-t geografii [Academy of Sciences of the USSR Institute of Geography]. Moscow, Mysl', 1974. 382 p. [in Russian].
34. Khisamitdinova F.G., Sirazitdinov Z.A., Shakurov R.Z. i dr. Slovar' vodnyh obektov Respubliki Bashkortostan [Dictionary of water bodies of the Republic of Bashkortostan]. Ufa, Kitap, 2000. [in Russian].
35. Starostin S., Dybo A., Mudrak O. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden, Brill, 2003. 2096 p.
36. Shevoroshkin V. Nostratic and Sino-Caucasion. In: From Neanderthal to Easter Island. A tribute to, and a celebration of, the work of W. Wilfried Schumacher. Presented on his 60-th Birthday. Edited by N. Kirk and P. Sidwell. Canberra, 1999.

Ш.В. Нафиков

Тарих, тіл және әдебиет институты, Уфа федералды зерттеу орталығы, Ресей ғылым академиясы, Уфа, Башқұртстан, Ресей Федерациясы
(E-mail: nafiqoff@mail.ru)

Орал-Алтай және басқа тілдердегі Лабау, Ләмәз гидронимі мен соған ұқсас изоглосстар

Аннотация. Мақалада *L*-анлауы бар башқұрт гидронимдерінің (*Лабау*, *Ләмәз* және басқаларының) шығу төркіні зерттеледі. *Ләмәз* сияқты башқұрт гидронимдерінің негізі және /немесе түбір морфемасы *Лаба* (Польшада), *Эльба* (Германияның шығысында), *Лама* (Мәскеу маңында) секілді өзен атауларымен байланысты болуы мүмкін, немесе ол – Еділ өзені бассейніндегі гидронимдердегі *-лей* бөлшегіне параллель бола алады. *LVM*-ге негізделген гидронимикалық қатарлар изоглосс ретінде Еуразия мен одан тыс жерлерде өте үлкен аумақтарға таралған. Түркі, алтай және басқа еуразиялық тілдердегі ұқсас гидронимдер мен қосымшаларды кеңінен салыстыру аясында бірнеше ондаған тілдерден және /немесе диалектілерден алынған су айдындарының бір түбірлі атаулары бір-біріне ұқсас екендігі айқындалады. Мақалада башқұрт тілінің диалектілері мен говорларынан көптеген материалдар алынған. *LVC* фонеморфологиялық типінің негізінде *L*-анлаут бар гидронимияның ежелгі дәуірге тиесілі екендігі туралы қорытынды ұсынылады. «Башқұртстан Республикасы топонимдерінің сөздігі» атты белгілі еңбектің мәліметтеріне сәйкес аталған аймақта мақаланың атауында көрсетілгенге ұқсас 14-тен астам гидронимдер ұшырасады.

Су объектілерінің мұндай атауларының шығу төркіні туралы кейбір түсініктемелерді даулы немесе бір байламды емес деп байыптаған жөн (мақала соңындағы әдебиеттер тізімін қараңыз).

Кілт сөздер: гидронимдер, түркі тілдері, орал-алтай тілдері, ностратика, еуразиялық макрошоғыр, кең аумақтар, тарихқа дейінгі көне дәуір.

Sh.V. Nafikov

Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre,
Russian Academy of Sciences, Ufa, Bashkortostan, Russian Federation
(E-mail: nafiqoff@mail.ru)

The hydronyms of the *Labau*, *Lämäd* and similar isoglosses in the Ural-Altai and other languages

Abstract. The article is a study of the origin of Bashkir hydronyms with anlaut *L*-, (*Labau*, *Lämäz*, and a number of others). Against the background of extensive comparisons of similar

hydronyms and appellatives from the Turkic, Altaic, and other Eurasian languages. The author considers several versions of the said hydronyms *viz* possible origin from the Turkic, Altaic, Uralic or Euroasiatic languages at large. The stem and/or root of Bashkir hydronyms of the *Lämäz* type may be cognate with such hydronyms as *Laba* in Poland > the *Elbe* in East Germany, *-lej* ‘a small river’ in the Volga Finnic languages and with a fair number of similar names of water objects in Europe, Asia and beyond. So, convergence with many of the same-root names of water bodies from several dozen languages and/or dialects is proposed. A large amount of material from the dialects and subdialects of the Bashkir language is involved. A conclusion is proposed about the very great antiquity of the hydronymy containing the anlaut *L-* in the bases of the *LVC* phonomorphological type.

The answer to the question posed in the article’s title can hardly be definitive, as much further research is needed to clarify many points.

Keywords: hydronyms, Turkic languages, Ural-Altaic languages, Nostratics, Euroasiatic macrofamily, broad areals, prehistoric times of origin

Сведения об авторе:

Нафиков Шамил, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, д. 71, пр. Октября, 450054, Уфа, Башкортостан, Российская Федерация.

Автор туралы мәлімет:

Нафиков Шамил, филология ғылымдарының кандидаты, Тарих, тіл және әдебиет институтының аға ғылыми қызметкері, РҒА Уфа федералды зерттеу орталығы, 71 үй, Октябрь даңғылы, 450054, Уфа, Башқұртстан, Ресей Федерациясы.

Information about author:

Nafikov Shamil, Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Science, Oktyabr Ave., 71, 450054, Ufa, Bashkortostan, Russian Federation.

Е.Р. Николаев

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов
Севера Сибирского отделения Российской Академии наук, Якутск, Российская Федерация
(E-mail: 1953307@mail.ru)*

О диалектных особенностях якутской традиционной игры «хайах хостоһор»

Аннотация. Рассматривается диалектная единица лексико-тематической группы, которая представляет собой интерес для изучения как языковой объект в интеграции с материалами по традиционной культуре и быту якутов. В статье автор проводит лингвокультурологическую интерпретацию семантики названия игры. Актуальность темы обусловлена тем, что лексико-тематическая группа «Диалектные названия якутских традиционных детских игр» ранее не был подвергнут специальному изучению как языковой объект. Целью исследования является выявление диалектных особенностей семантического поля названия якутской традиционной игры *хайах хостоһор*. Задачи для исследования: выявить диалектный характер семантики названия игры; определить семантическую связь общезякутского и диалектного в названии игры. Материалом для исследования послужили двуязычные и толковые словари якутского языка, записи отчетов комплексных экспедиций начала 20-го века. В исследовании использованы следующие методы: лингвокультурологический анализ смысловой структуры лексем; дескриптивный анализ с применением приемов интерпретации языкового материала. Для выявления семантики используется метод семантической индентификации. В результате был выявлен диалектный аспект семантического поля названия игры *хайах хостоһор*. В игре *хайах* используется в двух значениях: 1) ‘заквашенная рыба’, источником которой является, преимущественно, вилюйская зона говоров; 2) в названии игры определена семантическая связь диалектной лексемы *хайах* ‘заквашенная рыба’ с общезякутской лексемой *хайах* ‘масло’. Игровая имитация повседневного быта является репрезентацией двух традиционных занятий якутов (саха): скотоводство – как наследие из древнетюркского пласта лексики скотоводческой культуры и рыболовство – как создание северной тюркской (якутской) гастрономической культуры.

Ключевые слова: игра хайах хостоһор, диалектная лексика, семантика, якутский язык, гастрономическая культура.

Введение

Изучение языковых явлений традиционной культуры во многом сочетает в себе различные культурологические интерпретации, что само по себе визуально может быть интересней, чем собственно лингвистический анализ. Тем не менее, в силу полилингвизации общества, нивелирования культурных кодов традиционной национальной культуры, в настоящее время назрела необходимость создания лексической базы данных терминов различных тематических групп, преимущественно, диалектной лексики, которую мы уже воспринимаем как архаическую лексику. В рамках научно-исследовательской работы отдела якутского языка начата инвентаризация терминологической, диалектной, устаревшей тематической лексики как одной из основ корпуса якутского языка. На данный момент автором составлены тематические списки диалектных наименований якутских традиционных игр, пищи, посуды и утвари.

Научная новизна и актуальность. Статья посвящена изучению диалектного поля традиционной якутской игры *хайах хостоһор*, ранее не подвергнутой изучению в языковом плане.

Цель исследования: выявление диалектных особенностей семантического поля названия якутской традиционной игры *хайах хостоһор*.

Задачи исследования: выявить диалектный характер семантики названия игры; определить семантическую связь общеякутского и диалектного значений в названии игры.

Материалом исследования послужили словарные дефиниции названия игры *хайах хостоһор* из двуязычных и толковых словарей якутского языка, а также записи из отчетов комплексных экспедиций в Якутии в начале 20-го века. В результате сплошной выборки из Большого толкового словаря якутского языка было выявлено более 30 названий якутских детских игр. Также в качестве основного материала было изучено 20 диалектных названий детских игр, включенных в диалектологические словари 1976, 1995 гг., за исключением названий заимствованных из русского языка игр, например, *бырыычыка* ‘палочка-выручалочка’, где *выручалочка* = *бырыычыка*.

Методы исследования. Проведен лингвокультурологический анализ смысловой структуры лексем, опирающийся на данные словарей и дескриптивный метод, с применением приемов интерпретации языкового материала. Для выявления семантики используется метод семантической индентификации.

Степень изученности темы. Категория «Игра» как объект якутской этнографии и фольклора изучена достаточно подробно. Соотношение игр и ритуалов в интеграции с фольклорными представлениями были рассмотрены в статье «Игры и игровая культура» этнографа Е.Н. Романовой. Автор составила классификацию якутских игр: словесные состязания; детские игры с пальцами; игры-состязания; молодежные игры с брачной символикой; игровые гадания; игры-инициации [1, с. 419-429].

Педагогический аспект национальных игр был рассмотрен В.И. Дьяченко [2, с. 186-205], который подчеркнул важную роль игры в воспитании детей, установил отличия игр для мальчиков (*кылыйсыы, куобах, ыстангалы, мас тардыһыы, сэрии тардыһыы, хайах хостоһор оньуу, сүксэ оонньуу* и т.д.) и девочек (*тарбах кистэһии, ообуй обус, хабылык, чохчороннуур* и т.д.). Важным моментом в его исследовании является характеристика игры как усвоение представления о хозяйственной стороне жизни взрослых.

В трудах ссыльных этнографов, фольклористов можно найти краткие, но существенные заметки о якутских детских играх. Так, этнограф В.Л. Серошевский отмечает: «Сложных, организованных детских игр у якутов мало. (...) Я видел только одну, действительно красивую оригинальную якутскую детскую игру: игру в “соколов и уток”. Зато в играх я нашел много отголосков старины» [3, с. 514].

И.А. Худяков сделал заметки о наиболее известных и распространенных в то время и дошедших до нас классических якутских играх: *кус-хаас буолар* ‘утки и гуси’, *сэрии быльдьаһар* ‘война’, *мээчик сэриилэнэр*, букв. ‘воевать с мячом’, *бөрө атыыр буолар* ‘волк и жеребец’, *кулун куллурһар* ‘жеребята’, *хайах хостоһор* ‘масло разворачивать’, *харах симэр* ‘жмурки’, *бэлэнэх кистэнэллэр* ‘перстень хоронят’, *хаастыы хаамар* ‘ходить по-гусиному’ и т.д. [4, с. 149-157].

В ходе работы над лексикографическими источниками можно обратить внимание на один языковой факт. Например, в современных словарях в оформлении названий игр доминирует аффикс *-ыы*, образующий имя существительное, который указывает на результат действия с нейтральной коннотацией: *миинии, хаамтарыы, сүүрдүү, сыангааннаһыы, түһүү, охсуһуу, буолуу* и т.д., тогда как в этнографических, фольклорных источниках акцентируется процесс действия и оформлен он аффиксом глагола настоящего времени, например, у И.А. Худякова – *хайах хостоһор*, в БТСЯЯ – *хайах хостоһуута*. Судя по всему, мы видим процесс изменения культурного ландшафта, когда традиционные игры постепенно уходят из современной игровой среды, и дети уже не вовлечены в процесс, а становятся только зрителями для ознакомления национальной культуры.

Лексика детских традиционных игр ранее не была объектом исследования якутских филологов. На данном этапе мы имеем только авторскую статью, в которой представлена систематизация и классификация названий игр [5].

Лексический материал по данной теме может быть более разнообразным и в качественном, и в количественном плане. В некоторых источниках описывается, что в отчетах члена

Сибиряковской экспедиции 1926-1927 г. И.П. Сойкконена было описано более 70 названий якутских игр центральных районов Якутии [6, с. 194]. Но в данном источнике, как показала рабочая командировка в 2019 г., искомые материалы (всего 35 листов) отсутствовали [7; 8; 9]. Фронтальный поиск увенчался успехом только в отношении 12 названий игр, которые имеются и в БТСЯЯ, и в ДСЯЯ. Объект нашей статьи – *хайах хостоһор* – также присутствовал среди описания быта якутов начала 20-го века [8, с. 216].

Анализ

Рассмотрим, как описывается *хайах хостоһор* в различных источниках.

Хайах хостоһор оонньуу у И.П. Сойкконена описана следующим образом: «... дети усаживаются на земле и крепко обхватывают друг друга. Первый, самый взрослый и сильный мальчик, держится за какой-нибудь неподвижный предмет. Один из водящих отрывает *хаяк* (букв. ‘масло’), т.е. по очереди оттаскивает детей от общей шеренги и носит их в абмар (условное место). Игра эта целиком является испытанием силы и выносливости играющих в него детей, главным образом водящего» [8, с. 216-217].

В сунтарском говоре *хайах хостоһуута* когда-то имел другое название – *ообуй оһоһос* ‘игра – один из играющих обхватывает руками и ногами столб, остальные, обхватывая так же друг друга, образуют цепь, и ведущий старается оторвать каждого по одному, начиная с конца цепи’ [10, с. 188].

В словаре Э.К. Пекарского зафиксированы два варианта названия игры: *хайах хостоһор* ‘детская игра, при которой один мальчик, стуча по голове (т.е. пробуя хаях) каждого из сцепившихся друг за другом мальчиков (из коих передний ухватывается за столб и руками и ногами), старается оторвать по одному всех играющих мальчиков’; *хайах хостоһуу* ‘якутская игра, состоящая в том, что первый из целой группы людей держится обеими руками за дерево в обхват, а каждый следующий обхватывает туловище предыдущего; один из группы должен по очереди отрывать других друг от друга’ [11, стлб. 3524].

Из некоторых текстов можно понять, что в эту игру, скорее всего, больше играли не мальчики, а подростки и юноши: «*Ведущий игры, посадив всех друг за другом, сцепив их руки, дает определенную команду: “Парень, давай вытаскивай зимние запасы! Ну-ка, покажи себя!” Тогда самый крепкий на вид игрок подходит к игрокам, которые сидят сцепившись друг за другом к столбу, берет за подмышки и изо всех сил тянет назад, пытается оторвать. (...) Если таким образом всех оторвет друг от друга, все встают и дают ему поклон с такими словами: “Спасибо тебе, за то, что вытащил наш хайах. Уруй-туску!”*» [12, с. 44-45].

Суть и название игры в настоящее время остается практически непонятным, так как *хайах* имеет одно семантическое поле с двумя разными значениями, совмещенными в одной омонимичной форме, из которых одно имеет общеякутское, нормативно-литературное значение, а другое – диалектное.

В БТСЯЯ *хайах* отмечен как ‘сливочное масло, сбитое в теплом молоке, пахте или простокваше, употребляемое в замороженном виде, хаяк’ [13, с. 195].

Известный тюрколог Н.К. Антонов якутский *хайах* относит к общетюркской лексике: «*хайах* – сырое масло; тюрк. *хайах* – скоромное масло»; «сырое масло смешанное с пахтаньем, молоком, затем замороженное соответствует сагайскому *хайах* – скоромное масло, *тон хайах* – мерзлое масло, койб., сойот., кач. – масло» [14, с. 34; 15, с. 40].

Архаичность данной игры раскрывается в паремической и фразеологической семантических полях *хайах* как молочного продукта. *Хайах* как традиционный молочный продукт ярко проявляется в пословице *саламааттаан баран хайабын харыстаабыт диэбиккэ дылы* ‘сваривши саламат, пожалел хайах (масла), как говорится’ [16, с. 117]. Фразеологизм *хоймобун (хойобун, хоһобун) хостоо, хоһобун хостоо (хостос)* ‘вспоминать нанесенную когда-либо, кем-либо обиду’ [17, с. 365; 13, с. 510], где синонимическая доминантная лексическая

единица *хойоһ* имеет различные коннотации в именной, глагольной формах (*хойоһ* ‘скрытый умысел, тайное намерение, задняя мысль’, *хойоһтоохтук* ‘злобно, злонамеренно’, *хойоһтос* ‘взаимно обвинять друг друга в прошлых грехах, обидах’) также указывает на молочное происхождение названия игры: *хоймоһ* ‘осадок, сгусток от какой-либо жидкой пищи’ [13, с. 509].

В словаре Э.К. Пекарского *хоймоһ* определен как ‘молочный осадок’ [11, стлб. 3440]. Интересно, что близкий по фонетическому оформлению бурятский *хоймоһ* Н.К. Антонов интерпретировал как заимствование из якутского: «... творог в сыворожке, кушанье из арсы и молока по форме и значению кажется заимствованием из якутского. В монгольском оно не встречается» [15, с. 41]. Метафорический смысл фразеологизма *хоймоһун хостоо* – прошедшее время; событие, произошедшее когда-то давно – наводит на мысль о долгом хранении данного продукта и когда наступает пора, то его вынимают.

Древнетюркский словарь также подтверждает молочное происхождение данного продукта: *qajaq* ‘сливки’, *qanaq* ‘сливки’, *qijaq* ‘навар; пенки’ [18, с. 406, 417, 441]. Проявление носового й-й-нь сохранялось в якутском языке до недавнего времени. На соответствие фонетического облика *хajaх~qajaq*, *qanaq* обратил внимание основоположник якутской исторической диалектологии С.А. Иванов [19, с. 61].

В виллойском говоре старинное название ноября *хajaх сиир ый* ‘ноябрь, когда хаяк можно заморозить до готовности к употреблению’ [10, с. 276; 13, с. 195], т.е. здесь *хайах* – молочный продукт.

Диалектная единица *хайах* в нюрбинском, оймьяконском говорах якутского языка имеет значение ‘мелкая рыба, заквашенная в ямах, сыма’ [20, с. 213]. Топонимист М.С. Иванов-Багдарыын Сүлбэ изучив топонимы *Хайах*, *Хайахтаах*, *Хайах Уоннунт*, *Хайах Укнунт*, *Хайах Хостообут*, *Хайах Суннунт*, *Хайах Көлүйэ*, сделал вывод, что тут *хайах* обозначает *сыма*, т.е. рыбный, а не молочный продукт [21, с. 52-56]. Данные топонимы были отмечены в Кобяйском, Сунтарском, Намском, Нюрбинском, Виллойском, Таттинском, Оймьяконском улусах. Издавна виллойские якуты (сунтарский, нюрбинский, верхневиллойский, виллойский) назывались как *сымаһыттар* ‘те, которые едят сыма, заквашенную рыбу (в больших количествах)’. Багдарыын Сүлбэ предположил, что «игра хайах хостоһуу имитирует процесс раскалывания мерзлой глыбы, вынимания, извлечения чего-то тяжелого» [21, с. 56]. Тем самым, становится прозрачным глагол *хостоо* в названии игры и его производных *хостоһуу*, *хостообут* ‘вынимать, извлекать, доставать что-либо откуда-либо’.

Вероятно, наиболее близко подошел к разгадке этнограф С.И. Николаев-Сомоҕотто: «Наконец, наличие термина “хаях” у одних якутов и хакасов, возможно, также идёт в пользу рыбного происхождения данного термина. Он мог быть потом перенесен в область молочной кухни из-за родственности запасаения в холодных ямах и погребях. В тёплых областях подобной возможности, разумеется, не было. По поводу сливания рыбных терминов с молочными можно также отметить о наличии в Якутии прошлого одного, ни у кого не встречающегося, способа консервации рыбы – квашение её в кислом молоке» [22].

Но, как и у И.П. Сойкконена, у И.А. Худякова хайах имеет значение ‘масло’: *хайах хостоһор* ‘масло разворачивать’. Возникает интересная ситуация – семантика игры имеет два различных значения, подразумевает и рыбный, и молочный продукты.

Полученные результаты и обсуждение

Таким образом, можно допустить, что в названии игры *хайах хостоһор* запечатлен не только молочный продукт, но и рыбный, так как в виллойских говорах, а также в оймьяконском говоре он имеет значение рыбного продукта, а в верхоянском и центральной группе говоров (по Сойкконену и Худякову) – молочный продукт.

Название образно представляет один из моментов быта якутов. Исторические данные подтверждают, что «якутские балыксыты (букв., рыбаки) относились к беднейшим слоям населения. (...) Главным источником их существования служил рыбный промысел, а также

охота. Жили они обычно на берегах озер и рек, изобиловавших рыбой» [23, с. 127]. Не случайно игра имитирует один из процессов, который является одним из производных, связанных с рыболовством. Обучение традиционным занятиям, привитие культурных ценностей детям, также синкретичность смысла названия включает и бытовые традиции, и тюркский северный календарь, и разнообразие гастрономической культуры якутов. Тем самым игра содержит два культурных элемента, являющихся частью становления народа саха (якутов) – южное и северное.

В языковом плане, первичная семантика *хайах* в качестве молочного продукта раскрывает сохранность древнетюркского пласта лексики в якутском языке. Вторичная семантика – диалектная, указывает на северный уклад жизни, связанный с холодом, вечной мерзлотой, с субконтинентальным ландшафтом, который позволяет хранить запасы еды на долгое время. Игра *хайах хостоһор* ныне является архаичной, а семантика *хайах* ‘заквашенная мерзлая рыба’ – диалектным архаизмом, вышедшим из употребления. Несмотря на утрату данного уникального факта гастрономической культуры, диалектное поле названия игры остается репрезентантом говоров, где ранее рыболовство, вероятно, было доминирующим занятием, даже конкурирующим со скотоводством, что обусловлено различными факторами: социально-экономическими (бедность, отсутствие жилища, земли и т.д.), природными (много озер, рек) и т.д.

Выводы

На основе анализа семантики и лингвокультурологической интерпретации:

выявлен один важный аспект семантического поля названия игры *хайах хостоһор* – диалектный характер, где *хайах* имеет значение ‘заквашенная рыба’, источником которой является диалектная лексика якутского языка, преимущественно, вилюйской зоны говоров.

определены различные семантические узы, сосуществование диалектной лексемы *хайах* ‘заквашенная рыба’ с лексемой *хайах* ‘масло’ в названии игры посредством имитации из повседневного быта якутов (саха). Этот языковой факт можно определить как наследие из древнетюркского пласта лексики скотоводческой культуры и создание северной тюркской (якутской) гастрономической культуры.

Сокращения

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка

букв. – буквально

кач. – качинский говор хакасского языка

койб. – омертвелый койбальский язык

сойот. – сойотский язык

Литература

1. Романова Е.Н. Игры и игровая культура // Якуты. Саха / Аксянова Г.А, к.б.н., Алексеев Н.А., д.ист.н., проф., Антонов Е.П., к.ист.н. и др.; отв. ред.: Н.А. Алексеев и др.; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Ин-т гуманитар. исслед. и пробл. малочисл. народов Севера Сиб. отд-ния. – Москва: Наука, 2012. – С. 419-429.

2. Дьяченко В.И. Воспитание детей у якутов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири: сборник статей // Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; отв. ред.: И.С. Кон, Ч.М. Таксами. – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1988. – С. 186-205.

3. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования; 2-е изд. – Москва, 1993. – 736 с.

4. Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа / под ред. чл.-кор. АН СССР В.Г. Базанова. – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1969. – 437 с.

5. Николаев Е.Р. Семантика названий якутских детских игр (на материале диалектологических словарей) // Северо-восточный гуманитарный вестник. – 2019. – № 2 (27). – С. 88-93.

6. Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1927 год, составленный и.о. Непременного секретаря академиком А.Е. Ферсманом с приложением отчетов отдельных академических учреждений. – Ч. II: Отчет о научных командировках и экспедициях. – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1928. – 266 с.

7. Сойкконен И.П. Дипломная работа «Якутские дети»: Рукопись, 1928 // Санкт-Петербургское отделение архива РАН. Ф. 47, Оп. 2, № 157.
8. Сойкконен И.П. Семейный быт якутов Якутского округа: Рукопись, 1928 // Санкт-Петербургское отделение архива РАН. Ф. 47, Оп. 2, № 158, 345 л.
9. Сойкконен И.П. Семейный быт якутов Якутского округа. Папка 2-ая: Рукопись, 1928 // Санкт-Петербургское отделение архива РАН. Ф. 47, Оп. 2, № 159, 405 л.
10. Диалектологический словарь якутского языка: содержит свыше 8500 слов / сост.: П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. – Москва: Наука, 1976. – 390 с.
11. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. 2-е изд-е. – Ленинград: Издание АН СССР, 1959. – Т. III. – 3858 стлб.
12. Федоров А.С. Өбүгэлэрбит оонньуулара. – Якутскай: Саха сиригээҕи кинигэ изд-вота, 1992. – 43 с.
13. Большой толковый словарь якутского языка: Т. XIII: (Буква Х) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2016. – 639 с.
14. Антонов Н.К. Исследования по исторической лексике якутского языка: (именные основы): специальность 10.665 «Тюркские языки»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук; Акад. наук Каз. ССР, Ин-т языкознания. – Якутск, 1973. – 54 с.
15. Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка / отв. ред. проф. И.М. Романов; авт. предисл. А.П. Окладников; Якут. гос. ун-т. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1971. – 172 с.
16. Сборник якутских пословиц и поговорок / Акад. наук СССР, Якут. фил. Сиб. отд-ния, Ин-т яз., лит. и истории; сост. Н. В. Емельянов; [отв. ред. Г.С. Сыромятников]. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1965. – 246 с.
17. Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь. – Новосибирск: Издательство СО РАН, филиал «Гео», 2002. – Т. 2. – 420 с.
18. Древнетюркский словарь / Ред. В.М. Наделяев и др.; АН СССР, Ин-т языкознания. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – 676 с.
19. Иванов С.А. Общеякутские и диалектные названия, относящиеся к скотоводству // Северовосточный гуманитарный вестник. – 2018. – № 2 (23). – С. 56-65.
20. Диалектологический словарь якутского языка: Дополнительный том / сост. М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. – Новосибирск: ВО «Наука», 1995. – 296 с.
21. Багдарыын Сүлбэ. Талылыбыт үлэлэр. 1-кы т.: Мэнгэ ааттар. – Дьокуускай: Бичик, 2013. – 536 с.
22. Сомоготто. Пища якутов (в свете соседних культур). – Якутск: Якутский край, 2009. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.yakutskhistory.net/с-и-николаев-сомоготто/пища-якутов/> (дата обращения: 29.06.2021).
23. Иванов В.Ф. Социально-экономические отношения в Якутии (конец XVII-XIX в.). – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1992. – 228 с.

Reference

1. Romanova E.N. Iгры i igrovaya kul'tura [Games and gaming culture]. In: Yakuty. Saxa. Aksyanova G.A, k.b.n., Alekseev N.A., d.ist.n., prof., Antonov E.P., k.ist.n. i dr.; Executive editor: N.A. Alekseev i dr.; Ros. akad. nauk, In-t e'tnologii i antropologii im. N.N. Mikluxo-Maklaya, In-t gumanit. issled. i probl. malochisl. narodov Severa Sib. otd-niya [Russian Academy of Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch.]. Moscow, Nauka, 2012. P. 419-429. [In Russian].
2. Dyachenko V.I. Vospitanie detej u yakutov [Raising children among the Yakuts]. In: Tradicionnoe vospitanie detej u narodov Sibiri: sbornik statej. Akad. nauk SSSR, In-t e'tnografii im. N.N. Mikluxo-Maklaya; Executive editor: I.S. Kon, Ch.M. Taksami [Traditional raising of children among the peoples of Siberia: a collection of articles // Academy of Sciences of the USSR, Institute of Ethnography named after N.N. Miklouho-Maclay; executive editor: I.S. Kon, Ch.M. Taksami]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1988. P. 186-205. [In Russian].
3. Seroshevskij V.L. Yakuty. Opyt e'tnograficheskogo issledovaniya [Yakuts: Experience of Ethnographic Research]; Publ. 2. Moscow, 1993. 736 p. [In Russian].
4. Xudyakov I.A. Kratkoe opisanie Verxoyanskogo okruga [Brief description of the Verkhoyansk District]. Pod red. chl.-kor. AN SSSR V.G. Bazanova [edited by Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences V.G. Bazanov]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1969. 437 p. [In Russian].

5. Nikolaev E.R. Semantika nazvanij yakutskix detskix igr (na materiale dialektologicheskix slovarej) [Semantics of the names of the Yakut children's games (based on dialectological dictionaries)]. In: Severo-vostochnyj gumanitarnyj vestnik [North-Eastern humanitarian bulletin]. 2019. № 2 (27). P. 88-93. [In Russian].
6. Otchet o deyatel'nosti Akademii nauk SSSR za 1927 god, sostavlennyj i.o. Nepremennogo sekretarya akademikom A.E. Fersmanom s prilozheniem otchetov otdel'nyx akademicheskix uchrezhdenij [Report on the activities of the Academy of Sciences of the USSR for 1927, compiled by acting. Indispensable secretary, academician A.E. Fersman with the attachment of reports from individual academic institutions]. In: Vol. II: Otchet o nauchnyx komandirovkax i e'kspediciyax [Part II: Report on scientific trips and expeditions]. Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1928. 266 p. [In Russian].
7. Sojkkonen I.P. Diplomnaya rabota «Yakutskie deti» [Thesis «Yakut children»]: Rukopis', 1928. In: Sankt-Peterburgskoe otdelenie arxiva RAN [Manuscript, 1928 // St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences]. F. 47, Inventory 2, № 157. [In Russian].
8. Sojkkonen I.P. Semejnyj byt yakutov Yakutskogo okruga [Family life of the Yakuts of the Yakutsk District]: Rukopis', 1928. In: Sankt-Peterburgskoe otdelenie arxiva RAN [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences]. F. 47, Inventory 2, № 158, 345 sheet. [In Russian].
9. Sojkkonen I.P. Semejnyj byt yakutov Yakutskogo okruga. Papka 2-aya [Family life of the Yakuts of the Yakutsk District. Folder 2]: Rukopis', 1928. In: Sankt-Peterburgskoe otdelenie arxiva RAN [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences]. F. 47, Inventory 2, № 159, 405 sheet. [In Russian].
10. Dialektologicheskij slovar' yakutskogo yazyka [Dialectological dictionary of the Yakut language]: sodержit svyshe 8500 slov [contains over 8500 words]. Compiled by: P.S. Afanas'ev, M.S. Voronkin, M.P. Alekseev. Moscow, Nauka, 1976. 390 p. [In Russian].
11. Pekarskij E.K. Slovar' yakutskogo yazyka [Dictionary of the Yakut language]. Publ. 2. Leningrad, Izdanie AN SSSR, 1959. Vol. III. 3858 columns. [In Russian].
12. Fedorov A.S. Obuge'le'rbit oonn'uulara [Ancestor games]. Yakutskaj, Saxa sirine'e'ҕi kinige' izdovota, 1992. 43 p. [In Yakut].
13. Bol'shoj tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka [Comprehensive explanatory dictionary of the Yakut language]: V. XIII: (Bukva X) [V. XIII: (Letter X)]. Edidet by P.A. Slepčova. Novosibirsk, Nauka, 2016. 639 p. [In Yakut].
14. Antonov N.K. Issledovaniya po istoricheskoj leksike yakutskogo yazyka: (imennye osnovy) [Research on the historical vocabulary of the Yakut language: (nominal bases)]: special'nost' 10.665 «Tyurk. yaz.»: Avtoref. dis. ... d-ra. philol. nauk; Akad. nauk Kaz. SSR, In-t yazykoznaniya [specialty 10.665 «Turkic languages»: the abstract of the dissertation of the doctor of philological sciences; Academy of Sciences Kaz. SSR, Institute of Linguistics]. Yakutsk, 1973. 54 p. [In Russian].
15. Antonov N.K. Materialy po istoricheskoj leksike yakutskogo yazyka [Materials on the historical vocabulary of the Yakut language]. Executive editor prof. I.M. Romanov; author foreword A.P. Okladnikov; Yakut. gos. un-t. Yakutsk, Yakutskoe knizhnoe izd-vo, 1971. 172 p. [In Russian].
16. Sbornik yakutskix poslovic i pogovorok [Collection of Yakut proverbs and sayings]. Akad. nauk SSSR, Yakut. fil. Sib. otd-niya, In-t yaz., lit. i istorii [Academy of Sciences of the USSR, Yakutsk Branch of the Siberian Branch, Institute of Language, Literature and History]; Compiled by N. V. Emel'yanov; [Responsible editor G.S. Syromyatnikov]. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. 246 p. [In Russian].
17. Nelunov A.G. Yakutsko-russkij frazeologicheskij slovar' [Yakut-Russian phraseological dictionary]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN, filial «Geo», 2002. Vol. 2. 420 p. [In Russian].
18. Drevnetyurkskij slovar' [Ancient Turkic dictionary]. Red. V.M. Nadelyaev i dr.; AN SSSR, In-t yazykoznaniya [Edit. V.M. Nadelyaev and others; Academy of Sciences of the USSR, Institute of Linguistics]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie, 1969. 676 p. [In Russian].
19. Ivanov S.A. Obshheyakutskie i dialektnye nazvaniya, otnosyashhiesya k skotovodstvu [Common Yakut and dialect names related to cattle breeding]. In: Severo-vostochnyj gumanitarnyj vestnik [North-Eastern humanitarian bulletin]. 2018. № 2 (23). P. 56-65.
20. Dialektologicheskij slovar' yakutskogo yazyka: Dopolnitel'nyj tom [Sakha Dialectological Dictionary: Supplementary Volume]. Compiled by M.S. Voronkin, M.P. Alekseev, Yu.I. Vasil'ev. Novosibirsk, VO «Nauka», 1995. 296 p. [In Russian].
21. Bagdaryyn Sulbe'. Talylybyt ule'le'r. 1-ky t.: Me'ne' aattar [Selected Works. Volume 1: Sacred Names]. Dokuuskaj, Bichik, 2013. 536 p. [In Yakut].

22. Somogotto. Pishha yakutov (v svete soseidnix kul'tur) [Food of the Yakuts (in the light of neighboring cultures)]. Yakutsk, Yakutskij kraj, 2009. [Elektronic resource]. Available at: <https://www.yakutskhistory.net/s-i-nikolaev-somogotto/pishha-yakutov/> (Accessed: 29.06.2021). [In Russian].

23. Ivanov V.F. Social'no-e'konomicheskie otnosheniya v Yakutii (konec XVII-XIX v.) [Socio-economic relations in Yakutia (late 17th-19th centuries)]. Novosibirsk, VO «Nauka». Sibirskaya izdatel'skaya firma, 1992. 228 p. [In Russian].

Е.Р. Николаев

*Ресей ғылым академиясы Сібір бөлімшесінің Гуманитарлық зерттеулер мен Солтүстіктің аз санды халықтарының мәселелері институты, Якутск, Ресей Федерациясы
(E-mail: 1953307@mail.ru)*

Якуттардың дәстүрлі «хайах хостоһор» ойынының диалектілік ерекшеліктері туралы

Аннотация. Якуттардың дәстүрлі мәдениеті және тұрмысы туралы материалдармен интеграцияланған тілдік нысан ретінде зерттеуге қызығушылық тудыратын лексика-тақырыптық топтың диалектілік бірлігі қарастырылады. Мақала авторы ойын атауының семантикасына лингвомәдениеттану тұрғысынан түсіндірме жасайды. Тақырыптың өзектілігі «Якут дәстүрлі балалар ойындарының диалектілік атаулары» лексика-тақырыптық тобының бұрын тілдік объект ретінде арнайы зерттелмегендігінен көрінеді. Зерттеу мақсаты – якуттың дәстүрлі “хайах хостоһор” ойыны атауының семантикалық өрісінің диалектілік ерекшеліктерін анықтау. Зерттеу міндеттері: ойын атауы семантикасының диалектілік сипатын ашу; ойын атауындағы жалпы якуттық және диалектілік мәндердің семантикалық байланысын айқындау. Якут тілінің екі тілді және түсіндірме сөздіктері, XX ғасыр басындағы кешенді экспедициялардың есепті жазбалары зерттеу материалы ретінде алынды. Зерттеуде келесі әдістер – лексеманың семантикалық құрылымын лингвомәдениеттану тұрғысынан талдау; тілдік материалды түсіндіру тәсілдеріне жүгіну арқылы сипаттамалық (дескриптивті) талдау пайдаланылды. Семантиканы ашып көрсету үшін мағыналық сәйкестендіру әдісі қолданылды. Нәтижесінде “хайах хостоһор” ойынының мағыналық өрісінің диалектілік аспектісі анықталды. Ойында хайах екі мағынада қолданылады: 1) ‘ашытылған балық’, ол негізінен Вилюй диалектілік аймағынан өрбіген; 2) ойын атауынан хайах “ашытылған балық” диалектілік лексемасының жалпы якуттық хайах “май” лексемасымен мағыналық байланысы бой көрсетеді. Күнделікті тұрмысты ойын түрінде ишаралау якуттардың (сахалардың) екі дәстүрлі кәсібінің көрінісі болып табылады, олар: бақташылық мәдениеттің көне түркі лексикалық қабатына мұрагерлік еткен мал шаруашылығы және солтүстік түрік (якут) гастрономиялық мәдениетінің туындысы саналатын балық шаруашылығы.

Кілт сөздер: “хайах хостоһор” ойыны, диалектілік лексика, семантика, якут тілі, гастрономиялық мәдениет.

E.R. Nikolaev

*Institute for Humanities Research and Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation
(E-mail: 1953307@mail.ru)*

On dialectical peculiarities of the Yakut traditional game “hayakh khostohor”

Abstract. The article considers the dialectical unit of the lexico-thematic group, which is of interest for study as a linguistic object in integration with materials on the traditional culture and life

of the Yakuts. In the article, the author conducts a linguoculturological interpretation of the semantics of the name of the game. The relevance of the topic is because the lexico-thematic group «Dialectal names of Yakut traditional children’s games» had not previously been subjected to special study as a linguistic object. The aim of the study is to identify the dialectal features of the semantic field of the name of the Yakut traditional game “hayakh khostohor”. Research tasks: to reveal the dialectal nature of the semantics of the name of the game; to determine the semantic connection between general Yakut and dialect in the name of the game. The material for the research was bilingual explanatory dictionaries of the Yakut language, records of reports of complex expeditions of the early 20th century. The research used the following methods: linguoculturological analysis of the semantic structure of the lexeme; descriptive analysis using techniques for interpreting linguistic material. To identify semantics, the method of semantic identification is used. As a result, the dialect aspect of the semantic field of the name of the game “hayakh khostohor” was revealed. In the game, hayakh is used in two meanings: 1) “fermented fish”, the source of which is mainly the Vilyui dialect zone; 2) the title of the game defines the semantic connection of the dialect lexeme hayakh “fermented fish” with the general Yakut lexeme hayakh ‘oil’. A playful imitation of everyday life is a representation of two traditional occupations of the Yakuts (Sakha): cattle breeding – as a heritage from the ancient Turkic layer of vocabulary of cattle-breeding culture and fishing – as the creation of a northern Turkic (Yakut) gastronomic culture.

Keywords: game hayakh khostohor, dialect vocabulary, semantics, Yakut language, gastronomic culture.

Сведения об авторе:

Николаев Егор Револьевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела якутского языка, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской Академии наук, ул. Петровского, 1, Якутск, Российская Федерация.

Автор туралы мәлімет:

Николаев Егор Револьевич, филология ғылымдарының кандидаты, Якут тілі бөлімінің ғылыми қызметкері, Ресей ғылым академиясы Сібір бөлімшесінің Гуманитарлық зерттеулер мен Солтүстіктің аз санды халықтарының мәселелері институты, Петровский көшесі, 1, Якутск, Ресей Федерациясы.

Information about author:

Egor Revolievich Nikolaev, Candidat of Philology, Researcher of the Department of the Yakut Language, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Petrovskogo St., 1, Yakutsk, Russian Federation.

МРНТИ 03.25

DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2021-3-74-81>

М. Соегов

*Национальный институт языка, литературы и рукописей имени Магтымгулы Академии наук Туркменистана, Ашхабад, Туркменистан
(E-mail: msoyegov@gmail.com)*

Два туркмена: отец и сын, достойные высоких чинов и наград России и Британии соответственно в 1881 и 1918 годах

Аннотация. Путем проведения сравнительного анализа достоверных данных выявляется несостоятельность утверждения некоторых авторов и, наоборот, подкрепляется новыми сведениями правдивые утверждения других в отношении Дыкма-сердара (1825-1882) и его сына Ораз-сердара (1871-1919?) в разные периоды руководства ими вооруженными силами туркмен, а именно, во время героической обороны крепости Геок-тепе и в годы гражданской войны. Статья снабжена соответствующими выводами и заключением, вытекающими из всего исследования, в которых фиксируется положение о том, что в тот отрезок времени ход исторического развития всего человечества был на стороне противников наших героев, награждая первых всевозможными успехами и общей победой. Финалом этого победоносного шествия (с 1885 года уже с участием ранее побежденных) оказался развал Советского Союза в 1991 году и появление на исторической сцене пятнадцати новых независимых государств. В результате этого исторического события всемирного значения появились не только необходимые условия, но и возникла общественная потребность в объективной оценке деятельности Дыкма-сердара и его сына Ораз-сердара, столь необходимой для современного Туркменистана. Статья посвящена изложенным выше историческим событиям, происходившим во второй половине XIX и начале XX века.

Ключевые слова: переговоры, оборона Геок-тепе, Текинский полк, героизм кавалеристов, Гражданская война.

Введение

В данной публикации впервые ведется речь одновременно об отце и сыне, а именно о Дыкма-сердаре, «главном начальнике всех текинских вооружённых сил, выставленных против русских войск» [1], которые героически, но безуспешно защищали Геок-тепинскую крепость в 1880-1881 гг., и его сыне, первом туркменском генерале Ораз-сердаре, главнокомандующем Закаспийским фронтом Белой Армии в 1918-1919 гг., уступившей победу Красной Армии в ходе Гражданской войны, хотя со своими статьями, посвященными каждому из них в отдельности, мы уже выступали в разные годы на страницах русскоязычной научной периодики [2, 3, 4, 5, 6, 7 и др.]. Ниже приводятся дополнительные сведения о них к ранее описанным и обобщенным данным.

Анализ

Овезмурад Дыкма-сердар (1825-1882). Несмотря на то, что отдельными исследователями годами его рождения и смерти указывается соответственно на 1830 и 1884 годы, основным вопросом дискуссии остаются цель и причина его нахождения в 1879 году в течение нескольких месяцев в лагере русских экспедиционных войск под командованием генерала И.Д. Лазарева (1820-1879), а после его смерти под командованием генерала Н.П. Ломакина (1830-1902), действовавших на туркменской земле с целью ее завоевания. Споры о Дыкма-сердаре среди читательских масс продолжают по сей день. Наверное, тому в значительной степени способствует и то, что в данном вопросе нет единого мнения также у русскоязычных авторов.

Если главный редактор республиканской газеты «Туркменская искра» (в дальнейшем была переименована в «Нейтральный Туркменистан») И.М. Рабинович (1899-1938), который был утвержден постановлением Бюро ЦК КП(б) Туркменистана одним из редакторов намечаемой тогда к изданию «Истории Туркменской ССР» [См. еще: 8, с. 191-198], выступая в 1936 году на страницах московского журнала «Борьба классов» со статьей «Завоевание Туркмении царскими войсками (1883-1885 гг.)» без указания на какой-либо источник приводит следующие данные: «Старший во главе царских войск генерал Лазарев вновь предпринял шаги для подкупа туркменских ханов. На этот раз ему удалось подкупить Софи-хана и Тыкма-Сердара. Последнему было назначено ежемесячное жалованье в 100 рублей золотом, а его сыну Акверды-хану – 50 рублей золотом в месяц. Когда стала известна измена Тыкма-Сердара, текинская конница разграбила аулы Беурме и Арчман, заселенные родом, к которому он принадлежал. Узнав об этом, Тыкма-Сердар и Софи-хан после нескольких месяцев пребывания в лагере Лазарева бежали оттуда. В это время в Ахале заседал маслахат – совещание ханов и родовых вождей ахальских текинцев. Тыкма-Сердар явился на маслахат, принес извинение за свое поведение и просил прощения. Маслахат удовлетворился его объяснениями, и поручил ему организацию отрядов для борьбы с царскими войсками. На этом же маслахате обсуждался вопрос о методах борьбы с завоевателями» [9, с. 3-4]. В.Кочетков, современный автор, в своей статье «Экспедиция», выложенной в Интернете, утверждает, что «Странная личность – этот Тыкма-сердар. Во время предыдущего похода русских в Ахал он находился при генерале Ломакине и принимал участие в боевых действиях против своих. Потом опять переметнулся на сторону теке. Пишут, что он внедрился к нам в качестве тайного агента и вернулся к текинцам с ценными сведениями. Сам же он утверждал, что стал врагом русских после того, как некий штабс-капитан нанёс ему несмыслимое оскорбление» [10]. Теперь по интересующему нас вопросу обратимся к воспоминаниям начальника штаба войск генерала М.Д.Скобелева (1843-1882), очевидца этих событий генерала Н.И. Гродекова (1843-1913), который на 145-ой странице первого тома своей четырехтомной книги «Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг.», изданной в 1883-1884 гг. в Санкт-Петербурге, недвусмысленно пишет: «Жители Кизыл-арвата и Беурмы, принадлежавшие родам Софи-хана и Тыкма-сардара, посланным в наш лагерь с дипломатическим поручением остановить наступление наших войск, ушли в пески, а не в Геок-тепе». На следующей странице автор приводит конкретные даты происходивших тогда событий: «В тот же день (т.е. 13 августа 1879 года – М.С.) к князю Долгорукову явились для переговоров Тыкма-сардар и Софи-хан... Начальник экспедиции (генерал Лазарев – М.С.), заболевший карбункулом, после операции выехал к войскам, но на пути 14 августа скончался в Чате. Начальство над войсками, как старший, принял генерал Ломакин» [11, с. 145-146]. Из сравнительного анализа, проведенных выше цитат вытекает вывод, что обвинение И.М. Рабиновича в подкупе Дыкма-сердара со стороны генерала Лазарева не подтверждается, как говорится, свидетельскими показаниями, более того еще и по хронологии происходивших событий, а разгром жителей аула Беурма якобы из-за предательства их главы не мог произойти в принципе, ибо они уже находились в песках. Что касается утверждения В. Кочеткова: «Во время предыдущего похода русских в Ахал он находился при генерале Ломакине и принимал участие в боевых действиях против своих», оно нуждается в серьезном дополнении, так как план штурма русскими крепости Геок-тепе, предпринятого им 28 августа 1879 году, закончился полным провалом не потому ли при генерале Ломакине одним из советчиков находился Дыкма-сердар?! Не потому ли на совещании ханов и старейшин, проходившем в Ызганте под руководством Нурберди-хана, было решено: «Тыкма-сардара и Софи-хана, долго бывших у русских, не считать за изменников и первому поручить делать непрерывные наблюдения на русские позиции и транспорты, наносить им вред, захватывать джигитов и узнавать новости» [11, с. 164]. После падения Геок-тепе 12 января 1881 года под натиском русских войск под командованием генерала Скобелева и сдачи 27 марта Дыкма-сердаром своего оружия

победителям, была организована в апреле того же года поездка в Санкт-Петербург текинской депутации, состоящей из пяти человек во главе Дыкма-сердаром, в составе которой был и его десятилетний сын Уразберды (будущий генерал Ораз-сердар). «Тыкма-Сердар желает оставить его в Петербурге, в одном из военных учебных заведений, на воспитание» [12].

24 мая (по другим данным 18 мая) 1881 года проходил на Гатчине высочайший прием депутации Государем Императором Александром III. «Его Величество собственноручно пожаловал Тыкма-Сардару серебряные майорские эполеты, поздравил его с чином майора милиции и вручил ему почетную саблю и глухие золотые карманные часы с цепочкою» [1]. 18 июня состоялся такой же прием для второй текинской депутации, прибывшей в столицу несколько позже и состоящей всего из двух человек. Один из них Кульбатыр-сердар руководил отрядом туркменских ополченцев в бою против русских, состоявшемся 23 декабря 1880 года, в ходе которого погиб русский генерал Петрусевич. Все члены обеих депутатий (всего 7 чел.) получили соответствующие награды и ценные подарки (золотые часы). Уже к 10 июня «Сын Тыкма Сардара, зачисленный уже интерном в приготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища, был в форме, присвоенной воспитанникам этого заведения... Тыкма Сардар вместе с сыном и подполковником Мешетичем, заезжали в Стрельну, к одному из воспитателей пансиона Николаевского кавалерийского училища, у которого мальчик останется на время летних каникул» [13]. 18 июня 1881 года члены обеих текинских депутатий из Красного села «немедленно вернулись в столицу, так как поезд их в Геок-Тепе должен был последовать того же числа в 3 часа дня. Трогательна была сцена прощания Тыкма Сардара с сыном его Уразберды, которого отец покинул одного на далёкой чужбине» [13].

Генерал Ораз-сердар (Уразберды, 1871-1919?). «В Красноводске (ныне Туркменбаши – М.С.) мы имели оригинальную встречу: съехались с едущим в отпуск на родину сыном известного Тыкма-Сардара – Ураз-Берды – воспитанником приготовительного пансиона Николаевского кавалерийского училища... Теперь мальчику 11 лет, он одет по форме и даже не расстегивает верхней пуговицы и крючка в наброшенной в накидку шинели, как того требуют в корпусе; бегло говорит по-русски и вообще очень боек и смышлен... На вопросы: видел-ли Государя, бывал ли во дворце? – отвечает самым сдержанным тоном, как-бы нехотя. – “Да, видел”. Хорошо ли там? – “Да, ничего”. И ни одного-то слова, ни одного движенья, которое выдало-бы не только восторг, увлечение, даже простое наивное удивление» [14].

Оставив в стороне газету «Кавказ» от 18 июня 1882 года, откуда почерпнуты нами вышеприведенные выдержки согласно ее сообщению «От Асхабада до Красноводска», и подключаясь к современным источникам информации, а именно Интернету, замечаем то, что на официальном сайте Духовного управления мусульман Ставропольского края Российской Федерации помещена статья под названием «Ораз Сердар – легендарный туркменский военачальник», в которой в частности отмечается: «Туркменский конный полк снискал славу непобедимого. 31 марта 1916 года Николай II повелел ему «именоваться впредь Текинским конным полком», поскольку он состоял, в основном, из текинцев Ахала и Мерва. 28 мая 1916 года произошло крупнейшее Доброноуцкое сражение, когда 9-я армия Юго-Западного фронта наголову разбила огромные силы противника. Однако российское командование не сумело правильно распорядиться кавалерией. Мощный конный корпус армии остался не у дел. И брошенный в бой Текинский полк был обречен на гибель в далекой Австро-Венгрии. Однако джигиты, которых в ответственный момент возглавил командир 1-го эскадрона Ораз Сердар, не уронили славы туркменского оружия. Архивные материалы свидетельствуют: полк в 600 сабель уничтожил 2000 и взял в плен более 3000 австрийцев, захватил большое количество артиллерийских орудий, пулеметов, винтовок, боеприпасов, лошадей и т.д. Битва эта золотыми буквами вписана в историю русско-туркменского боевого содружества. В августе 1917 года Ораз Сердар принял активное участие в Корниловском мятеже. Благодаря его авторитету и разъяснительной работе среди офицеров и кавалеристов-туркмен, Текинский полк (в отличие от

Георгиевского полка, “Дикой дивизии” и ряда казачьих соединений) оказался в числе немногих элитных подразделений царской армии не подверженных влиянию красной агитации» [15].

Приведенные данные в научно-популярной статье анонимного автора о проявленном героизме бойцов Туркменского конного полка на фронтах Первой мировой (Большой) войны соответствуют исторической действительности. В статье «Туркмены в Первой мировой войне: Текинский конный полк» А.А. Андреева, опубликованной в научном журнале СПбГУ, со ссылкой на 143-ую страницу монографии А.В. Лужбина «Действия русской конницы в сражениях Первой мировой войны» (М., 2014. Объем 400 с.) отмечается, что «Текинский полк уничтожил два полка 12-й австрийской пехотной дивизии, часть изрубил, а большинство (3000 чел.) взял в плен, имея потери: 12 человек убитыми и 42 ранеными» [16, с. 166].

Один из боевых офицеров Текинского конного полка, участник Первой мировой и Гражданской войн Б. Хан Хаджиев (1895-1962) в своей книге воспоминаний, изданной в 1929 году в Белграде под названием «Великий Бояр» (переиздана в 2014 году в Москве под названием «Жизнь и смерть генерала Корнилова») об Ораз-сердаре и его джигитах-всадниках, воевавших на фронтах Первой мировой, пишет следующее: «Пошли туркмены потому, что Сердар их, честный и храбрый русский офицер, приказал им идти за ним, сказав: “Россия в опасности, нам надо идти и бороться в рядах русской армии за ее честь”. И туркмены пошли за своим Сердаром, сыном знаменитого героя-патриота и защитника Геок-Тепе Дыкма Сердара, штаб-ротмистром Ураз Сердаром. Джигиты сгруппировались, как в старое доброе время, вокруг Сердара по вековой традиции, видя в нем двух Сердаров: первого – сына их героя, такого же текинца, как они сами, простого и доступного, и второго – русского офицера – помощника командира полка, русского Сердара» [17, с. 12].

Раздел данной нашей статьи, посвященный Ораз-сердару (Уразберды), приходится завершить изложением невероятного исторического парадокса. Возвратившийся из Первой мировой в чине полковника, он получил чин генерала Белой Армии и стал в 1918 году Главнокомандующим Закаспийского фронта Гражданской войны. Один из непосредственных участников событий, развернувшихся в разных регионах Азии при участии англичан, Latham Valentine Stewart Blacker (1887–1964) еще в 1922 году в своей книге «On Secret Patrol in High Asia» («В секретном патруле на высоких широтах Азии»), которая переиздана в Лондоне в 2013 году, сообщил, что со стороны Британской короны туркменскому генералу был присужден почетный титул «Sir Oraz Sirdar K.C.M.G.» [18]. Из справочной литературы (Wikipedia и др.) узнаем, что сокращение К.С.М.Г., или КСМГ, означает «(In the UK) Knight Commander of the Order of St Michael and St George», то есть «(В Великобритании) кавалер ордена II степени Св. Михаила и Св. Георгия». Парадокс заключается в том, что Ораз-сердар и его джигиты проиграли в Гражданской войне именно тем, которые попали им в плен в Первой мировой, ибо «приблизительно половину Красной армии в Туркестане составляли бывшие австро-венгерские военнопленные, в основном венгры» [19, с. 61].

Краткое заключение

Всесильная Армия Российской империи особенно в отношении народов Средней Азии, проявившая себя в частности в семидесятые годы и начале восьмидесятых годов XIX столетия в период захвата основных туркменских земель, после Февральской и Октябрьской революций 1917 года, ставших результатами Первой мировой войны, на фронтах которой отличились доблестные бойцы добровольного Туркменского (Текинского) конного полка, в годы Гражданской войны, следующей непосредственно вслед за Первой мировой, в лице Белой Армии полностью утратила свою былую боевую славу. Ярким и наглядным примером этому служит ее поражение от вновь созданной Красной Армии на Закаспийском фронте, Главнокомандующим которого состоял первый туркменский генерал Ораз-сердар (Уразберды), сын Дыкма-сердара, руководившего вооруженными силами народного ополчения туркмен-

текинцев в безуспешной защите героически обороняемой Геок-тепинской крепости в 1880–1881 гг. Таким образом, как отцу, так и его сыну не суждено было гордиться победой, и обоих их настигла скоропостижная смерть при не выявленных до конца обстоятельствах.

Литература

1. Текинская депутация // Олонецкие губернские ведомости (газета). – 1881, 3 июня.
2. Соегов М. Вести с той стороны Закаспийского фронта в 1918 году: Командующий Ораз-сердар и его сподвижники // Революция 1917 года и Гражданская война: региональные измерения общероссийских процессов. Материалы всероссийского круглого стола, посвященного 100-летию Великой Российской Революции и 95-летию окончания Гражданской войны (7 декабря 2017 г.). – Курган, 2017. – С. 70-77.
3. Соегов М. Достойные противники: генерал М.Д. Скобелев и Овезмурат Дыкма-сердар // Вестник Калужского университета. – 2017. – № 4. – С. 38-43.
4. Соегов М. О высочайшем приёме от 24 мая 1881 г. для «главного начальника всех текинских вооружённых сил, выставленных против русских войск» // Псковский военно-исторический вестник. Научный альманах. – 2018. – Вып. 4. – С. 116-120.
5. Соегов М. О начале военного отрочества будущего Главнокомандующего Закаспийским фронтом, первого туркменского генерала Ораз-сердара // Конфессиональные и этнические группы российских регионов в XIX–XXI вв. Сборник научных трудов. Вып. 2. – Москва: Эдитус, 2020. – С. 216-223.
6. Соегов М. О трех офицерах-туркменах – участниках Гражданской войны в России // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.). Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. – С. 424-430.
7. Соегов М. Туркмены-командиры царской и «белой» армий: генерал Ораз-Сердар, сын Дыкма-Сердара // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. – 2015. – № 3. – С. 43-49.
8. Соегов М. И.М. Рабинович – один из первых редакторов «Туркменской искры» // Конфессиональные и этнические группы российских регионов в XIX–XXI вв. Сборник научных трудов. Выпуск 3. – Москва: Изд-во «Эдитус», 2021. – С. 191-198.
9. Рабинович И. Завоевание Туркмении царскими войсками (1883–1885 гг.) // Борьба классов. – 1936, № 8, Август. – С. 1–11.
10. Кочетков В. Экспедиция. [Электронный ресурс] – 2020 – URL: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=411893 (дата обращения: 7.09.2020).
11. Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. – Т.1. – СПб.: Типография В.С. Балашева, 1883. – 234 с.
12. Сообщение петербургской газеты «Вечернее Время» от 15.V-1881 г. о прибытии в Петербург делегации от Ахал-Текинского оазиса для представления Императору Александру III и для ознакомления с русской столицей. [Электронный ресурс] – URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860_1880/Russ_turkmenII/Razdel_V/68.Htm (дата обращения: 22.02.2021).
13. Ахалтекинская депутация в Петербурге // Всемирная иллюстрация (журнал). – 1881. – № 652.
14. От Асхабада до Красноводска // Кавказ (газета). – 1882, 18 июня.
15. Ораз Сердар – легендарный туркменский военачальник // Официальный сайт Духовного управления мусульман Ставропольского края Российской Федерации. [Электронный ресурс] – URL: <https://dumsk.com/musulmanam/lichnosti-v-islame/3981-oraz-serdar-legendarnyj-turkmenskij-voenachalnik.htm> (дата обращения: 11.10.2020).
16. Андреев А.А. Туркмены в Первой мировой войне: Текинский конный полк // Политическая экспертиза: политэкз. – 2014. – Т. 10., № 2. – С. 161-166.
17. Хан Хаджиев Б. Жизнь и смерть генерала Корнилова. – Москва: Вече, 2014. – 480 с.
18. Blacker L.V.S. On Secret Patrol in High Asia. 1922. Reprint. – London: Forgotten Books, 2013. [Электронный ресурс] – URL: http://www.forgottenbooks.com/readbook_text/On_Secret_Patrol_in_High_Asia_1000071989/173 (дата обращения: 05.12.2020).
19. Котюкова Т.В. Туркестанский плен: немецкие и австро-венгерские военнопленные в русском Туркестане в годы Первой мировой войны // Россия вчера, сегодня, завтра. – С. 47-64. [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turkestanskiy-plen-nemetskie-i-avstro-vengerskie-voennoplennye-v-russkom-turkestanе-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny> (дата обращения: 18.10.2020).

Reference

1. Tekinskaya deputaciya [Teke's deputation]. In: Oloneckie gubernskie vedomosti (gazeta) [Olonets province gazette (newspaper)]. 1881, 3 Juny. [in Russian].
2. Soyegov M. Vesti s toj storony Zakaspijskogo fronta v 1918 godu: Komanduyushchij Oraz-serdar i ego spodvizhniki [To conduct from that party of Transcaspien front in 1918: Commander Oraz-serdar and its associates]. In: Revolyuciya 1917 goda i Grazhdanskaya vojna: regional'nye izmereniya obshcherossijskih processov. Materialy vsrossijskogo kruglogo stola, posvyashchennogo 100-letiyu Velikoj Rossijskoj Revolyucii i 95-letiyu okonchaniya Grazhdanskoj vojny (7 dekabrya 2017 g.) [The 1917 Revolution and the Civil War: Regional Dimensions of All-Russian Processes. Materials of the All-Russian round table that dedicated to the 100th anniversary of the Great Russian Revolution and the 95th anniversary of the end of the Civil War (December 7, 2017)]. Kurgan, 2017. P. 70–77. [in Russian].
3. Soyegov M. Dostojnye protivniki: general M.D. Skobelev i Ovezmurat Dykma-serdar [Worthy opponents: general M.D. Skobelev and Ovezmurat Dykma-serdar]. In: Vestnik Kaluzhskogo universiteta [The bulletin of the Kaluga University]. 2017, № 4. P. 38–43. [in Russian].
4. Soyegov M. O vysochajshem priyome ot 24 maya 1881 g. dlya «glavnogo nachal'nika vsekh tekinskih vooruzhyonnyh sil, vystavlennyh protiv russkih vojsk» [About the highest reception from May, 24th, 1881 for «the main chief of all Tekinskiih the armed forces exposed against Russian armies»]. In: Pskovskij voenno-istoricheskij vestnik. Nauchnyj al'manah [The military historical bulletin. The scientific yearbook]. 2018, Vol. 4. P. 116–120. [in Russian].
5. Soyegov M. O nachale voennogo otrochestva budushchego Glavnokomanduyushchego Zakaspijskim frontom, pervogo turkmenskogo generala Oraz-serdara [About the beginning of military adolescence of the future Commander-in-chief of the Transcaspien front, the first Turkmen general Oraz-serdar]. In: Konfessional'nye i etnicheskie gruppy rossijskih regionov v XIX-XXI vv. Sbornik nauchnyh trudov. Vyp. 2 [Confessional and ethnic groups of Russian regions in the XX-XXI centuries. Collection of scientific papers. Issue 2]. Moscow, Editus, 2020. P. 216–223. [in Russian].
6. Soyegov M. O trekh oficerah-turkmenah – uchastnikah Grazhdanskoj vojny v Rossii [About three officers-Turkmens – participants of Civil war in Russia]. In: Grajdanskaya vojna na vostoce Rossii (noyabr' 1917 – dekab' 1922 g.). Sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Civil war in the east of Russia (November 1917 – December 1922). Collection of materials of the All-Russian scientific conference with international participation]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, 2019. P. 424–430. [in Russian].
7. Soyegov M. Turkmeny-komandiry carskoj i «beloj» armij: general Oraz-Serdar, syn Dykma-Serdara [Turkmens-commanders of imperial and «white» armies: general Oraz-Serdar, son Dykma-Serdar]. In: Nauchnyj Tatarstan. Gumanitarnye nauki [The scientific Tatarstan. Humanitarian sciences]. 2015, № 3. P. 43–49. [in Russian].
8. Soyegov M. I.M. Rabinovich – odin iz pervyh redaktorov «Turkmenskoj iskry» [I.M. Rabinovich - one of the first editors of the newspaper «Turkmen spark»]. In: Konfessional'nye i etnicheskie gruppy rossijskih regionov v XIX-XXI vv. Sbornik nauchnyh trudov. Vypusk 3 [Confessional and ethnic groups of Russian regions in the XIX-XXI centuries. Collection of scientific papers. Issue 3]. Moscow, OOO «Editus», 2021. P. 191-198. [in Russian].
9. Rabinovich I. Zavoevanie Turkmenii carskimi vojskami (1883–1885 gg.) [Gain of Turkmenia imperial armies (1883-1885)]. In: Bor'ba klassov [The class struggle]. 1936, № 8, August. P. 1–11. [in Russian].
10. Kochetkov V. Ekspediciya [Expedition]. Elektronnyj resurs [Electronic resource] Dostupno na: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=411893 (data obrashcheniya: 7.09.2020) [URL: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=411893 (date of accessed 7.09.20)]. [in Russian].
11. Grodekov N.I. Vojna v Turkmenii. Pohod Skobeleva v 1880–1881 gg. T.1. [War in Turkmenia. Skobelev's campaign in 1880-1881. Volume the first]. Saint-Petesburg, Tipografiya V.S. Balasheva, 1883. 234 p. [in Russian].
12. Soobshchenie peterburgskoj gazety «Večernee Vremya» ot 15.V-1881 g. o pribytii v Peterburg delegacii ot Ahal-Tekinskogo oazisa dlya predstavleniya Imperatoru Aleksandru III i dlya oznakomleniya s russkoj stolicej [The message of the Petersburg newspaper «Evening» from 15.V-1881 about arrival in Petersburg delegations from the Ahkal-Teke oasis for representation to Emperor Alexander III and for acquaintance with Russian capital]. Elektronnyj resurs [Electronic resource] – URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien /XIX/1860-1880/Russ_turkmenII/Razdel_V/68.Htm (data obrashcheniya: 22.02.2021) [Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien /XIX/1860-1880/Russ_turkmenII/Razdel_V/68.Htm (date of accessed: 22.02.2021)]. [in Russian].

13. Ahaltekinskaya deputaciya v Peterburge [Ahalteke's deputation in Petersburg]. In: Vsemirnaya illyustraciya (zhurnal) [World illustration (journal)]. 1881, № 652. [in Russian].
14. Ot Askhabada do Krasnovodska [From Ashabad to Krasnovodsk]. In: Kavkaz (gazeta) [Caucasus (newspaper)]. 1882, 18 Juny. [in Russian].
15. Oraz Serdar – legendarnyj turkmenskij voenachal'nik [Oraz Serdar - the legendary Turkmen military leader]. In: Oficial'nyj sajt Duhovnogo upravleniya musul'man Stavropol'skogo kraja Rossijskoj Federacii [Official website of the Spiritual Administration of Muslims of the Stavropol Territory of the Russian Federation]. Elektronnyj resurs [Electronic resource] URL: <https://dumsk.com/musulmanam/lichnosti-v-islame/3981-oraz-serdar-legendarnyj-turkmenskij-voenachalnik.htm> (data obrashcheniya: 11.10.2020) [Available at: <https://dumsk.com/musulmanam/lichnosti-v-islame/3981-oraz-serdar-legendarnyj-turkmenskij-voenachalnik.htm> (date accessed: 11.10.2020)]. [in Russian].
16. Andreev A.A. Turkmeny v Pervoj mirovoj vojne: Tekinskij konnyj polk [Turkmens in the First World War: the Teke's horse regiment]. In: Politicheskaya ekspertiza: politekz [Political expertise: politechs]. 2014, Vol. 10, № 2. P. 161–166. [in Russian].
17. Han Hadzhiev B. Zhizn' i smert' generala Kornilova [Life and death of general Kornilov]. Moscow, Veche, 2014. 480 p. [in Russian].
18. Blacker L. V. S. On Secret Patrol in High Asia. 1922. Reprint. London, Forgotten Books, 2013. Elektronnyj resurs [Electronic resource] URL: http://www.forgottenbooks.com/readbook_text/On_Secret_Patrol_in_High_Asia_1000071989/173
19. Kotyukova T.V. Turkestanskij plen: nemeckie i avstro-vengerskie voennoplennye v russkom Turkestane v gody Pervoj mirovoj vojny [Turkestan's captivity: German and Austro-Hungarian prisoners of war in Russian Turkestan in days of the First World War]. In: Rossiya vchera, segodnya, zavtra [Russia yesterday, today, tomorrow]. P. 47–64. [Elektronnyj resurs] [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turkestanskiy-plen-nemetskie-i-avstro-vengerskie-voennoplennye-v-russkom-turkestane-v-gody-pervoy-mirovoy-vojny> (data obrashcheniya: 18.10.2020) [URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turkestanskiy-plen-nemetskie-i-avstro-vengerskie-voennoplennye-v-russkom-turkestane-v-gody-pervoy-mirovoy-vojny> (date of accessed: 18.10.2020)]. [in Russian].

М. Соегов

*Түркіменстан Ғылым академиясының Мақтымқұлы атындағы Ұлттық тіл, әдебиет және қолжазбалар институты, Ашхабад, Түрікменстан
(E-mail: msoyegov@gmail.com)*

Екі түрікмен: 1881 және 1918 жылдары Ресей мен Ұлыбританияның жоғары шені мен марапатын алған әкесі мен баласы

Аннотация. Сенімді дерек көздеріне салыстырмалы талдау жүргізу нәтижесінде кейбір авторлардың тұжырымдарының негізсіздігі анықталды және керісінше, жаңа мәліметтерге сүйенетін болсақ, Дыкма-Сердар (1825-1882) мен оның ұлы Ораз-Сердар (1871-1919?) туралы олардың түрікмен қарулы күштерін басқарған әр кезеңдегі, атап айтқанда, Геок-тепе бекінісін қаһармандықпен қорғау сәтіндегі және Азамат соғысы жылдарындағы шынайы әрекеттері дәлелін тауып отыр. Мақалада тұтас зерттеуден туындаған пікір-пайымдар мен қорытынды ұсынылған; бұған сәйкес адамзаттың тарихи даму барысына ол уақытта біздің қаһармандарымыздың қарсыластары үстемдік етіп, барлық жетістік пен жалпы жеңіс солардың үлесіне тигендігі айтылады. Бұл жеңісті шерудің соңы (1885 жылдан бастап, бұрын жеңіліс тапқандардың қатысуы арқылы) 1991 жылы Кеңес Одағының ыдырауымен және тарих сахнасына он бес жаңа тәуелсіз мемлекеттің шығуымен аяқталды. Дүниежүзілік маңызы бар бұл тарихи оқиғаның нәтижесінде Дыкма-Сердар мен оның ұлы Ораз-Сердардың қызметіне шынайы баға беру үшін керекті шарттар ғана емес, сонымен бірге бүгінгі Түрікменстанның

мүддесіне лайық қоғамдық қажеттілік пайда болды. Мақалада жоғарыда баяндалған – XIX ғасырдың екінші жартысы мен XX ғасырдың басында болған тарихи оқиғалар қамтылған.

Кілт сөздер: келіссөздер, Геок-тепені қорғау, Текин полкі, атты әскерлердің ерлігі, Азамат соғысы.

M. Soyegov

Magtymguly National Institute of Language, Literature and Manuscripts of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabat, Turkmenistan
(E-mail: msoyegov@gmail.com)

Two Turkmens: the father and the son awarded high ranks and awards of Russia and Britain respectively in 1881 and 1918

Abstract. By reduction and the comparative analysis of the authentic data the inconsistency of the statement of some authors comes to light and, on the contrary, the Turkmens is supported with new data truthful statements of others concerning Dykma-serdar (1825–1882) and his son Oraz-serdar (1871–1919?) during the different periods of a management of them armed forces, namely during heroic defence of a fortress of Geok-tepe and years of Civil war.

Article is supplied by corresponding conclusions and the conclusion, following of all research in which position that in that interval of time the course of historical development of all mankind was on the party of opponents of our heroes is fixed, awarding the first every possible successes and a general victory. Disorder of Soviet Union in 1991 and occurrence on a historical scene of fifteen new independent states has appeared the ending of this victorious procession (since 1885 already with participation before won). Because of this historical event of the world value has appeared not only necessary conditions, but also there was a public requirement for an objective estimation of activity of Dykma-serdar and his son Oraz-serdar.

Keywords: negotiations, defence of Geok-tepe, the Teke Regiment, heroism of cavalymen, Civil war.

Сведения об авторе:

Соегов Мурадгелди, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Туркменистана, внештатный научный сотрудник, Национальный институт языка, литературы и рукописей имени Магтымгули, Копетдагский этрап, 37, Ашхабад, Туркменистан.

Автор туралы мәлімет:

Соегов Мурадгелди, филология ғылымдарының докторы, профессор, Түрікменстан Ғылым академиясының академигі, штаттан тыс ғылыми қызметкер, Мақтымқұлы атындағы Ұлттық тіл, әдебиет және қолжазбалар институты, Көпетдаг этрапы, 37, Ашхабад, Түрікменстан.

Information about author:

Soyegov Myradgeldi, Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of Turkmenistan, non-Staff Scientific Researcher, Magtymguly National Institute of Language, Literature and Manuscripts of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Kopet Dag etrap, 37, Ashgabat, Turkmenistan.

СЫН-ПІКІРЛЕР/REVIEWS/РЕЦЕНЗИИ

А.К. Каиржанов

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Нур-Султан, Республика Казахстан
(E-mail: kairzhanov@list.ru)*

Рецензия на коллективную монографию

Жолдасбеков М., Шаймердинова Н.Г., Калдыбаев М.С., Каликов Р.К., Жиёмбай Б.С., Даханбаева А.Е. Монография: История, язык и этнокультура тюркских народов Казахстана. – Нур-Султан, 2020. – 237 с.
ISBN 978-601-332-980-2

Рецензируемая монография написана в рамках проекта МОН РК АР 05131798 «Сохранение и развитие этнического культурного наследия кыпчако-огузских народов в условиях современного Казахстана», посвященная истории, языку, этнокультуре кыпчакских и огузских народов Республики Казахстан. В этой книге дается квантитативная характеристика численности исследуемых народов в динамике исторических и современных переписей, на мой взгляд, удалось раскрыть исторические, культурные, общественно-политические причины и условия их миграции в Казахстан, среди которых отмечается насильственная депортация народов на территорию Казахстана в 1944 году во время Великой Отечественной войны. Авторы особое внимание уделяют социокультурным вопросам современных кыпчако-огузских народов, проблеме их расселения и описываются места их обитания, раскрываются вопросы этнической идентификации, созданию брачных союзов, вероисповеданию и занятости.

В монографии подвергаются исследованию этнокультура и проблемы формирования языковой ситуации этих народов, которые сумели сохранить тот язык, на котором они говорили

в начале своей депортации на земле Казахстана. Рассмотрены диахронический аспект исследования кыпчакских и огузских языков, описаны современные системные особенности этих языков в процессе взаимодействия с казахским, русским и другими языками Республики Казахстан, что определило их особую роль в становлении языковой ситуации в республике.

В структурном отношении анализируемая монография состоит из Предисловия, двух разделов, Заключения и Библиографии (использованы 162 источника). Первый раздел («История проживания кыпчакско-огузских народов в Казахстане») состоит из трех рубрик: 1) «Историческая динамика кыпчакских и огузских диаспор в Казахстане», 2) «Депортация тюркских народов», 3) Социально-культурные характеристики кыпчакско-огузских народов в современном Казахстане.

В первой рубрике показана динамика исследуемых народов. Значительную часть тюркских народов Казахстана, помимо казахов, составляют представители других кыпчакских и огузских народов: азербайджанцы, балкарцы, башкиры, гагаузы, караимы, каракалпаки, карачаевцы, крымские татары, крымчаки, кумыки, кыргызы, ногайцы, татары, турки, туркмены. Миграция показана с исторической точки зрения, начиная с 18 века по настоящее время. Демонстрируется квантитативными таблицами проблемы миграции тюркских народов. Во второй рубрике раскрывается история депортации тюркских народов на земли Казахстана. Здесь подробно освещены условия и причины насильственной депортации тюркских народов и это, прежде всего, были карачаевцы, балкарцы, крымские татары и турки-месхетинцы (ахыска). Сравните, например, какие сведения приводятся в книге: *«Из родных мест было вывезено 14 774 семей карачаевцев общей численностью – 69 276 человек. Из них 11 711 семей численностью – 45 529 человек были размещены в Джамбульской и Южно-Казахстанской областях Казахстана [Алдажуманов К., Алдажуманов Е., 1998, с 239]. Остальные карачаевцы были размещены в Киргизии и Узбекистане. Несмотря на озвученную мотивацию переселения целого народа, и фактического уничтожения их Родины, среди депортированных карачаевцев было меньше 1% тех, кто в действительности подходил под вышеописанную формулировку. Большая часть переселенцев были мирными людьми. Половина из всех депортированных карачаевцев были детьми. Остальная половина в основном состояла из женщин и стариков. Многие мужчины карачаевцы во время насильственной депортации карачаевского народа воевали на фронтах Великой Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков».*

Отношение к вынужденным переселенцам со стороны автохтонного населения Казахстана отражают многие свидетельства, которые приведены в этой книге. Сравните, например: *«Многие депортированные тюркские народы отмечают, что, несмотря на то, что, официальная идеология и пропаганда Советского Союза выставляла депортированные народы как изменников Родины и врагов народа, в Казахстане казахский народ продемонстрировал свое гуманное отношение к переселенцам, проявил гостеприимство, заботу, поделился куском хлеба и крышей над головой, несмотря на то, что в период Великой Отечественной войны казахи сами жили очень скромно, ничего лишнего не было, так как местные жители жили и трудились под лозунгом: «Все для фронта, все для Победы!». Более того, проявляя человеческое отношение к переселенцам, которых власть официально называла – «врагами народа», казахи сами рисковали (оказаться в ГУЛАГе)».* В третьей рубрике («Социально-культурные характеристики кыпчакско-огузских народов в современном Казахстане») даны многочисленные таблицы по расселению тюркских этносов, например, в рамках «город / село» и по областям РК. Представлены диаграммы по вероисповеданию, смешанных браков, а также по источникам профессиональной занятости. Качество этих данных опирается на материалы проведенного исследования и базируется на верифицированных данных переписей, а также на материалах опросов, анкетирования, интервьюирования респондентов.

Второй раздел («Язык и культура кыпчакских и огузских народов Казахстана») представлен пятью рубриками. Так, в первой рубрике («Некоторые аспекты диахронии кыпчакско-огузских

языков») рассматривается история развития кыпчакских и огузских языков. Здесь приводятся в сопоставительном аспекте те или иные изменения в области фонетики и морфологии в исследуемых языках. Авторы монографии отмечают, что *«Развитие кыпчакских и огузских языков имеет свои исторические закономерности, который можно обозначить в контексте: праалтайский (как общий язык-основа алтайской семьи языков) → пратюркский → распад на языковые ветви → пракыпчакский и праогузский → древние кыпчакские и огузские языки в памятниках караханидской эпохи → среднекыпчакский и среднеогузский период позднего средневековья → современные кыпчакские и огузские языки. Истоками развития являются праалтайский и пратюркский языки, в которых формируются общие языковые признаки в сфере фонетическом, лексическом, грамматическом. Практикыпчакский и праогузский языки формируют общие типологические признаки указанных языков. Сравнительный анализ консонантных систем древнетюркского и кыпчакских и огузских языков показывает, что имеются общие явление, восходящие к прототюркскому языку. Языковые закономерности кыпчакских и огузских языков продолжают формироваться в караханидский период и продолжают развиваться в период позднего средневековья и нового времени».*

Во второй рубрике («Развитие современных кыпчакских и огузских языков») показаны различия и сходства в исследуемых языках в области фонетики и морфологии. Так, подробно освещается языковая система татарского языка, и особенности развития гагаузского, крымско-татарского, крымчакского языков в условиях современного Казахстана. В третьей рубрике («Взаимодействие и взаимовлияние кыпчакских и огузских языков») демонстрируется процесс языковой аккультурации между казахским и турецким, между казахским, русским и гагаузским языками, а также между казахским и крымско-татарским языками в области лексики. Действительно, сопоставительный анализ показывает указанные лексемы крымско-татарского, казахского и других тюркских языков в целом являются семантически тождественными, имеют общую этимологию, восходящую к древнетюркскому языку, различаются лексемы по некоторым лексико-семантическим вариантам многозначности и фонетическими вариациями. В четвертой рубрике («Образование и владение языками») раскрываются образования тюркских народов Казахстана, вопросы билингвизма, многоязычия и проблемы усвоения тюркскими народами казахского языка. Так, например, татары в своем подавляющем большинстве уже свободно владеют казахским языком. Хотя в быту и на работе чаще переходят на русский язык. Возникает проблема в РК – каждый гражданин республики, не смотря на свою этническую принадлежность, должен свободно общаться на казахском языке. Об этом и утверждают авторы монографии: *«Важным фактором, характерным для языковой ситуации Республики Казахстана, является развитие билингвизма, трехязычия и полиязычия. Языковой полифонизм, смешение языков, лексическая межъязыковая интеркаляция отличают языковую коммуникацию азербайджанцев, гагаузов, башикир, кумыков, крымских татар, кыргызов, ногайцев, турков, татар и других кыпчакских и огузских народов Казахстана».* Однако все этносы, проживающие в Казахстане, как граждане этой страны должны овладеть в совершенстве государственным казахским языком. В пятой рубрике («Сохранение этнокультурных традиций кыпчако-огузских народов Казахстана») исследуются этнокультурные особенности тюркских народов РК. Авторы указывают, что ценностные особенности и ориентации исследуемых этносов не подвергаются ментальному сдвигу, они остаются неизменными. В Заключении подводятся итоги проведенного исследования.

Таким образом, монография «История, язык и этнокультура тюркских народов Казахстана» является актуальным исследованием и думаю, что является первым исследованием, отражающим итоги реализации языковой политики РК за последние 30 лет независимости страны. Более того, в монографии собран богатейший материал по исторической миграции тюркских народов в Казахстан, раскрываются факты развития и сохранения культуры и языка тюркских народов Казахстана.

А.К. Каиржанов

*Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан Республикасы
(E-mail: kairzhanov@list.ru)*

Ұжымдық монографияға шолу

A.K. Kairzhanov

*L.N. Gumilyov Eurasian national University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan
(E-mail: kairzhanov@list.ru)*

Review of the collective monograph

Сведения об авторе:

Абай Каиржанович Каиржанов, доктор филологических наук, профессор кафедры тюркологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, ул. Сатпаева 2, Нур-Султан, Республика Казахстан.

Автор туралы мәлімет:

Абай Каиржанович Каиржанов, филология ғылымдарының докторы, түркітану кафедрасының профессоры, Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Сәтбаев к-сі, 2, Нұр-Сұлтан, Қазақстан Республикасы.

Information about author:

Abay Kairzhanovich Kairzhanov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Turkology, L.N.Gumilyov Eurasian National University, Satpayev str., 2, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan.

МАҚАЛАНЫ РӘСІМДЕУ ҮЛГІСІ/ТЕМПЛАТЕ/ ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

IRSTI 03.91.03 (defined by the link <http://grnti.ru/>)

V.V. Trepavlov

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
(E-mail: trepavlov@yandex.ru)*

***A.V. Belyakov**

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
(E-mail: belafeb@gmail.com)*

*Corresponding author: belafeb@gmail.com

Edigü at the head of the Golden Horde: the experience of his Chagatai emigration

Abstract. In the second half of the 14th century in the ulus Khanates of the former Mongol Empire happened fading Chinggisid ruling dynasties' charisma has ebbed. The real power found itself in the hands of powerful representatives of Turkic tribal aristocracy. The most striking example of degradation of Chinggisids' royal prerogatives was sovereignty of Timur in the Chagatai Ulus. The article shows how

Mangyt Edigü Beq, during his long stay at the Timur's court, was inspired by this example and embodied the basic principles of his rule in the Golden Horde. For two decades Edigü handed the throne to his henchmen, and under all of them he was the chief lord (beqlerbegi). Furthermore, close contacts with the theologians of the environment of Timur formed the spiritual guidance of Edigü that manifested later in his campaign of Islamization of the Golden Horde nomads. **[200-300 words]**

Keywords: Edigü, Timur, Golden Horde, Chinggisids, beqlerbegi **[5-7 words/word combinations]**

MAIN TEXT OF THE ARTICLE

The main text of the article should contain the following structural elements:

- Introduction
- Materials and research methods
- The degree of research of the topic
- Analysis
- Results
- Conclusions

Литература

(образец оформления)

1. **Книга:** Manz B.F. The Rise and Rule of Tamerlane. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1989. – 240 p.
2. **Статья в научном сборнике:** Камалов С.К. О географических названиях в эпосе «Эдиге» // Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды. – Махачкала: Наука, 1993. – С. 132–134.
3. **Коллективная монография:** Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – 1056 с.
4. **Материалы конференции:** Аничкин Л.К. Золотоордынское наследие // Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая

история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. — Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. — 368 с.

5. **Статья в журнале:** Мухаметов Ф.Ф. Монгольская «Яса» и ее роль в системе общественных отношений империи Чингисхана // Вопросы истории. – 2007. – Т. 11. – № 5. – С. 150-155.

6. **Диссертационная работа:** Малышев А.Б. Христианство в истории Золотой Орды: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: защищена: 22.01.02 – Саратов: Наука, 2000. – 181 с.

7. **Электронный источник:** Сабитов Ж.М. Золотая Орда — «падчерица» казахстанской историографии. // Молодой ученый. – 2015. – Т. 104. – № 24. – С. 842-851. [Электронный ресурс] — URL: <https://moluch.ru/archive/104/23260/> (дата обращения: 07.09.2020).

8. **Учебное пособие:** Логунова Г.В. Русь и Золотая Орда: проблема взаимовлияния: учеб. пособие. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – 110 с.

9. **Газетная статья:** Алим Дж. Золотая Орда: наследники великого ханства//Газета «Комсомольская правда». – №145. – 2020. – 1 апреля. – С.7-8.

Reference

(design of sample)

1. **Book:** Manz B.F. The Rise and Rule of Tamerlane. Cambridge; New York; Port Chester; Melbourne; Sydney, Cambridge univ. press, 1989. 240 p.

2. **Article in a scientific collection:** Kamalov S.K. О географических названий в епосе «Edige» [About place names in the epic «Edige»], Istoriko-geograficheskie aspekty razvitiya Nogajskoj Ordy [Historical and geographical aspects of the development of the Nogai Horde] (Nauka, Mahachkala, 1993, P. 132–134). [in Russian].

3. **Collective monograph:** Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v. [Ulus Jochi (Golden Horde). CHII – middle of SWR c.] (Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan', 2009, 1056 p.). [in Russian].

4. **Conference materials:** Anichkin L.K. Zolotoordynskoe nasledie. Vypusk 2. Materialy vtoroj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Politicheskaya i social'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoj Ordy», posvyashchennoj pamyati M.A. Usmanova [Golden Horde heritage. Issue 2. Materials of the Second International Scientific Conference «Political and Socio-Economic History of the Golden Horde»]. Kazan, March 29-30, 2011. Kazan': LLC «Foliant», Institute of History. Sh. Mardzhani AS RT. 2011, 368 p.

5. **Journal article:** Muhametov F.F. Mongol'skaya «YASA» i ee rol' v sisteme obshchestvennyh otnoshenij imperii CHingiskhana [Mongolian «YASA» and its role in the system of public relations of the empire of Genghis Khan], Voprosy istorii[history issues], 11(5), 150-155 (2007).

6. **Dissertation:** Malyshev A.B. Hristianstvo v istorii Zolotoj Ordy. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Christianity in the history of the Golden Horde. Dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Protected: 01/22/02 Saratov: Nauka, 2000, 181 p. [in Russian].

7. **Electronic source:** Sabitov, ZH. M. Zolotaya Orda – «padcherica» kazahstanskoj istoriografii [Golden Horde – «stepdaughter» of Kazakhstani historiography], Molodoj uchenyj[Young scientist], 24 (104), 842-851 (2015). [Electronic resource]. Available at: <https://moluch.ru/archive/104/23260/> (Accessed: 7.09.2020). [in Russian].

8. **Tutorial:** Logunova G.V. Rus' i Zolotaya Orda: problema vzaimovliyaniya : ucheb.posobie. [Rus and the Golden Horde: the problem of mutual influence: textbook]. (Izd-vo IGU, Irkutsk, 2014, 110 p.).

9. **Newspaper article:** Alim Dzh. Zolotaya Orda: nasledniki velikogo hanstva [Golden Horde: heirs of the great khanate]. Newspaper «Komsomol'skaya pravda». №145. 2020. April. P.7-8, Almaty.

В.В. Трепавлов
Ресей ғылым Академиясы Ресей тарихы институты, Мәскеу, Ресей Федерациясы
(E-mail: trepavlov@yandex.ru)

***А.В. Беляков**
Ресей ғылым Академиясы Ресей тарихы институты, Мәскеу, Ресей Федерациясы
(E-mail: belafeb@gmail.com)

*Байланыс үшін автор: belafeb@gmail.com

Алтын Орда басындағы Едіге: шағатай эмиграциясының тәжірибесі

Аннотация. XIV ғ. екінші жартысында бұрынғы Моңғол империясының ұлыстық хандықтарында билік құрған Шыңғыс әулеттерінің қуаты әлсірей бастады. Билік шын мәнінде түркілік ру-тайпа ақсүйектерінің тегеурінді өкілдерінің қолдарына көшті. Шағатай ұлысында Темірдің толық әмірін жүргізуі шыңғыстекті монархтардың тозғынға ұшырауының ең айқын көрінісі болды. Мақалада маңғыт бегі Едігенің Темір сарайында ұзақ уақыт болуы арқасында осы мысалдан үлгі алып, оның негізгі қағидаларын Алтын Орданы басқаруы барысында іске жаратқаны көрсетіледі. Екі онжылдық бойына Едіге хан тағын өзі қалаған адамдарға ұсына отырып, олардың бас бегі боп саналды. Оның үстіне, Темірдің айналасындағы дін ғұламаларымен тығыз араласуы нәтижесінде Едіге өзінің рухани бағдарларын қалыптастырып, кейіннен онысын Алтын Орда көшпелілерін мұсылмандық жолына бұру әрекеттері кезінде пайдаланды... [200-300 сөз]

Кілт сөздер: Едіге, Темір, Алтын Орда, шыңғыстектілер, бектербегі [5-7 сөз/сөз тіркесі]

В.В.Трепавлов

Институт Российской истории Российской Академии наук, Москва, Российская Федерация
(E-mail: trepavlov@yandex.ru)

***А.В. Беляков**

Институт Российской истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация
(E-mail: belafeb@gmail.com)

*Автор для корреспонденции: belafeb@gmail.com

Едыгей во главе Золотой Орды: опыт чагатайской эмиграции

Аннотация. Во второй половине XIV в. в улусных ханствах бывшей Монгольской империи происходило угасание харизмы правящих чингисидских династий. Реальная власть оказывалась в руках могущественных представителей тюркской родоплеменной аристократии. Самым ярким примером деградации царственных прерогатив монархов-чингисидов было полномочие Тимура в Чагатайском улусе. В статье показано, как мангытский бек Едыгей во время своего долгого пребывания при дворе Тимура вдохновился этим примером и воплотил основные принципы его правления в Золотой Орде. На протяжении двух десятилетий Едыгей вручал ханский трон своим избранникам, при которых состоял главным бекем. Кроме того, тесные контакты с богословами из окружения Тимура сформировали духовные ориентиры Едыгея, что позднее проявилось в развернутой им кампании по исламизации кочевников Золотой Орды... [200-300 слов]

Ключевые слова: Едыгей, Тимур, Золотая Орда, Чингисиды, беклербек [5-7 слов/словосочетаний]

Information about authors:

Trepavlov Vadim Vinserovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for the History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations, Dm. Ulyanova, 19, Moscow, Russian Federation.

Andrey Vasilyevich Belyakov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for the History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations, Dm. Ulyanova, 19, Moscow, Russian Federation.

Авторлар туралы мәлімет:

Трепавлов Вадим Винсерович, тарих ғылымдарының докторы, профессор, РФА Ресей тарихы институтының бас ғылыми қызметкері, Ресей халықтары тарихы және этносаралық қатынас орталығының жетекшісі, Дм.Ульянов, 19, Мәскеу, Ресей Федерациясы.

Андрей Васильевич Беляков, тарих ғылымдарының докторы, профессор, РФА Ресей тарихы институтының бас ғылыми қызметкері, Ресей халықтары тарихы және этносаралық қатынас орталығының жетекшісі, Дм.Ульянов, 19, Мәскеу, Ресей Федерациясы.

Сведения об авторах:

Трепавлов Вадим Винсерович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, Дм.Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация.

Андрей Васильевич Беляков, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация.

В.В.Трепавлов

*Ресей ғылым Академиясы Ресей тарихы институты, Мәскеу, Ресей Федерациясы
(E-mail: trepavlov@yandex.ru)*

***А.В. Беляков**

*Ресей ғылым Академиясы Ресей тарихы институты, Мәскеу, Ресей Федерациясы
(E-mail: belafeb@gmail.com)*

*Байланыс үшін автор: belafeb@gmail.com

Алтын Орда басындағы Едіге: шағатай эмиграциясының тәжірибесі

Аннотация. XIV ғ. екінші жартысында бұрынғы Моңғол империясының ұлыстық хандықтарында билік құрған Шыңғыс әулеттерінің қуаты әлсірей бастады. Билік шын мәнінде түркілік ру-тайпа ақсүйектерінің тегеурінді өкілдерінің қолдарына көшті. Шағатай ұлысында Темірдің толық әмірін жүргізуі шыңғыстекті монархтардың тозғынға ұшырауының ең айқын көрінісі болды. Мақалада маңғыт бегі Едігенің Темір сарайында ұзақ уақыт болуы арқасында осы мысалдан үлгі алып, оның негізгі қағидаларын Алтын Орданы басқаруы барысында іске жаратқаны көрсетіледі. Екі онжылдық бойына Едіге хан тағын өзі қалаған адамдарға ұсына отырып, олардың бас бегі боп саналды. Оның үстіне, Темірдің айналасындағы дін ғұламаларымен тығыз араласуы нәтижесінде Едіге өзінің рухани бағдарларын қалыптастырып, кейіннен онысын Алтын Орда көшпелілерін мұсылмандық жолына бұру әрекеттері кезінде пайдаланды... [200-300 сөз]

Кілт сөздер: Едіге, Темір, Алтын Орда, шыңғыстектілер, бектербегі [5-7 сөз/сөз тіркесі]

МАҚАЛАНЫҢ НЕГІЗГІ МӘТІНІ

Мақаланың негізгі мәтінінде келесі құрылымдық элементтер болуы керек:

- Кіріспе
- Материалдар және зерттеу әдістері
- Тақырыптың зерттелу дәрежесі
- Талдау
- Нәтижелер
- Қорытындылар

Әдебиет

(безендіру үлгісі)

1. **Книга:** Manz B.F. The Rise and Rule of Tamerlane. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1989. – 240 p.
2. **Статья в научном сборнике:** Камалов С.К. О географических названиях в эпосе «Эдиге» // Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды. – Махачкала: Наука, 1993. – С. 132-134.
3. **Коллективная монография:** Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – 1056 с.
4. **Материалы конференции:** Аничкин Л.К. Золотоордынское наследие // Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усманова. Казань, 29-30 марта 2011 г. – Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – 368 с.

5. **Статья в журнале:** Мухаметов Ф.Ф. Монгольская «Яса» и ее роль в системе общественных отношений империи Чингисхана // Вопросы истории. – 2007. – Т. 11. – № 5. – С. 150-155.

6. **Диссертационная работа:** Малышев А.Б. Христианство в истории Золотой Орды: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: защищена: 22.01.02 – Саратов: Наука, 2000. – 181 с.

7. **Электронный источник:** Сабитов Ж.М. Золотая Орда — «падчерица» казахстанской историографии. // Молодой ученый. – 2015. – Т. 104. – № 24. – С. 842-851. [Электронный ресурс] – URL: <https://moluch.ru/archive/104/23260/> (дата обращения: 07.09.2020).

8. **Учебное пособие:** Логунова Г.В. Русь и Золотая Орда: проблема взаимовлияния: учеб. пособие. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – 110 с.

9. **Газетная статья:** Алим Дж. Золотая Орда: наследники великого ханства//Газета «Комсомольская правда». – №145. – 2020. – 1 апреля. – С.7-8.

Reference

(design of sample)

1. **Book:** Manz B.F. The Rise and Rule of Tamerlane. Cambridge; New York; Port Chester; Melbourne; Sydney, Cambridge univ. press, 1989. 240 p.

2. **Article in a scientific collection:** Kamalov S.K. О географических названиях в епосе «Edige» [About place names in the epic «Edige»], Istoriko-geograficheskie aspekty razvitiya Nogajskoj Ordy [Historical and geographical aspects of the development of the Nogai Horde] (Nauka, Mahachkala, 1993, P. 132–134). [in Russian].

3. **Collective monograph:** Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v. [Ulus Jochi (Golden Horde). CHII – middle of SWR c.] (Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan', 2009, 1056 p.). [in Russian].

4. **Conference materials:** Anichkin L.K. Zolotoordynskoe nasledie. Vypusk 2. Materialy vtoroj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Politicheskaya i social'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoj Ordy», posvyashchennoj pamyati M.A. Usmanova [Golden Horde heritage. Issue 2. Materials of the Second International Scientific Conference «Political and Socio-Economic History of the Golden Horde»]. Kazan, March 29-30, 2011. Kazan': LLC «Foliant», Institute of History. Sh. Mardzhani AS RT. 2011, 368 p.

5. **Journal article:** Muhametov F.F. Mongol'skaya «YASA» i ee rol' v sisteme obshchestvennyh otnoshenij imperii CHingiskhana [Mongolian «YASA» and its role in the system of public relations of the empire of Genghis Khan], Voprosy istorii [history issues], 11(5), 150-155 (2007).

6. **Dissertation:** Malyshev A.B. Hristianstvo v istorii Zolotoj Ordy. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Christianity in the history of the Golden Horde. Dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Protected: 01/22/02 Saratov: Nauka, 2000, 181 p. [in Russian].

7. **Electronic source:** Sabitov, ZH. M. Zolotaya Orda – «padcherica» kazahstanskoj istoriografii [Holden Horde – «stepdaughter» of Kazakhstani historiography], Molodoj uchenyj [Young scientist], 24 (104), 842-851 (2015). [Electronic resource]. Available at: <https://moluch.ru/archive/104/23260/> (Accessed: 7.09.2020). [in Russian].

8. **Tutorial:** Logunova G.V. Rus' i Zolotaya Orda: problema vzaimovliyanija : ucheb.posobie. [Rus and the Golden Horde: the problem of mutual influence: textbook]. (Izd-vo IGU, Irkutsk, 2014, 110 p.).

9. **Newspaper article:** Alim Dzh. Zolotaya Orda: nasledniki velikogo hanstva [Golden Horde: heirs of the great khanate]. Newspaper «Komsomol'skaya pravda». №145. 2020. April. P.7-8, Almaty.

V.V. Trepavlov

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
(E-mail: trepavlov@yandex.ru)*

***A.V. Belyakov**

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
(E-mail: belafeb@gmail.com)*

*Corresponding author: belafeb@gmail.com

Edigü at the head of the Golden Horde: the experience of his Chagatai emigration

Abstract. In the second half of the 14th century in the ulus Khanates of the former Mongol Empire happened fading Chinggisid ruling dynasties' charisma has ebbed. The real power found itself in the hands of powerful representatives of Turkic tribal aristocracy. The most striking example of degradation of Chinggisids' royal prerogatives was sovereignty of Timur in the Chagatai Ulus. The article shows how

Mangyt Edigü Beq, during his long stay at the Timur's court, was inspired by this example and embodied the basic principles of his rule in the Golden Horde. For two decades Edigü handed the throne to his henchmen, and under all of them he was the chief lord (beqlerbegi). Furthermore, close contacts with the theologians of the environment of Timur formed the spiritual guidance of Edigü that manifested later in his campaign of Islamization of the Golden Horde nomads. [200-300 words]

Keywords: Edigü, Timur, Golden Horde, Chinggisids, beqlerbegi [5-7 words/word combinations]

В.В.Трепавлов

*Институт Российской истории Российской Академии наук, Москва, Российская Федерация
(E-mail: trepavlov@yandex.ru)*

***А.В. Беляков**

*Институт Российской истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация
(E-mail: belafeb@gmail.com)*

*Автор для корреспонденции: belafeb@gmail.com

Едыгей во главе Золотой Орды: опыт чагатайской эмиграции

Аннотация. Во второй половине XIV в. в улусных ханствах бывшей Монгольской империи происходило угасание харизмы правящих чингисидских династий. Реальная власть оказывалась в руках могущественных представителей тюркской родоплеменной аристократии. Самым ярким примером деградации царственных prerogatives монархов-чингисидов было полновластие Тимура в Чагатайском улусе. В статье показано, как мангытский бек Едыгей во время своего долгого пребывания при дворе Тимура вдохновился этим примером и воплотил основные принципы его правления в Золотой Орде. На протяжении двух десятилетий Едыгей вручал ханский трон своим избранникам, при которых состоял главным беком. Кроме того, тесные контакты с богословами из окружения Тимура сформировали духовные ориентиры Едыгея, что позднее проявилось в развернутой им кампании по исламизации кочевников Золотой Орды... [200-300 слов]

Ключевые слова: Едыгей, Тимур, Золотая Орда, Чингисиды, беклербек [5-7 слов/словосочетаний]

Авторлар туралы мәлімет:

Трепавлов Вадим Винцерович, тарих ғылымдарының докторы, профессор, РҒА Ресей тарихы институтының бас ғылыми қызметкері, Ресей халықтары тарихы және этносаралық қатынас орталығының жетекшісі, Дм.Ульянов, 19, Мәскеу, Ресей Федерациясы.

Андрей Васильевич Беляков, тарих ғылымдарының докторы, профессор, РҒА Ресей тарихы институтының бас ғылыми қызметкері, Ресей халықтары тарихы және этносаралық қатынас орталығының жетекшісі, Дм.Ульянов, 19, Мәскеу, Ресей Федерациясы.

Information about authors:

Trepavlov Vadim Vinserovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for the History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations, Dm. Ulyanova, 19, Moscow, Russian Federation.

Andrey Vasilyevich Belyakov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for the History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations, Dm. Ulyanova, 19, Moscow, Russian Federation.

Сведения об авторах:

Трепавлов Вадим Винцерович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, Дм.Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация.

Андрей Васильевич Беляков, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация.

TURKIC STUDIES JOURNAL

2021. Vol. 3, No 3 – Нұр-Сұлтан: ЕҰУ. – 94 б.

26.09.21 басуға жіберілді

Тираж – 50 дана.

Авторларға арналған нұсқаулар,
жариялау этикасы журнал сайтында берілген: tsj.enu.kz

Техникалық хатшы: А. Байгаж

Компьютерде беттеген: Д. Нурушева

Редакцияның мекенжайы:

010008, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ., Сәтбаев к-сі, 2.

Тел.: +7 (7172) 709-500 (ішкі 31-434)

E-mail: turkicjournal@gmail.com, web-site: tsj.enu.kz

Қазақстан Республикасы Ақпарат және қоғамдық даму министрлігінде тіркелген. 24.02.2021 ж.

№KZ27VPY00032814 – тіркеу куәлігі (алғашқы тіркеу нөмірі және күні 28.03.2019, 17636-Ж).

© Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті

tsj.enu.kz

